Сопротивление продолжается

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Корреспонденции из Южной Кореи —

Т. К.

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
1975

ОТ РЕДАКЦИИ

Японский журнал «Сэкай» поместил «Корреспонденции из Южной Кореи», рассказывающие о борьбе южнокорейского народа против диктаторского режима, за демократизацию общества.

В книге в переводе печатаются 26 статей из «Корреспонденций из Южной Кореи», помещенных в журнале «Сэкай» с ноября 1972 года по июнь 1974 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

УНЫНИЕ И ОТКАЗ

— Ноябрь 1972 года —

Никому не позволено говорить о положении дел в Южной Корее, где вечером 17 октября этого года вдруг объявлено осадное положение. Один приятель показал мне «донесение о положении в Корейской республике», написанное на английском языке. Он говорил, что неделю тому назад один иностранный миссионер секретно послал это донесение на свою родину, и это, видно, его копия. Он добавил, что это донесение иностранца, пожалуй, представляется самым объективным и достоверным.

Я привожу отрывки из этого донесения и заменяю ими мою первую корреспонденцию.

> ... Нечего и говорить, что все люди рассматривают это событие просто-напросто как захват власти с целью увековечения правления нынешнего правительства.
>
> ... Строга цензура. Газетам и журналам, чтобы не заметными были следы цензуры, не разрешается оставлять вымарки. Во всех крупных вузах Сеула (за исключением женских) расквартированы войсковые части. У ворот стоят часовые. Такая же картина происходит и у подъездов клиник Северанса и других techинститутов. Сначала студентам не разрешалось войти в них, а преподаватели и служащие вузов под-

вергались обыску. Через некоторое время этот контроль несколько смягчился.

Заявлением от 17 октября президент запретил всякую политическую деятельность и деятельность за или против новой конституции. Но, говорят, будет разрешена «просветительная деятельность» для «разъяснения» реформированной конституции. Кое-где развеваются большущие флаги. Эти флаги как бы торопят с принятием новой конституции, воспевают «октябрьскую реформу», рекламируют «демократию южнокорейского образца». А ЦРУ и полиция сильно нажимают на представителей всех слоев населения и организации открыто поддерживать «реформу». Что ни день поступают сообщения о том, что кто-то осужден за распространение «демагогии» против новой конституции. Ректоры трех университетов все еще не сдались (ректор-американец Н-ского университета еще не получил такую просьбу).

Люди всех слоев населения находятся в мрачном настроении и смотрят на вещи больно пессимистически. Нечего и говорить, интеллигенты и городские жители, как и в прошлом, выступают в оппозиции. Но в этот раз сельское население не унимается... Многие принуждены поддерживать эту перемену, но подавляющее большинство не поддается на это.

В некоторых провинциальных городах всех пасторов вызвали в полицейский участок и предложили выступать в поддержку этой перемены. Но пасторы отказали. Стороны разошлись, каждая чувствуя себя неловко. Пасторы оттого, что отказали, а полицейские оттого, что не сумели убедить их. Учители начальных школ обходили окрестности и уговаривали детей не прислуши-

ваться к крамольным словам, сказанным старшими братьями-студентами, и поддерживать реформу. После крушения японского господства народные массы впервые были такими осторожными в разговорах и избегали говорить на людях о ситуации страны. Ползли слухи: кто-то арестован, рыщут везде сыщики, следят США и т. д. Все эти слухи норовят создавать такую атмосферу преследования, какой никогда не было после 1945 года на всем протяжении диктаторского правления, начиная от Ли Сын Мана и кончая Пак Чжон Хи.

Что-либо предсказать о будущем почти невозможно. Слишком много непонятных вопросов, которые следует обсуждать. Южнокореец традиционно придерживается двух позиций. Одна из них выражается в том, чтобы отступать перед силой, идти туда, куда дует ветер, укрыться, пока пройдет буря. Другая выражается в том, чтобы взорваться в крайнем случае, ожесточиться, перейти к решительным действиям. Ума не приложу, как поддерживать равновесие между этими двумя позициями.

Если правительство поумнеет и не будет разыгрывать не в меру шумный скандал в связи с референдумом и прибегать к провокационным действиям после возвращения студентов в вузы, то, может быть, взрыв будет на время отложен. Но чем дальше откладывается взрыв, тем сильнее будет он. По всей вероятности, дело примет более сложный оборот, когда студенты вернутся в вузы. Сомнительно, будет ли спокойно в их весеннем семестре. У меня такое опасение, что если возникнут демонстрации и не смирятся ни перед бомбами со слезоточивым газом, ни перед тактикой по-

давления, проводимой полицейскими нарядами, то не откроют ли огонь войсковые части по народным массам. Затянется демонстрация по крайней мере дольше дня, они, наверно, перейдут к действию. Перспектива прямо-таки очень мрачная, но другого и трудно ожидать.

Наконец, мы очень полагаемся на гибкость и тягу к свободе, которые свойственны людям Южной Кореи. Может быть, они временно находятся в состоянии подавленности, но это не может продолжаться без конца. Пусть информация полностью контролируется, но американцы должны недвусмысленно выражать свою поддержку этим горячим чаяниям народных масс. Церковь — это мощная крепость в Южной Корее. Надо всеми силами стараться, чтобы взрастить ее силу.

ФАШИЗМ НАПАДАЕТ НА ЦЕРКОВЬ

— Январь 1973 года —

27 декабря господин Пак Чжон Хи опять занял президентское кресло как восьмой по счету. Так, значит, господин Пак добился своего — вечно оставаться у власти. В Сеуле было необычно спокойно. В ноль часов 14 декабря отменено чрезвычайное осадное положение. И жизнь, казалось, вошла в колею. Но в редакциях газет и радио представители ЦРУ все продолжали проверку. И референдум, и выборы депутатов в национальное собрание самостоятельного объединения проходили в мирной обстановке. Мир полон слухами, что все вышло

так, как хотело правительство, так как оно решало все по своему усмотрению и своими руками. Но никто не смеет противиться этому правительству.

Но все же в теперешнем молчании южнокорейского населения, несомненно, скрывается что-то грозное. Кого ни спроси, никто не хочет говорить о нынешней политике. У них вид явно сумрачный. В такой обстановке в христианской церкви возникло происшествие. Это событие не оглашалось, покрылось мраком неизвестности. Только два-три дня тому назад я мог услышать от приятеля об аресте одного пастора. Говорят, что вестник этой секты с подробным описанием этого события был сконфискован полицией еще перед распространением. Это дело с господином Ын Мен Ги, пастором Наммунской церкви в городе Чончжу провинции Северный Чолла. Дело было так.

13 декабря, в среду, кончив богослужение, пастор Ын и его последователи остались в церкви и справляли ночную молитву. Около 11 часов вечера, перед самой отменой чрезвычайного осадного положения, в церковь ворвались полицейские и разогнали молящихся, увели с собой пастора Ына, служившего молитву, припав к кафедре, и посадили под стражу. Арест пастора по политическим мотивам, да и то во время молитвы в общественном месте — это беспрецедентное происшествие, которое взбудоражило церковь в Южной Корее. По поводу этого инцидента разрозненные секты и церкви объединились и выступали с протестом. В воскресенье в осиротевшую церковь пришло еще больше людей. О подоплеке своего ареста пастор Ын рассказывал:

Однажды в октябре к нему явился губернатор провинции Северный Чолла и просил его разъяснять среди прихожан насчет необходи-

мости осадного положения и октябрьской реформы, сотрудничать с ним. Тут он заявил губернатору, что совесть не позволяет мириться с изменением конституции под осадным положением. После этого его просили стать членом руководства по делам изменения конституции, но он и на это ответил отказом.

В обвинительном акте написано:

Подсудимый с 11 апреля 1960 года работал пастором Наммунской церкви. 24 апреля 1971 года он избран членом подготовительной комиссии совета по защите демократии провинции Северный Чолла, 25 апреля — главным членом совета по защите демократии провинции Северный Чолла. 26 того же месяца под предлогом защиты демократии он организовал группу по осмотру вскрытия избирательных урн во время всеобщих выборов, а 19 ноября того же года от имени молодежного общества Наммунской церкви пригласил Хам Сок Хона и Чан Чжун Ха (оба являются крупными мыслителями Южной Кореи — **Ред.**) и устроил лекции о текущем моменте. Так, он давно настроен антиправительственно и высказывался против всяких ограничений свободы народа. Особенно он возражал против проекта изменения конституции и введения осадного положения в связи с октябрьской реформой.

1. В 15 часов 20 октября 1972 года подсудимый во внутренней комнате своей квартиры на территории Наммунской церкви говорил дьякону этой церкви Ким Сон Чхору такую ложь: «Октябрьская реформа, наверное, будет принята через референдум, чрезвычайное осад-

ное положение объявлено с целью продления власти под предлогом объединения Юга и Севера».

2. Около 12 часов 10 минут 22 того же месяца на улице близ Наммунской церкви он сказал своему прихожанину Ким Ик Хвану: «Как вы смотрите на роспуск парламента? Справедливо ли распустить парламент силой оружия?»

3. Около 11 часов 6 февраля того же года подсудимый во внутренней комнате своей квартиры говорил дьякону его церкви Ким Сон Чхору: «Успех нынешнего референдума уже совершившийся факт. При запрете политической деятельности иначе быть не может. Это показывает и мировая история. Реформированная конституция преследует цель вечно оставаться у власти под видом диалога между Югом и Севером. Поэтому мы должны выступать против нее. Мы как свободные люди не должны мириться с подавлением свободы. Чрезвычайное осадное положение — это мероприятие, имеющее целью вечно оставаться у власти под видом объединения страны».

Церкви молча пришли к единству мнений, что это начало фашистского подавления церкви. И они сопротивляются, убежденные в том, что если они отступят от этого рубежа, то им не миновать всеобщий крах. ЦРУ опасается, что дело примет неожиданный оборот из-за настойчивого сопротивления церкви. И оно заявило, что выпустит пастора Ына, если он даст обещание впредь не заниматься таким делом, но тот не согласен. Он заявил, что политическое суждение составляет часть его вероисповедания.

ПЕСНИ РАБОТНИЦ

— Февраль 1973 года —

Пастор Ын вышел из тюрьмы на поруки из-за болезни. Церковь Южной Кореи в страхе ждет, к какой тактике прибегнет опять ЦРУ для ее подавления. Думается, временное ослабление репрессий в отношении церкви вызвано в немалой степени и давлением со стороны мировой общественности.

Но в омертвевшем обществе Южной Кореи всегда найдется такой участок, который просто бурлит как кратер. И при осадном положении районы работниц прядильных фабрик все колыхаются. Почти все профсоюзы Южной Кореи находятся под контролем ЦРУ. Поэтому профсоюзы скорее поддерживают политику правительства и занимаются подавлением трудовых конфликтов. Если кто-то вздумает отдаваться рабочему движению, тут же ему прикалывается ярлык «красный» и он подвергается гонению.

В такой обстановке начали действовать общество католической рабочей молодежи и миссионерское общество городской промышленности протестантской церкви, которые главным образом обосновались в районах, где живут работницы. Они организуют коллективные контракты, руководят демонстрациями. Это движение пока охватывает немногих людей, но оно немало портит кровь ЦРУ. Тем более, эти организации пользуются международной солидарностью. Бывали и такие случаи, когда священников или пасторов этого движения арестовали

как красных, но стоящая за их спиной церковь протестовала против такого способа репрессий, и власти вынуждены были выпустить их через 26 часов. Приведем другой пример. Ниже следует текст петиции, которую предъявили рабочие камвольного акционерного общества Южной Кореи своему директору.

> 1. Нас принудили работать с вечера субботы до полудни воскресенья (с 6 часов вечера субботы до 2 часов полудни воскресенья) в продолжение 18 часов. Мы считаем, что это не только грубое нарушение устава труда, но также несправедливо и с точки зрения гуманности. Тем более, жестокая эксплуатация физически слабых трудовых женщин сильно угрожает нормальному состоянию нашего здоровья.
>
> 2. Думаем, что воскресный день является не только общепризнанным выходным днем, а отдых в этот день — религиозно-моральное предписание Иисуса, так что никто ни под каким предлогом не имеет права посягнуть на него. Многие христиане испытывают угрызение совести из-за нарушения распорядка воскресного дня.
>
> Мы требуем:
>
> 1. Немедленно отменить тяжелый и несправедливый 18-часовой труд, навязываемый нам в продолжение с вечера субботы до воскресного дня.
>
> 2. Строго соблюдать 8-часовой рабочий день и один день отдыха в неделю согласно уставу труда.
>
> 3. В случае организации внеурочной рабо-

ты из-за обстоятельств включить туда только желающих по их свободному волеизъявлению.

Мы надеемся, что эти наши требования немедленно будут удовлетворены, но в случае невыполнения наших справедливых требований мы на основе установленного закона готовы предпринять все меры к исправлению незаконных мер общества.

Эти требования ставят предпринимателя перед дилеммой. Выполни он их требования, такое движение будет распространяться среди всех рабочих. А правительство видит в этом ухудшение обстановки и оказывает давление на предпринимателя, утверждая, что это, мол, свидетельствует об отсутствии предпринимательской способности. В самом деле оно грозит лишить права на предпринимательство. В одной листовке, которая циркулировала среди работниц, пишется:

Пользуясь случаем, мы намерены задним числом потребовать и выплаты за незаконные внеурочные работы при пробной эксплуатации завода, за работы по утрам воскресных дней, потребовать введения одинаково оплачиваемого выходного дня в неделю и других выходных дней. Мы не хотим, чтобы наши дети говорили, что мы трусы и даже не смеем предъявить свои справедливые требования. Мы считаем страдания подружек своими собственными и готовы, объединив силы и волю, удовлетворить наши законные права.

Они как трудящиеся демократического государства выражают решимость «развертывать законную борьбу до тех пор, пока не осуществятся их

требования», и они «как члены демократического общества будут взывать к социальной этике».

В заключение приведем несколько песен, которые поют работницы в знак солидарности.

Победа за нами

1. Победа за нами, победа за нами,
победа за нами.

Припев: О, мы искренне верим, —
в тот день победа будет за нами.

2. Рука об ру́ку, рука об руку,
объединим наши силы.

Припев:

3. Заживем в мире, заживем в мире,
заживем в мире.

Припев:

Сезонная работница

1. Мы трудимся ради куска хлеба.
Нет отдыха вопреки уставу труда.
12 часов работаем — не заработаешь и
на миску лапши.
Изменим условия труда.

Припев: Трудящиеся, соединяйтесь!
Во имя процветания родины.
Вставайте, трудящиеся! Изменим
условия труда!

2. И в день получки растут тревоги за деньги.
За месяц зарабатываем 4200 вон.

Плати за квартиру, купи риса немного, —
и уже в кармане ни гроша.

3. Куда вы делись, доверчивые парни?
Когда-то вы работали для нас.
Проглотили ли вы стиральную соду,
почему такие дряблые?
Куда делись вы,
соколы смелые?
Вернитесь к нам.

Пионеры

1. В прошлом вы, товарищи, натерпелись
горя,
но дух наш сильный живет в веках.
Вы, пионеры, боролись на своем посту.
И сеете в нас благородную цель.

2. В прошлом вы, товарищи, натерпелись
мук.
Кто же отнимет полную смысла жизнь?
Вы, пионеры, и в тюрьме не унимались.
И путь к жизни нам указываете.

3. В прошлом вы, товарищи, натерпелись
унижения.
Но путь праведный засияет в веках.
И что же теперь нам предстоит —
Сплоченными силами добъемся согласия в
труде.

Такова подоплека южнокорейской промышленности для привлечения иностранных инвестиций. Может быть, дело обстоит так не только в Южной Корее. Нельзя забывать, что фашистский режим

фактически подкрепляется международными политическими и экономическими организациями. До каких пор продолжится этот период реакции?

Скоро расцветут азалии — первые ласточки весны и горы и поля Южной Кореи будут окрашены в яркий багрянец. И наступит «жестокий май».

СТРАННАЯ ПОЛИТИКА

— Июль 1973 года —

23 июня правительство сделало заявление о так называемом сосуществовании политических систем Юга и Севера.

Оно, дескать, «не возражает против одновременного вступления в ООН Южной и Северной Кореи». Но за 10 дней до этого был вынесен приговор тому, кто несколько лет назад высказался за необходимость признания политической системы Севера как реальности. Жертвой оказался лидер Объединенной социалистической партии господин Ким Чхор.

Кстати, эта партия, как и другие мелкие партии, была распущена 30 июня. Предлогом роспуска выдвигалось то, что она не обеспечила себе партийных комитетов в 25 установленных законом районах, как предусмотрено в «измененном законе о политических партиях».

Всякая политическая партия обязана иметь минимум 25 районных партийных комитетов. А каждый районный партийный комитет должен представить избирательной комиссии список больше чем 50 членов партии, приложенный их печатя-

ми. Объединенная социалистическая партия сделала отчаянные попытки набрать больше 50 смелых членов, способных устоять перед слежкой правительства, но потерпела неудачи. Если ты окажешься заподозренным в антиправительственных настроениях, то останешься без заработка. Если ты станешь розничным торговцем, то разоришься под натиском налогов. Объединенной социалистической партии так и не удалось отыскать 1250 смелых социалистов, готовых посвятить себя политическому движению за социализм. Ныне молодые социалисты не без ехидства говорят, что интересно будет смотреть, кого и из какой организации пошлет на международные собрания социалистов Пак Чжон Хи, который, мол, проводит политику открытых дверей на международном поприще.

После того, как 23 июня сделалось заявление об изменении политики в отношении Севера, все больше усиливается антикоммунистическая кампания в стране. 25 июня этого года по случаю 23-й годовщины «корейской смуты» по всей стране устраивались самые крупные мероприятия, напоминающие «кровавое 25 июня». Поставлена на ноги и вся печать (массовая пропаганда). Без конца сообщалось о шпионаже. Но жители города ничуть не реагировали на это. Заявление от 23 июня тоже не возымело какого-либо действия на жителей.

В дальнейшем, видимо, все больше будет сфабриковано случаев шпионажа и бунтовства. Повсюду разбрасываются листовки. И это приписывается к бунтовству. Примером тому служит арест пастора Пак Хен Гю и других. На пасхальном сборе было разбросано 400 листовок, критикующих правительство. В них говорилось: «О боже, помилуй глупого короля!». В условиях запрещения всякой критики подпольные листовки служат единственным

средством выражения воли населения. Но изображают дело так, будто он намеревался повести за собой собравшихся 80 тысяч верующих для захвата центрального радио и центральной правительственной резиденции.

В Сеуле по-разному толкуют это событие, распространяются небылицы. Человек с десять, мол, попытались занять правительственный орган, возглавив собравшихся на сборе 80 тысяч верующих. Как же могут так моментально быть организованными собравшиеся на молебен люди? Как же они могут занять правительственный орган перед вооруженными силами? В листовках нет никаких крамольных слов. Тогда, оказывается, правительство хочет протягивать свои руки к христианской церкви, которая единственно находится вне досягаемости его. Ходят разные слухи, достойные внимания.

Принуждают всех к молчанию, но среди учащихся все же чувствуется какое-то движение. На днях в вузах оживленно шла басня-спектакль. Но теперь и это подлежит предварительной цензуре. Один приятель по секрету сообщил, что правительство намерено карать даже кружок изучения из 4 — 5 человек, если только он берется критиковать его. Если у тебя найдут марксистскую литературу, то сразу к тебе приклеют ярлык коммуниста. Об антиправительственном акте сразу доносят в Чхонвадэ (президентская резиденция), откуда и следует соответствующее распоряжение. Даже дело оправданных лиц судья не имеет права решать по своему усмотрению. Никто не может предсказать, к чему приведет такая политика. Многие люди только и сетуют, что это упадочническое явление.

В такой обстановке многие интеллигенты беспокоятся за судьбу господина Ким Дэ Чжуна за границей. Это факт, что почти все считают его по-

чти единственным человеком, обладающим политической возможностью не покориться режиму Пака. Интеллигенты по-разному думают, какую атаку предпримет режим Пака против господина Кима за границей. Не сделает ли попытку подорвать его политическую позицию, распространяя версию о том, будто он связан с левыми элементами за границей. Есть и такое опасение, не будет ли пропагандировать режим Пака о том, будто он общается в США с теми, кто съездил на Север, или сотрудничает с теми, кто порвал с Минданом (Лига корейских граждан в Японии) и «действует под командой красных». Антиправительственные действия квалифицируются как дружба с коммунизмом, допущение коммунизма. Это значит, что антикоммунистическая истерия достигла предела.

Заканчивая свою корреспонденцию, привожу еще одну новость.

Заявление 23 июня о том, что не возражают против «одновременного вступления Юга и Севера в ООН», было опубликовано после посещения премьер-министром Ким Чжон Пхиром европейских стран и Японии. Люди поговаривают, что за границей высказывались замечания насчет отстающей от времени внешней политики и антидемократических установок страны.

Поэтому Ким Чжон Пхир по прибытии в Южную Корею тут же навестил лидера оппозиционной партии, а тот нанес визит президенту и имел с ним важные переговоры. Решено было также послать за границу многочисленных парламентариев, включая парламентариев от оппозиции, с целью разъяснения позиции Корейской республики. Лидеру оппозиционной партии и другим «важным лицам» из оппозиции поручалось устраивать в Японии и США лекции в поддержку режима Пака. Цель ясна: оп-

позиционная партия реально существует, и даже она по-демократически поддерживает режим Пака. Ким Чжон Пхир хвастается, что в Корейской республике не умерла демократия и обеспечивается свобода. А газеты на все лады рекламируют это. Перед лицом таких фактов члены парламента, даже оппозиционные делают вид, что они удивлены этим, и кивают головой.

Народ знает, что это за трюкачество. И он опасается, чего доброго, не примет ли это за чистую монету зарубежная общественность, не сведущая в делах Корейской республики. Парламент — это только мишура нынешнего режима, суть которой составляет единоличное диктаторство, а оппозиция — это свора тех, которые целиком и полностью одобрили «октябрьскую реформу», провозгласившую роспуск парламента и введение единоличной диктатуры. Эти же люди выдают себя за оппозицию и лицедействуют. Поистине странная политика. В такой обстановке каковой будет борьба за восстановление демократии? Не примирится ли с этой системой население с отчаяния? Хоть общественным мнением, хоть слухами и сплетнями, листовками надо без конца встряхивать население этой страны, чтобы оно не впало в непробудный сон.

Однажды молодые люди в отчаянии обсуждали стратегию революционной борьбы. В их компанию втесался один иностранный корреспондент. Сидевшим с угрюмым видом парням тот предложил пива. Спустя несколько минут все они разрыдались.

ВЛАСТЬ В НАГОТЕ

— Август 1973 года —

Ночью 13-го числа господин Ким Дэ Чжун, весь израненный, вернулся в свою квартиру в Сеуле.

Жители Сеула лишний раз с ужасом увидели оголтевшую, распоясавшуюся власть. Прежде чем рассказать о том, как разыгрывалось дальше это событие, мне хотелось бы поговорить немного о другом.

Говорят, что бывший начальник ЦРУ господин Ким Хен Ук эмигрировал в США. По-разному толкуют это событие в стране. Политическая эмиграция? Был ли у него важный повод эмигрировать? Когда его сняли с поста начальника ЦРУ, шли разговоры о том, что раскрылся какой-то заговор. Поэтому его переселение в США вызывает некоторое удивление. Уходя в отставку, он без стеснения открыто заявил, что, где ни окажись, он останется верующим «религии Пак Чжон Хи», работающим ради его превосходительства (президента Пака).

Он тоже присвоил себе внушительный капитал. Он с трудом пролез в члены парламента от правящей партии, но он, хорошо осведомленный о политической ситуации и жизни в влиятельных кругах, не находил себе покоя. Поэтому в 1971 году, когда господин Пак Чжон Хи и господин Ким Дэ Чжун скрестили мечи, он отдал некоторую сумму денег ради оппозиционной партии. Так он готовил себе лазейку на случай смены правителя. Недавно вскрылся этот факт, и в нынешнем парламенте гос-

подин Ким даже не мог получить место почетного члена. Поэтому-то он решил податься в США. Можно сказать, что и в этом примере с господином Кимом хорошо проглядывает та поза, которую принимают нынешние правящие круги.

Еще одно событие последних дней.

Министерство просвещения издало директиву о том, что результаты исследований профессоров вузов могут быть опубликованы лишь с разрешения правительства. Прямым поводом тому послужила работа ученого по морскому промыслу о загрязнении морских вод после создания промышленной зоны в районе Ульсан. По сообщениям газет от 28 июля министерство просвещения заявило, что «разглашение результатов исследований профессоров вне стен вузов может вызывать нежелательный скандал в обществе». Южнокорейское правительство в подобном случае не ограничивается одной только официальной директивой. Некий профессор говорил, что в Южной Корее плохо качество лапши. Он доказал, что после продолжительного кормления лапшой мышь сдохла. Перед самым опубликованием этих опытов к нему явился сотрудник ЦРУ и пригрозил. Так ЦРУ вмешивается во все дела, контролирует все, будь то большие или малые. Если небольшие дела, то оно, как правило, требует денег и делает вид, что не видит. Если дело пойдет так, то никто не осмелится жаловаться насчет загрязнения окружающей среды, отравления морских вод и банкротства морского промысла. Правительство открыто разглагольствует, что для него важнее развивать экономику и потому ему некогда думать о загрязнении среды. Под таким давлением растет гнев народных масс. Где же ему найти себе выход?

Мы еще раз вернемся к делу с Объединенной

социалистической партией, чтобы показать, как относится режим Пака к оппозиции, хотя я уже мимоходом говорил об этом выше. Лидер этой партии господин Ким Чхор был осужден на год тюрьмы с одногодичным лишением права на должность и 2 года отсрочки приведения приговора в исполнение за то, что настаивал на признании власти в Севере как реально существующей политической власти. Верховный суд отклонил его апелляционную жалобу, и судебный приговор ему окончательно решен 12 июня нынешнего года. Это за 11 дней до того, как президент Пак выступил с предложением об одновременном вступлении Юга и Севера в ООН. Значит, они вынесли ему окончательный приговор до опубликования вышеупомянутого заявления от 23 июня. Эта мера была предпринята для того, чтобы выжить его из Объединенной социалистической партии. Раз он признан виновным, то его, мол, нельзя признать лидером партии.

С другой стороны эта партия не представила до срока, то-есть до 30 июня отчет об организационной перестройке районных комитетов партии, что и дало повод распустить ее. Сложный отчет о перестройке партии нужно было представить до 12.00 часов ночи, но дело было устроено так, что сотрудник избирательной комиссии, ведающий этим делом, после 5 часов вечера не оказался на своем месте. К вечеру того дня они едва успели приготовить документы двух районов, но не смогли их сдать кому следует. А иные районы упирались, что никакое донесение о перестройке партии ими не получено. Таким образом, представило всего 23 района вместо 25, что установлено законом.

Нечего и говорить, что это послужило поводом к тяжбе. Но поскольку правосудие тащится на поводе у администрации, то неизвестно, когда оно

удосужится вынести приговор, уже не говоря о том, что от него нечего ожидать справедливого приговора. За это время деятельность партии, конечно, парализуется. Предполагают, что эта мера принималась для того, чтобы лишить Севера возможности указать эту партию как прогрессивную на случай проведения переговоров о вопросе Юга и Севера. И, конечно, это для того, чтобы разделаться с политической силой, которая сколько-нибудь критически относится к режиму Пака.

Итак, Объединенная социалистическая партия попросила осужденного лидера освободить место и решила созвать подготовительный комитет по формированию партии. Было много трудностей, но что поделаешь. Партия прежде всего должна была действовать в какой бы то ни было форме, а не то эта хилая партия окажется совсем стертой с лица земли. Ниже приведем отрывки из заявления инициаторов формирования Объединенной социалистической партии от 7 июля. В их жалобных голосах ощущается воля нации, которая силится подняться, борясь с муками.

> Преисполненные твердой решимости выполнить насущные национально-исторические требования, мы снова выступаем инициаторами учреждения Объединенной социалистической партии (условное наименование).
>
> Национальная партия, рожденная насущными национально-историческими требованиями, отнюдь не может быть уничтожена каким-либо чисто административным распоряжением властей.
>
> Только демократическая социалистическая линия, продолжающая укоренившиеся в недрах нации революционные традиции национальной

истории, может вырвать страну из кабального положения, установить суверенитет, выправить национальную экономику, грозящую превратиться в придаток иностранного капитала, обеспечить ее здоровое и самостоятельное развитие, реализовать свободу, равенство и справедливость в нашем обществе, искренним национальным разумом преодолеть нынешнее состояние раскола страны, порожденное из-за противоположных установок Юга и Севера, добиться прогрессивного воссоединения нации...

Пока на нашей земле хозяйничают внешние силы, пока жители этой страны изнывают под деспотическим режимом, пока народные массы этой страны задыхаются в тисках безработицы и беспросветной жизни и пока наша нация остается расчлененной, никакая власть не в силах сломить нашу волю.

В нашем обществе давно растоптаны и человеческий долг, и социальная совесть, и национальная гордость, свирепствуют разврат и растленная мораль, и массами двигают ложь и угроза. В таком обществе настоятельно требуются коренные социальные преобразования не с помощью внешних сил, а в самих своих недрах. Мы уверены, что это не капитализм, не коммунизм, а демократические социалистические реформы, основанные на национальной самостоятельности...

Это заявление в некоторой степени отражает нынешнее состояние угнетенных, но не разоблачает подлинное лицо угнетателя. Это похоже на то, что господин Ким Дэ Чжун утверждает, что его похитители и терзатели, пожалуй, получили подготовку в какой-то крупной организации и действуют по указ-

ке сверху, но не находит в себе смелость разоблачить лицо этого указчика? Но чем сильнее это давление, тем больше энергия народных масс перемещается ко дну общества. Страшась этого, власть все более оголяется, распоясывается, превращается в деспотическую силу, у которой и в мыслях нет ни идеалов, ни законов, ни порядков.

В Н-ском университете ректор отказался санкционировать новоизбранного председателя студенческого комитета самоуправления. Дело в том, что тот в своей речи по поводу его кандидатуры критиковал дирекцию университета. Сильнее, чем во время 19 апреля, разгорелся гнев студентов. Пришлось закрыть университет. Многочисленные студенты были арестованы. Кой-где в повышенных средних школах учащиеся бойкотировали учителей. В такой обстановке были подняты на ноги полицейские наряды более чем в 100 человек. В суматохе разбилось 2 — 3 оконных стекол, за что были арестованы учащиеся этой школы по обвинению в повреждении казенного инвентаря. Так они жестоко истязают юных учащихся, внушают им страх. Потому что правящие круги хорошо знают, что недовольство в стенах школы — это скрытое выражение протеста против политики.

В вузах располагаются подозрительные студенты. В Сеульском университете поселились сотрудники ЦРУ и гангстеры, которые именуют себя студентами, прикомандированными армией. Правительство присвоило себе право назначать и увольнять учителей повышенных средних школ, включая и частных. Таким образом они пытаются втиснуть в них своих людей. Держать всех жителей в казарменном состоянии — таков метод правления режима Пака.

СЛЕДЯ ЗА ИНЦИДЕНТОМ С ГОСПОДИНОМ КИМ ДЭ ЧЖУНОМ

Чтобы понять инцидент с похищением господина Ким Дэ Чжуна, мы должны в первую голову разобраться, какого мнения придерживается население Южной Кореи относительно нынешней оппозиции. Одним словом, в Южной Корее нет оппозиционной партии. Естественно, что режим Пака, или Пак Чжон Хи, который, прибрав к своим рукам всю полноту власти, т. е. законодательную, исполнительную и судебную, вовсю самоуправствует, не может терпеть тех, кто критикует его. Оппозиционная партия существует лишь для того, чтобы создать на глазах мира видимость того, что и в Южной Корее сохраняется политическая свобода. В отношении внутренней политики оппозиция используется для того, чтобы внушить, что «демократия южнокорейского образца», о которой говорит господин Пак Чжон Хи, также принадлежит к демократической политической системе. Бывают случаи, когда оппозиция по принуждению разыгрывает из себя выразителя недовольств населения. Это делается с таким расчетом, что это скорее пойдет им на пользу для властвования над населением. То, что режим Пака не вводит однопартийную систему, говорит лишь о том, что этот режим является более хитрым фашизмом.

Если кто-то, изображая себя человеком из оппозиции, более или менее ведет себя либерально, то большинство населения думают, что он ведет себя так потому, что правительством или ЦРУ разрешено или поручено ему лицедействовать. Вы можете убедить-

ся в том, что тот, кто, являясь человеком из оппозиции, ведет себя независимо, тот самый близкий человек правителя.

Господин Рю Чжин Сан, именующий себя лидером Ново-демократической партии, известен в стране как лжелидер. Иногда он как будто критикует правительство. Но в решительный момент он всегда становится на сторону Пак Чжон Хи. И оправдывается, что вот это и есть гибкий политический практицизм. Во время выборов в 1971 году он в последний момент продал свой избирательный участок в Сеуле мужу племянницы Пак Чжон Хи, некоему Чану. И он стал в Сеуле единственным победителем на выборах от правящей партии. Говорят, что за кулисами шла крупная денежная сделка. Это вызвало всеобщее возмущение среди населения, и он пошел ко дну под ожесточенным нападением господина Ким Дэ Чжуна. Но не прошло и года, как он снова по протекции ЦРУ всплыл наверх. В то время и господин Рян Ир Тон из Демократической объединенной партии, который состоит в своячестве с Рю Чжин Саном, был «заклеймен как пройдоха». Ему тоже не доверяет народ.

Южнокорейские жители рассматривают оппозиции буквально как куклы в руках правительства.

Да тому есть свои основания. Нынешним летом члены парламента от правящей и оппозиционной партий совершили поездки по Японии и США для разъяснения «октябрьской реформы». Они пришли к полному единству во мнениях — что господина Пак Чжон Хи надо выдвигать в качестве великого руководителя, что «октябрьская реформа» является великим скачком нации, что ныне в Южной Корее совершаются чудеса: правящая и оппозиционная партии, как влюбленные друг в друга, в мире и согласии совещаются о политике в стране.

Господин Рю Чжин Сан добрался до Гавайских островов, но не был в самих США. Потому что раньше него в США прибыли члены парламента, особенно члены от оппозиции, к которым с презрением относились южнокорейские граждане в США и которые едва спаслись от их напористых вопросов. Да и холоден был прием, который оказывали им политические деятели в США. Разумеется, господин Рю отрицал это и сказал, что его преждевременное возвращение вызвано было внутрипартийными обстоятельствами. Но эта молва распространяется среди широких кругов людей как истина.

Думаем, что среди южнокорейской оппозиции, особенно среди тех, которые ныне ходят вокруг да около власти, есть и немало людей, которые из-за жестоких репрессий поневоле повинуются. В октябре прошлого года при осадном положении брошены в тюрьмы многие люди, связанные с политикой. Не поддаются описанию физические муки, которым тогда подвергались люди. Поныне члены парламента тайком уводятся в ЦРУ, подвергаются шантажу и избиению. Один приятель говорил мне: «К методу пыток времен японского господства прибавился метод пыток против шпионов. При режиме Пака и метод пыток развивался по эскалации. Цель пыток сводится лишь к замучиванию людей, а не к выяснению фактов. Хватают не потому, что ты действовал, а потому, что ты недостаточно оказывал всестороннее содействие. То есть для шантажа. Кажется, что от физических пыток все более переходят к моральным. Есть даже такие пытки: человека запирают в камеру, кишащую гадюками с вырванными зубами. Этому, конечно, трудно поверить, но распространители этих слухов пытаются заставить людей отказаться от критики».

Говорят также, что политиканы, выбирая себе

одну из двух «оппозиционных партий» — Ново-демократической партии Рю Чжин Сана и Демократической объединенной партии Рян Ир Тона, в большинстве случаев руководствовались указаниями ЦРУ. Опять-таки ЦРУ решило, кто прошел на выборах, а кто нет. Надо полагать, что теперь каждое их слово и поступок направляются ЦРУ.

До сих пор власть Пака относительно была великодушна к интеллигентам. Правда, в первые дни после объявления осадного положения имела место насильственная мобилизация, но затем в общем разрешалась такая свобода, как, скажем, свобода молчать. В совершенной нынешним летом поездке правящей и оппозиционной партии в США с целью убеждения участвовали и профессоры вузов. Само собой, эта затея оказалась неудачной. Может, они опрометчиво решили, что так получилось потому, что господин Ким Дэ Чжун произвел идеологическую обработку. Они привыкли считать себя безгрешными, а других — грешными. По ним плох не тот, кто разбойничает, а тот, кто мешает разбойничать. Весьма холодно относятся студенты к продажным профессорам. Говорят, иной профессор даже подвергся их насилию. На наш взгляд, после нынешнего инцидента с господином Ким Дэ Чжуном пойдет дальнейшее взвинчивание внутренней системы. В такой обстановке возникает опасение, не усугубится ли неизбежно и мобилизация интеллигентов.

Кажется, я слишком пространно писал. Теперь хочу остановиться на отзывах населения относительно господина Ким Дэ Чжуна. Сеульские газеты 9 августа впервые поместили на первой странице короткую заметку: «Господин Ким Дэ Чжун похищен пятью молодыми людьми в Токио». А 10 августа сообщалось, что южнокорейское правительство через своего посла в Японии обратилось с просьбой прин-

ять «все необходимые меры для сохранения безопасности господина Кима», «потребовало тщательно расследовать факты», что южнокорейское правительство заявляет, что «оно ничего не знает».

Из газетных сообщений 11-го числа особо бросался в глаза заголовок: «В номере отеля, откуда уведен господин Ким, найдено две сигареты северокорейского производства», а 13-го печатались заметки о пресс-конференции господина Рян Ир Тона. Он подчеркивал, что оберегатель господина Кима явился к месту, лишь через 15 минут после того, как он сообщил по телефону, что «случилась беда». Этим он хотел навлечь на него подозрение. Нам хотелось узнать, что говорят в Японии, что пишут японские газеты. Потому что мы предполагали, что сопоставление японской и южнокорейской информаций выявит, каково намерение было у южнокорейского правительства. Но это было недосягаемой для нас привилегией.

Первые страницы газет 14-го числа сплошь заполнены сообщениями под таким заголовком: «Господин Ким Дэ Чжун приведен в свою сеульскую квартиру». Здесь сравнительно подробно сообщался ход события, о котором рассказывал господин Ким, но все газеты воздерживались от какой бы то ни было рецензии. Рецензия не далась ни в передовице, ни в отдельной заметке.

Какова истинная реакция южнокорейского населения на это потрясающее событие? Первая мысль, что пришла ему в голову, — это то, что ЦРУ опять натворило дела. На такое вопиющее хулиганство способно одно только ЦРУ. Всякому человеку хотелось вместе с господином Ким Дэ Чжуном говорить это, но сделать это никому не позволено. Населению и газетам суждено только молчать, и в этом нам следовало бы усмотреть насилие правительства, поз-

волившего себе такое бесчинство. Какой-то «оперативный отряд союза за спасение родины» якобы похитил господина Ким Дэ Чжуна, но, конечно, такого вообще не существует. Просто уму непостижимо, чтобы какая-то другая сила затеяла такой номер, кроме правительственной силы, будь это даже внутри страны. Тем более это же международный акт! Простые смертные беспомощны в таких делах, а правительство до невозможности всемогуще. Поистине символичен начинающийся с 12 часов ночи «комендантский час». Пробьет 12 часов — сиди дома и никуда. Несметное количество преступных деяний правительства совершается именно в эти часы. Это порядок для разбойника. И самое ужасное в том, что этим разбойником является само наше правительство. Это случилось во время выборов. Мошеннические директивы правительства во время выборов тоже были приведены в исполнение, главным образом, в эти часы, когда простой люд сидит в осаде. Можно сказать, что теперь все 24 часа являются «комендантскими часами». Это часы абсолютной беспомощности населения и абсолютного всемогущества правительства.

Поэтому многие люди Южной Кореи утверждают, что на такой заговор способна одна только правительственная сила. В этом они убедились по своему долголетнему опыту. Население слишком хорошо знает, что все что ни на есть мелкие козни состряпаны в их кухне, не говоря уже о подобных умопомрачительных инцидентах.

После прихода Пака к власти имело место множество террористических актов, порой доходивших до человекоубийства, но все они покрылись мраком неизвестности.

Только случаев крупного террора в отношении критически настроенных журналистов насчитывает-

ся 10 с лишним. Когда вспыхивают такие события, правительство, конечно, поднимает шум, обещая непременно выловить преступника и предать строгой каре. Но, когда оппозиция в парламенте принимается организовать расследовательскую комиссию, то оно отвертывается спиной. И дело висит в воздухе. Никогда преступник пойман не был.

Тем временем за ежедневной житейской суетой люди постепенно забывают о событии. При режиме Пака выяснение такого политического инцидента всегда предается забвению. За это время с целью обмана разыгрываются различные фарсы. Раз-другой бывал даже такой случай, что при особо сенсационном событии придумали виновника и вынесли тому приговор. Но это не больше как козел отпущения. Когда люди начинают забывать, тех, кого окрестили виновниками, тихонько выпускают из тюрьмы, а порой даже дарят привилегию переселяться за границу. Когда в 1970 году была убита Чон Ин Сук, оскандалившаяся в стране как чародейка Южной Кореи, ее убийцей сделался ее брат. Но никто не знает, где теперь он, его семья и где похоронена она.

Когда стало известно дело с Ким Дэ Чжуном, нам невольно вспомнилась история террора после освобождения, вспомнились те, которые умерли не своей смертью. Как раз газета «Тонья ильбо» публикует серию заметок под заголовком «Убийство из-за угла». Вспоминаются убитые консервативные националисты Сон Чжин У и Чан Док Су, за которыми закрепилась репутация антилисынмановского элемента. Вспоминается также убийство прогрессивного, левого националиста Рё Ун Хена. Вспоминается даже убийство Ким Гу, бывшего главой временного правительства в Шанхае. Во всех случаях щупальца протягивались со стороны правителя, но дело замя-

лось силой власти. Пойманные преступники впоследствии освобождались из тюрьмы и возвращались в нормальную жизнь хотя бы за глазами людей. Убивший Ким Гу некий Ан вернулся в армию и был офицером артиллерии. Власть имущие предприняли меры и дело осталось невыясненным. История после освобождения страны не знает, чтобы народ учинил террор власть имущим. Последний учинил народу террор. При режиме Пака эта история по эскалации раздувалась с необычайной скоростью и интенсивностью.

Когда к делу прикладывается рука ЦРУ, и в Южной Корее ставится вопрос о том, какой круг людей был осведомлен с тем и иным событием и кто причастен, как это было с «уотергейтским делом» в США. Следует отметить, что здесь контрмеры против слова и дела, критикующих или возражающих против режима Пака, разрабатываются при непосредственном дирижерстве президентской резиденции Чхонвадэ. Хочется добавить еще, что здесь больше всех показывает свою твердость «верховная особа». Потому что кроме него никто не осмелился бы взять на себя ответственность за выполнение такого плана, от которого зависит судьба его самого. В Южной Корее без ведома верховной особы никто не рискнул бы решить такое дело.

Хоть дело сделано по указке верховной особы, но за плохие результаты отвечают нижестоящие. Поэтому, берясь за какую-либо гадость или бесчинство, многие чины очень колеблются, кроме верховной особы. Это часто приводит в возмущение верховную особу, которая усматривает в этом отсутствие смелости и лояльности своих подчиненных, которые думают только о собственной шкуре. Конечно, когда кто-либо из подчиненных берет на себя ответственность и уходит в отставку, власть Пака никогда не

преминует выдать ему соответствующее вознаграждение и утешать его.

Какова перспектива инцидента с господином Ким Дэ Чжуном? Она зависит от того, как правительство манипулирует существующий способ разрешения террористических актов в нынешней международной обстановке. Оно не будет вести расследования, а будет изучать, как лучше обмануть мир. Конечно, оно будет стараться охлаждать общественное мнение и предать дело забвению в народе. Оно, наверно, и ждет, когда событие потеряет свою свежесть, и народ упадет духом, надоевшись и думая будь что будет. Тогда-то оно хочет протащить свое решение.

Господин Ким Дэ Чжун чудом остался в живых, вернулся домой и стал национальным символом. Безусловно, господин Пак Чжон Хи так не оставит этот величественный образ. Как он разрушит его? Многие люди, наверное, ломают голову ныне над этой проблемой. Ничего не случится ли с господином Кимом? Ему следовало бы пока уехать за границу. Но после выполнения определенной роли он должен вернуться к нам, многострадальным массам. Если он чувствует за собой поддержку мировой общественности, то не лучше ли ему остаться здесь и настойчиво вдохновлять массы. Но все же нас, жителей Южной Кореи, берет беспокойство, не сотрясется ли что с ним здесь.

Его безопасность нельзя доверять режиму Пака. У него ни капельки такой благосклонности. Он помешан только на истреблении своих врагов. Он твердо уверен, что теперь только в этом его спасение.

Независимо от того, какая сила спасла господина Ким Дэ Чжуна от смерти, мы возлагаем надежду только на нее. При мысли о том, что нам приходится

полагаться на те внешние силы, которые и впредь будут сдерживать обнаглевшую власть, которая покорилась им и которая управляет этой страной, наши души надрывают великие муки.

ГОЛОС, ВЫРВАВШИЙСЯ ИЗ МОЛЧАНИЯ

— Сентябрь 1973 года —

«Господин Ким Дэ Чжун убит», «Режим Пака тянет лямки, требуя повиновения», «Может быть, ему дают лекарство, лишающее его энергии и мудрости» — такие разговоры идут среди людей. Все думают, что режим Пака так не оставит господина Ким Дэ Чжуна. По своему собственному опыту народ знает, каково подлинное нутро режима Пака. Интеллигенты рады, что он уцелел и вернулся домой, и в то же время не могут избавиться от чувства отчаяния из-за того, что такой крупный противник режима Пака уже на исходе своих дней. Это факт.

И правительство считает нужным отвлечь в сторону внимание народа от этого инцидента. Оказывается и на этот раз, газеты подняли шум вокруг налета бандитов, который почти не подает надежды, что он будет выяснен. И по приказу министра внутренних дел полиция и резервная армия обороны родины вдруг в глубокую ночь обыскали дома жителей, чтобы, мол, поймать виновника. Это чтобы внушить страх жителям.

С самого начала инцидента с господином Ким Дэ Чжуном все жители Южной Кореи не сомневались в том, что это дело рук ЦРУ. И когда Япония опубликовала, что виновником оказался секретарь

посольства Ким Дон Ун, люди думали, что Япония все-таки не может замести дело. Но в эти дни как-то придуманная южнокорейским правительством ложь играет немаловажную роль. Поэтому южнокорейские жители с подозрением смотрят на Японию. Южнокорейское правительство впрямь ведет себя глупо. Все сильнее становится презрение южнокорейского населения к своим правящим кругам. Все более укрепляется решимость народных масс, которые больше не верят их словам. Хоть и такие мысли вихрятся в голове, но никто не открывает рта. Среди интеллигентов разговоры о господине Ким Дэ Чжуне составляют главную тему. Это излияние беспредельной грусти, вздоха и гнева. В некоторой мере отдушиной этой атмосферы, пожалуй, явилась передовая статья в газете «Чосон ильбо» от 7 сентября, автором которой является главный редактор этой газеты Сону Фи: «Мы сердечно обращаемся с просьбой к властям — чем быстрее решить, тем лучше». Это был голос, вырвавшийся из мрачного молчания. Один джентльмен средних лет, стоящий близко к правящей партии, с усмешкой сказал мне: «В эти дни героев хоть отбавляй. Ким Дэ Чжун, потом эти Пак Хен Гю и Сону Фи...»

Пастор Пак Хен Гю ныне находится под судом. В последнее время главному редактору Сону делает неприветливую гримасу не только правительство, но и начальство газеты. Его называют героем, но это только в устах бессильных масс. Он человек оптимистического склада, и я слышал, что он хочет вернуться к писательской жизни без всякой скованности.

Ни передовицы, ни рецензии, пишущие об инциденте Ким Дэ Чжуна, не появляются по-прежнему в газетах. Господин Сону, как бы пророчествуя, 14 августа в газете «Чосон ильбо» опубликовал свою кра-

ткую записку «Мое мнение», отмеченную числом и временем: «14 августа, в час ночи».

В эти дни для журналистики Южной Кореи требуется немало комментариев, чтобы читать между строками или недомолвки автора. Записка эта исполнена в такой манере, словно читаешь нотацию упрямому малышу. Не упрямься, а веди себя поумнее, тогда все тебе прощается. С таким противником надо иметь дело поосторожнее, поэтому, может, он пошел на такой шаг. Да и как ему поступать иначе, когда его противник занимается резней, восседавши над насилием. Нынешние правящие круги Южной Кореи смахивают на хулигана, который с оружием в руках держит у себя заложника. Это было в дни изменения конституции для трехкратного президентства. Ходили слухи, что господин Пак Чжон Хи перед неким дипломатом категорически заявил: «Я не покину президентское кресло, пока я не умру».

Поэтому один южнокорейский ученый политических наук говорил: «В слаборазвитых странах тот, кто пришел к власти, избирает форму правления, форму государства. Что касается демократии, то если он хочет его, то принимает, если нет, то не принимает». Господин Сону к концу правления Ли Сын Мана накинулся на власть имущего человека, который сказал, что южнокорейские жители не доросли до демократии. Он писал, что «захолустный крестьянин гораздо лучше, чем вы, знает демократию и искренно желает ее». Он писал, что именно те, кто говорит такие вещи людям, а мнит себя руководителем, и те являются источником антидемократических несчастий и именно из-за такого власть имущего демократия стала невозможной. Пережевывая некогда им сказанное слово, ныне господин Сону продолжал бы писать, словно, как говорится, «буддийские сутры на ухо корове». Возможно, он пишет

скорее от чувства долга, и вряд ли он надеется, что написанное им возымет действие.

Возмущенный каждодневными указами ЦРУ газете, господин Сону время от времени намекал на единственный шанс, который позволил бы ему, главному редактору, пользоваться свободой слова. Южнокорейские газеты есть утренние и вечерние. С приходом к власти Пак Чжон Хи ежедневные газеты насильственно разделены на две группы — утренние и вечерние. Из двух самых старых и самых крупных газет «Тоньа ильбо» и «Чосон ильбо» первая стала выходить вечером, а вторая утром. Так, главный редактор газеты «Чосон ильбо» господин Сону говорил, что он может пользоваться своим последним способом в последнем выпуске (десятом) своей газеты, который распространяется по городу Сеул утром следующего дня. Когда наступит глубокая ночь, уйдет ЦРУ, вернется домой и директор. Тогда-то появится у главного редактора шанс — возьми да замени передовицу — это в его компетенции. Такой партизанский прием применим только один раз. Потому что после этого и ЦРУ и директор были бы начеке, чтобы такое не повторялось больше. Долго размышлявши, когда бы лучше пустить в ход эту свою последнюю карту, господин Сону решил применять ее в сегодняшнем мраке. Он, наверное, знал, что его журналистской деятельности придет конец. Ниже приведем полный текст его записки.

Мы сердечно обращаемся с просьбой к властям — чем быстрее решить, тем лучше

Газета «Чосон ильбо», 7 сентября

В эти дни нас одолевает меланхолия и скука. Нельзя знать, что хочется знать; нельзя ска-

зать, что хочется сказать. Если спрашивать, что он так страстно хочет знать и что так страстно хочет сказать, то он должен ответить, что об инциденте господина Ким Дэ Чжуна. Тогда ответили бы ему, что инцидент в расследовании, так что ему ничего не останется, как подождать до тех пор, пока не будут выяснены результаты расследования. Тогда не к чему было бы еще придраться. Это еще более удручает нас.

Когда стало известно, что исчезнувший господин Ким Дэ Чжун среди ночи появился перед своей квартирой, мы были удивлены этому его неожиданному появлению и в то же время испытывали облегчение, что он вернулся домой в цельности и сохранности. Ведь мы готовы были, на худой конец, к его смерти. Потому что здесь был проблеск спасения человека против той мрачной внутренней и внешней реакции, которая вызвала бы его гибель.

Дальше. Не упуская это счастливое стечение обстоятельств, надо как можно скорее и в полном согласии разрешить вопрос, связанный с Японией, где возник данный инцидент, и в то же время те 5 молодых людей, которые похитили и доставили на родину господина Кима, должны чистосердечно признаться и предстать перед судом. Об этом я уже высказался в записке за моей подписью на второй странице этой газеты от 14 августа. Но те пятеро до сих пор не признаются, о результате расследования инцидента ничего неизвестно, потому что нет никаких сообщений властей. Да и нечего говорить. Но это лишь резон ради резона.

Вообще людям свойственны свободное мышление и соответствующее воображение и прозорливость. Разве наш народ растеряется и ко-

леблется, когда узнает то, что должно знать? Чем занимаются органы расследования? Если они спешат со скорейшим завершением этого дела, то каково сотрудничество со властями Японии? Думаю, что народ вправе знать это.

Здесь нами двигает отнюдь не любопытство постороннего наблюдателя, который хочет заглушить свою скуку без своего определенного мнения, когда возникает какое-нибудь крупное событие и люди теряются в догадках и доводах. Нас беспокоит то, что в соседней Японии и США, которые, несомненно, оказывают огромное влияние на развитие нашего государства, из-за этого события общественное мнение примет странный оборот и это не забросит ли черную тень на настоящее и будущее нас, тяготеющих к процветанию и развитию, что ныне является высшей целью государства. Если не так, то скорее забудется нынешнее событие, да еще народу не хочется вспомнить это.

В общественном мнении Японии, которое стало нам известно, кое-что перечит нам. Но сейчас не время говорить об этом. Даже при беглом взгляде возникает мысль, какое государство может быть безразличным к такого рода событиям? И какая нация может пройти мимо них с улыбкой на лице, с выпяченной грудью?

Прежде чем рассуждать о такой неприятной реакции, нужно четко выяснить событие. А потом уж говорить об обиде от неприятной реакции. Сейчас не время говорить это.

Поговаривают об экономической помощи. От этого ноют сердца жителей развивающейся страны, вспоминается 25 июня. Когда вспоминаешь о расколе страны, о 36-летнем колониальном господстве японского империализма, нам

становится больно, не испытать ли нам снова ту горесть, которую мы пережили как слабая нация, развитие которой тормозилось распрями между великими державами.

Но обнаружить напоказ это чувство, это не значит снять ярмо национального позора, причиненного нынешним событием. Тем более ненавидеть Японию и японцев по поводу этого события? Нет, ярмо позора, причиненного из-за этого события на Японию и японцев, не идет в сравнение с нашим. Чтобы отвечать на обиду обидой, слишком абсурдно дело с Ким Дэ Чжуном, оно не делает нам честь, кто бы ни придумал его. И вражда к Японии. Мы требуем от японцев слишком больших уступок. Это заставляет нас краснеть не меньше, чем само событие Ким Дэ Чжуна. По меньшей мере, если мы, жители Южной Кореи, с равным достоинством относимся к Японии, то нам следует охотно принимать тот упрек, который ныне она выражает нам молчаливо, с затаенной обидой. Особенно из-за такого дела поставить в неловкое положение обязательное и осмотрительное японское правительство или же благосклонно относящихся к нам японцев было бы несправедливо.

Пусть, на худой конец, когда-нибудь наши отношения с Японией или США примут нежелательный оборот, но и тогда настоящий инцидент ни в коем случае не должен дать ему пищу, пусть мы будем питать нехорошие чувства друг против друга, настоящий инцидент не должен стать его мотивом.

Чем больше думаешь, тем больше становится ясно, что инцидент с Ким Дэ Чжуном — это сущая неожиданность, предательский удар для подавляющего большинства

народа, который абсолютно ни при чем в этом инциденте. Правда, находятся люди, которые на этой основе склонны порицать господина Ким Дэ Чжуна за его былую деятельность за границей, но для этого слишком немилостива его доля и больно жалко его положение. Делается досадно на душе при мысли, что из-за этого события нам приходится слушать от других лекцию относительно демократии спустя более четверти века после начала строительства государства.

Но на что мы должны обратить наше первоочередное внимание — так это не допускать представить нынешний инцидент в туманном виде, хотя и спутанное с соседней страной дело не повлекло за собой катастрофическое последствие. Поэтому народ обязан поторопить соответствующие власти со скорейшим справедливым разрешением данного события.

Мы уверены, что это вопрос морали, который составляет ту основу, на которой стоит наше государство и на которой существует наш народ. Когда выяснится полная картина этого события и установится круг причастных к нему, то может случиться, что горстка или немалое количество лиц тех или иных должностей должны будут предстать перед судом. В каждой стране есть нарушители закона и радикалы. Если они справедливо и беспристрастно будут наказаны законом, то такое общество снискает доверие в стране и за ее рубежом. Если оно найдет урок в этом нарушении закона и нынешнем инциденте, то народ его сможет преодолеть несчастье и морально будет спасен.

Если народ не пойдет по этой дороге и свалится, то грош цена вавилонскому столпу и

общество не может избегать моральной деградации. Этого надо опасаться больше всего. Если рассмотреть этот вопрос в этом аспекте, то становится ясно, что полное выяснение этого инцидента диктуется скорее тем обстоятельством, что оно имеет первостепенное значение для того, чтобы восстановить человеческое достоинство самих жителей Южной Кореи и поднять их нравственную гордость, а скорее не для того, чтобы учитывать чувства соседней Японии и США к Южной Корее или их меры воздействия против нее.

Поэтому в этот ответственный момент искренне желательно веское и смелое решение правящей верхушки. На горах и полях, переданных нам предками, густеют свежие тени зелени, зреют все злаки. В синеве неба заливаются трелью птицы, воздух над полями режет преспокойное мычание теленка. По долинам и взгорьям ныряет машина, в деревнях ключом бьет жизнь. Откуда эта черная тень на душе народа этой страны, который скоро из риса нового урожая сбьет лепешки и навестит могилы предков? Почему невинному и доброму народу так волноваться? О господи! Прости да благослови его!

Первая и последняя части этой передовицы прекрасно выражают великое стремление масс, чаяние народа, каких нет у правителей. Ныне население Южной Кореи с таким стремлением, какое выражено в этой передовице, симпатизирует друг другу и, с затаенным, сильным гневом против власти, терпит. Я знаю, что нужно избежать бессмысленной жертвы, но в то же время чувствую, как разрывается сердце от досады за собственное бессилие. Особо тяжело на душе у студентов, которые с наступлени-

ем осени возвращаются в свой университетский городок. Настороженнее сверкают глаза у ЦРУ.

Во второй части статьи тревоги за судьбу господина Ким Дэ Чжуна выражают общие настроения южнокорейского населения. Это тревоги за внутреннюю и внешнюю реакцию, которая будет вызвана в случае его убийства, это то пожелание, чтобы хотя бы по одной этой причине больше не было покушение на жизнь господина Ким Дэ Чжуна. Автор требует не обращаться к нему как к подозреваемому.

Конечно жалко, что автор не может в лоб атаковать позицию правительства. Но уже это во несколько раз выше того предела, что дозволено говорить в Южной Корее. Поскольку инцидент напрокудило ЦРУ, то требовать выдать его и отдать в суд, значит сопротивляться правительству. Это слишком хорошо знают и автор, и читатель, и власть имущие. Поэтому автор осторожно пишет, намекая, что относительно политической деятельности господина Ким Дэ Чжуна вообще не одобряют, а для насилия, точащего зубы на это, есть некоторые причины. Здесь, конечно, грешит и газета, которая не может писать большее, и журналист, который не может решиться на большее. Но, возможно, здесь были такие соображения — не лучше ли высказать все, что лежит на душе, уговаривая, как-нибудь да не задевая самолюбие режима Пака, чем навлечь на себя его гнев. Это был горький опыт. Ведь восставшие подавлены властями и понесли жертвы, они пришли в отчаяние и упадок.

Собственно, ныне правительство вовсю изворачивается, чтобы выйти сухим из воды. Оно ищет жертву, чтобы замести собственное преступление. Поэтому-то начальник ЦРУ то ссылается на посягательство японского империализма на суверенитет Кореи в течение 36 лет, то нападает в парламенте на

журналистику Японии. Лжеоппозиции разглагольствуют, что такое важное государственное дело выше интересов правящей и оппозиционной партий, и предлагают свои услуги в этом деле. Может быть, они считают так потому, что надо обратить в другую сторону разговоры об инциденте с господином Ким Дэ Чжуном.

Какая низость! Господин Сону просит в своей статье прекратить такое дело хотя бы ради самого правительства. Это такая прозрачная уловка, которая заранее обречена на провал. Пусть ныне это правительство, авторитет которого упал до предела, кричит о протесте против Японии, но это ни к чему. Народ знает, что это за протест против Японии в его устах. Народные массы знают, что именно оно держится предательской прояпонской позиции. На самом деле режим Пака очень боится, что когда вспыхнет настоящее антияпонское движение, его казенная антияпонская кампания перерастет в добровольную антияпонскую кампанию народа и она обратится против самой власти.

Этому режиму лучше не думать о такой антияпонской кампании, для этого у нее слишком коротки руки. Я со многочисленной молодежью говорил об этом. Они говорили, если режим Пака поставит крест на господине Ким Дэ Чжуне и сделает его жертвой, если он на этой линии вступит в сговор с японским правительством, то он когда-нибудь непременно натолкнется на мощное антияпонское движение народных масс. Япония не должна бояться какой-то антияпонской кампании режима Пака, а должна идти по пути, который она считает морально правильным. Япония не столько преследует справедливости, сколько страхуется, ведет себя слишком ловко. Во всяком деле она заботится только о своих личных выгодах. Надо принять во внимание, что большин-

ство южнокорейских жителей представляет себе японца в таком виде. Искренно просим, чтобы японцы хоть по отношению к инциденту с господином Ким Дэ Чжуном не были такими вспыльчивыми, чтобы потом они быстро не охладели.

То моральное решение, которого просил господин Сону у правителей Южной Кореи, не относится ли и к правителям Японии? Господин Сону искренно просил, чтобы «правящие круги вынесли веское и решительное решение». Здесь он хотя испытывает такую неприязнь к Пак Чжон Хи, который являясь зачинщиком этого международного преступления, пока еще не запятнил себя наглой ложью после инцидента, как это было с Ким Чжон Пхиром и Ли Ху Раком, но чуть не на коленях настоятельно просит его вынести последнее решение. Он испробовал это средство, хотя и как гражданин, хорошо знающий его жестокость, думал, не лучше ли оказывать на него различное давление как в международом, так и во внутреннем плане. Может быть, господин Сону в той части, где говорится об «экономической помощи», угрожал режиму Пака такой неприятностью, хотя сделал сочувствующий ей жест. Не это ли удел печати Южной Кореи сегодня, когда газета насыщена столь сложными приемами и туманными выражениями, пробуждая у граждан какую-то грустную симпатию такими словечками, как «невинный добрый народ», «божье прощение и благословение» и т. п.

«ВОР КРИЧИТ: ДЕРЖИ ВОРА!»

—Октябрь 1973 года —

Не будет преувеличением, если скажу, что фокусом, символом происходящих ныне в Южной Корее всех беспорядков является господин Ким Дэ Чжун, находящийся под домашним арестом в своей квартире в Сеуле.

Открывшееся 20 сентября 88-е заседание парламента началось с запросов правительству относительно инцидента с господином Ким Дэ Чжуном.

В расчетах правящей партии было не обсудить инцидент с господином Ким Дэ Чжуном как отдельный порядок дня. И она хочет по мере возможности обсудить этот инцидент после заседания комитета сотрудничества между Японией и Южной Кореей, которое будет продолжаться три дня с 26 сентября в Сеуле. Но когда началось заседание парламента, сперва начались запросы правительству относительно инцидента с господином Ким Дэ Чжуном, на чем настаивала оппозиция.

За кулисами достигнуто соглашение управляющих делами правящей и оппозиционных партий, которое выразило пожелание премьера-министра Ким Чжон Пхира:

> Правящая партия: «Мы считаем нужным обратить внимание нашего парламента на позицию, занятую японской прессой в сообщении о инциденте с господином Кимом».
>
> Оппозиционная партия: «В связи с инци-

дентом с господином Ким Дэ Чжуном японский парламент и печать до сих пор совершали акты, близкие к вмешательству во внутренние дела».

И представитель оппозиционной партии заявил, что «в манере японской печати немало проявляются дурные замашки былой господской психологии». А заместитель управляющего делами оппозиционной партии заявил: «Мы должны больше, чем правительство, обратить внимание на поведения Японии, близкие к вмешательству во внутренние дела».

Говорили еще, что «на государственной высоте надо разобраться, что к чему, и если надо, то следует торопить правительство». Эти высказывания оппозиции показались достаточными, чтобы правительство, хоть и временно, вздохнуло с облегчением в связи с обсуждением инцидента с господином Ким Дэ Чжуном.

А представитель общества Ючжонхве, состоящего из членов парламента, назначенных президентом, заявил следующее:

> Мы пришли к выводу, что в последнее время позиция некоторых японских политиков и печати выходит за рамки обычного метода выяснения инцидента с господином Ким Дэ Чжуном или вмешательства во внутренние дела, в ней скрывается намерение свергнуть правительство Корейской республики. Так мы решили всесторонне разобраться в позиции некоторых японских политиков и печати в связи с инцидентом с господином Кимом.

Но нельзя сказать, что не было здравомыслящих членов парламента. Один депутат от оппозиции, которого коробили такие напыщенные «патриоти-

ческие рассуждения», выпалил: «На кой черт нам судить о мнениях другой страны, где поддерживается свобода слова?»

В нынешнем мире депутату оппозиции, от которой осталось одно название, не легко задавать вопросы относительно инцидента с господином Ким Дэ Чжуном. Поэтому члены парламента, которые склонны выделяться, и те боятся брать на себя запросы по поводу этого инцидента. Ветеран Новодемократической партии, член парламента Чон Ир Хен, несмотря на то, что запрос по этому инциденту не пользовался популярностью, добровольно вызвался сделать запрос, но, не получив разрешение, был зачислен в список запросителей по «внешним делам и безопасности». Тут и разыгрывается так называемый инцидент налета господина Чона.

Наперво подберем отрывки высказывания Ким Рён Сона — члена парламента из общества Ючжонхве, назначенного так называемым указом. Господин Ким раньше работал редактором органа оппозиции «Демократический фронт». В свое время он напечатал известную поэму господина Ким Чжи Ха «Пять разбойников», за что был арестован. Но когда свершилась «октябрьская реформа», он неизвестно как попался в члены, назначенные указом, и сделался преданнейшим подданным. В таких потасовках раньше всех используется именно такой тип.

1. Приехавший в Японию для лечения господин Ким Дэ Чжун, нарушая правила Японии по выезду и въезду в страну, настаивал на конфедеративной системе и на прекращении помощи Японии Южной Корее. На его антиправительственную, антигосударственную деятельность в отношении Южной Кореи японское правительство смотрело сквозь пальцы. Наше

правительство как правительство суверенного государства должно потребовать от японской стороны официально принести извинение. Но потребовало ли оно?

2. Не охранив безопасность личности господина Кима, японское правительство вызвало инцидент и даже не поймало виновника. Это повлекло за собой нехорошие последствия в южнокорейско-японских отношениях. Предъявило ли правительство по этому поводу протест?

3. Японская сторона требует передачи господина Кима и господина Рян Ир Тона. Но в международном праве при розыске применяется персональный принцип, так что это представляет собой посягательство на суверенитет. Нет ли у правительства намерения предъявить строгий протест против Японии?

4. Японское правительство, ссылаясь на совпадение отпечатков пальцев, потребовало явки нашего дипломата, что является посягательством на суверенитет. Предъявило ли правительство протест по этому поводу?

5. Нынешний инцидент должен быть разрешен с позиции абсолютного обеспечения государственного суверенитета. Какие меры намерено предпринять правительство в отношении некоторых журналистов и политических деятелей Японии?

6. Член японского парламента Уцуномия Докума от Либерально-демократической партии наиболее неистово выступает в связи с делом господина Кима в Японии. Кстати, он является сыном командующего японскими войсками в Корее во время первомартовского движения. Эта особа без всяких оснований, просто по шестому чувству утверждает, что тут «замеша-

ны власти Южной Кореи», «допущено посягательство на суверенитет» и т. п. В парламенте он настаивал на отмене южнокорейско-японского основного договора, прекращении помощи Южной Корее и бойкоте совместных мер в ООН. Во время первомартовского движения в законном порядке было арестовано 46 948 человек наших соотечественников и зверски убито 7 509 человек. Так, сын деспота по крайней мере в южнокорейском вопросе должен быть благоразумным. Тем не менее он суетится вокруг этого вопроса, выступая в роли агента Северной Кореи. Может быть, у него личные счеты с Южной Кореей.

7. Если оглянуть на историю, то Япония, использовав свою власть в Корее, Китае, Маньчжурии и в других районах, совершила множество империалистических актов, в том числе убийство царицы Мин японским посланником, угон принца Ен в качестве заложника и др. Учитывая такое прошлое, японской печати не следовало бы опубликовать такие оскорбительные заметки и информацию, пусть даже в инциденте с господином Кимом замешана наша официальная власть.

8. Некоторые люди в Японии настойчиво требуют прекратить экономическое сотрудничество с Южной Кореей. Этого мы не можем терпеть. Что касается экономического сотрудничества, не намерен ли премьер-министр Ким отказываться от дипломатии с упором на Японию и расширить отношения с Европой?

9. Почему так придирчива в отношении Южной Кореи Япония, которая пикнуть даже не смеет перед коммунистическим Китаем и Северной Кореей?

10. Японские специальные корреспонденты, аккредитованные в Южной Корее, занимаются фальсификацией информации. Не намерено ли правительство выгнать их всех?

Ответы организовавшего такие запросы правительства пахнут дешевой умеренностью.

От Демократической республиканской партии с запросами выступил член парламента Мин Бен Ги. В бытность профессором университета Корё в одно время он снискал себе уважение студентов, но теперь выродился и примкнул к правительству. Ученый по международному праву, он слывет большим знатоком в южнокорейско-японских вопросах, а в свое время одним из первых выступил против южнокорейско-японского договора. Он болтал, что те, которые критикуют режим Пака в связи с инцидентом с господином Ким Дэ Чжуном — это левые политики Японии. Это «теория завоевания Кореи» в новом издании, имитирующая содержание теории завоевания Кореи столетней давности. Его защита нынешнего состояния южнокорейско-японских отношений, включая трагедию господина Ким Дэ Чжуна, вывела из себя многих интеллигентов. Это послужило примером того, как критически настроенный интеллигент, притесавшись к властям, становится самым антиинтеллектуальным и реакционным, пуще других играет в лояльность. Ниже приведем отрывки из его речи.

Дело господина Ким Дэ Чжуна так перепутано, что Корейская республика или Япония с учетом их нынешних отношений вряд ли могут справиться с ним. Некоторые политические деятели и деятели слова, воспользовавшись этим случаем, не то пытаются взять в переполох пра-

вительство Танака и сформировать левое правительство, не то хотят свергнуть наше правительство, руководимое президентом Пак Чжон Хи. Во всяком случае они ловко используют этот момент в своих политических целях.

Когда в парламенте шли такие дискуссии, газеты тоже придерживались одного и того же тона. Они советовали членам парламента Корейской республики: «Если у некоторых японцев ошибочное чувство преимущества над нами, то мы должны обратить внимание на их ограниченность в более высокой моральной высоте». Так они не скупились на похвалы в адрес членов парламента за их «смелые» высказывания.

Вообще какую реакцию вызвали такие подкупные слова? Говорят, что удалось установить алиби Ким Дон Уна, отпечатки пальцев которого обнаружены на месте преступления, но правительство замазывает это дело. До каких пор оно хочет скрывать правду? Хочет ли оно дискредитировать себя в международном плане? В парламенте занимаются такими разговорами, но они то и дело тайком присылают в Токио тех, имеющих связи среди японских интеллигентов или журналистов, чтобы успокоить японскую печать. Таким образом, они с начала до конца прибегают к подленьким приемам и вызывают у многих людей гнев и возмущение.

К таким выступлениям против Японии, устроенным правительством, очень холодно относилась даже беспомощная Ново-демократическая партия, большинство членов которой, говорят, подкуплено правящей партией. Так, не оказывалось ожидаемое содействие со стороны оппозиции. Хотя член оппозиции не без робости запрашивал насчет инцидента с господином Ким Дэ Чжуном, но он, безусловно, по

лучил поддержку народа. Люди говорят, что в эти дни в связи с инцидентом с господином Ким Дэ Чжуном оппозиция немного оживила. В самом деле и в Ново-демократической партии наблюдается сильная тенденция к восстановлению оппозиционности. Люди шушукают: «Хоть бы такая оппозиция нужна народу». Ниже приведем сокращенно высказывание Ким Ен Сама из Ново-демократической партии.

1. Инцидент с господином Ким Дэ Чжуном нельзя считать делом рук какого-либо частного лица или частной организации, если принять во внимание то обстоятельство, что здесь использовались крупное судно и огромные деньги. Как на это смотрите вы, премьер-министр?

2. До сих пор не бывало случая, чтобы политического террориста поймали. Но на этот раз хотя бы для того, чтобы смыть с себя то национальное оскорбление и презрение, которыми обливает нас японская печать, мы должны поймать виновника и сурово наказать. А не то нам трудно будет поддерживать государственное достоинство.

3. Обещайте, когда поймаете преступника. В случае, если он не будет пойман, Кабинет должен нести ответственность.

4. Японское полицейское управление по дактилоскопическому исследованию и свидетельским показаниям признало виновными первого секретаря Ким Дон Уна и его людей. Нет ли намерения заставить секретаря Кима признаться во всем, чтобы рассеять сомнение, созданное внутри страны и за ее пределами? С каких пор и чем занимался он в посольстве в Японии?

5. Господин Ким Дэ Чжун после высадки в Корейской республике добрался до Сеула, нигде

не подвергшись проверке. Правительство утверждало, что согласно системе безопасности всеобщей мобилизации создана безупречная оборонная система. Так, за такую небрежную оборону кто будет отвечать?

6. Ныне господин Ким находится под домашним арестом. И неизвестно, он подозреваемый или пострадавший. Японскому послу в Корейской республике Усироку разрешается встретиться с ним, но Ново-демократической партии — нет. Это не проявление низкопоклонства?

7. Нет ли намерения разрешить господину Киму свободу выбора местожительства и свободу деятельности, включая политическую?

Далее Ким Ен Сам спросил, что намерено сделать правительство, если Япония будет рассматривать инцидент с господином Кимом как посягательство на суверенитет и спрашивать ответственность. Он критиковал, что в Южной Корее «есть только режим, а нет политики». Правящая партия потребовала взять эти слова обратно, но член парламента Ким Ен Сам настаивал, что его слова не должны быть вычеркнуты из протокола, хотя поначалу казалось, что он как-то уступает.

Газеты писали, что «примечательно было, что оппозиция не проявила особого интереса, когда правящая партия преднамеренно осудила» Японию. Можно сказать, что такое проявление оппозиционности достигло кульминационного пункта в высказывании члена парламента Чон Ир Хена. Из-за выступления господина Чона критика Японии правительством потерпела полный крах. Правительство рассчитывало на поддержку оппозиции, но тщетно. И студенческая демонстрация в начале октября ярко

показала, что настоящая критика Японии обернулась критикой режима Пака. Тут правительство лишний раз убедилось, что, критикуя Японию, оно копает могилу самому себе. Так кончился фарс с критикой Японии.

С трибуны парламента член Чон орал:

> «Прямо или косвенно мне советовали или угрожали, чтобы я воздержался от запросов, но как я могу сидеть спокойно, когда страна переживает кризис. И вот я, семидесятилетний старик, поднялся на эту трибуну. Я не нуждаюсь в ложном ответе. Не говорите мне несуразные слова, а только слушайте меня».

С такими словами он обратился к премьер-министру Ким Чжон Пхиру. Это были слова, полные гневом, презрением и скорбью. Они только думают сохранить власть, занимаются самодурством, говорят несусветную чепуху. И превратили всю страну в царство лжи и обмана. И внутри страны авторитет режима Пака упал наземь. Лживость этого режима доказана в международном плане. А вместе с этим режимом в пропасть скатывается Южная Корея и ее народ. Как быть? Его слова насыщены этой тревогой.

Правящая партия пришла в бешенство. «Выключи микрофон», кричала она. После десятиминутного перерыва снова начались дебаты и вскоре все пошло вверх дном. Правящая партия потребовала от оппозиции принести извинение. Господину Чону пришлось прекратить речь и покинуть зал заседания. По приказу председателя выступление господина Чона было исключено из стенографических записей протокола. Правящая партия приняла решение наложить дисциплинарное взыскание на члена Чон Ир

Хена.

«Член Чон Ир Хен говорил, что похитителей знают и он, и народ, и иностранцы. Так предъяви список виновников».

Господин Чон опровергнул предложение председателя уладить дело приношением извинения. Он сказал, что готов принять любое взыскание. Но правящая партия не решилась на это. Потому что она боялась усугубить путаницу, вызванную инцидентом с господином Ким Дэ Чжуном.

Корейская пословица гласит: «Вор кричит: держи вора!» То есть вор набрасывается с палкой на хозяина. Удрученная таким положением вещей южнокорейская оппозиция часто обращалась к правящей партии со словами: «Вор кричит: держи вора!» Правящая партия провела всеобщие выборы путем мошенничества и вовсю пропагандирует, что это дело рук оппозиции. Она использует все газетные рекламы, не давая оппозиции возможности запротестовать. Лги сто раз — тебе верят — такова их тактика.

Члены оппозиции говорят, что на этот раз режим Пака хотел применить и в отношении Японии свою избитую тактику: «Вор кричит: держи вора!» Когда японская печать повышала свой голос, он заискивался перед японским правительством и приносил извинение. Но стоило ей помолчать, он стал набрасываться на него. И это удалось ему? Из-за выступлений студентов авторитет режима Пака еще больше падал. Ныне почти каждый человек думает, что режим Пака достиг такой точки, откуда уже нет возврата. И люди прикидывают, когда и как он будет низвергнут.

ВСЕ ПОСТАВЛЕНО НА ПАРТИЗАНСКИЙ ЛАД

Я часто слышу, что люди хотят читать журнал «Сэкаї». В эти дни они разыскивают октябрьский номер этого журнала. Они знают, что октябрьский номер посвящен специально господину Ким Дэ Чжуну. Может быть, в нем они ищут утешения или наслаждения. Нет, прежде всего их интересует, как реагирует внешний мир. При такой мысли как-то перо не слушается меня. Должно быть, они рады, что хоть в такой степени за границей знают, что происходит в Южной Корее. Чувствуя свою беспомощность перед насилием, они полагаются на других. Клин клином вышивать.

При таком деспотическом режиме необходима только партизанская борьба. Слабая боевая сила вынуждена прибегать к партизанской тактике перед превосходящей силой. Так было и с главным редактором Сону. За день до того, как он в утренней газете написал «Сердечно обращаюсь к властям», он пришел на работу с одеялом подмышкой. Когда коллега спрашивал его, что за одеяло, он с улыбкой ответил: «Да мне нужно работать допоздна, чтобы закончить одну вещь». И он по-партизански закончил ту самую передовицу. И пастор Пак Хен Гю в пасхальный день по-партизански разбрасывал листовки. Его поддерживали тоже по-партизански. В день, когда был суд над ним, люди собрались в церкви, находящейся близко от суда, и устроили молебен. Потом все направились в суд. Чтобы избавиться от нап лыва толп, которых становилось все больше, суд начал работу то поздно, то раньше назначенного вре-

мени. Все же во время суда с вынесением приговора большой зал суда заполняла публика в 500 человек. Когда обвиняемый получил 5 лет, многие прослезились. Здесь были многочисленные молодые пасторы и преподаватели, старые деятели культуры и даже иностранцы, хотя они оказывали пассивное сопротивление.

В день заключительного суда власти даже просили не устроить молебен, говоря, что ЦРУ уладит дело как следует. А адвокатам не разрешалось опровергать факты преступления, содержащиеся в обвинительном акте прокурора. И принудили подсудимого подписать бумагу, в которой он был признан виновным. Тут ЦРУ, видно, политически обещало ему облегчить наказание, если он слушается его. Поистине это был шемякин суд. Накануне вынесения приговора ЦРУ сообщило близкому к пастору Паку человеку, что пастор будет приговорен к 5 годам тюрьмы, но если он ведет себя послушно, то ЦРУ не даст его в обиду. Вот каким было это судилище. А заключительный процесс прошел молниеносно при закрытых дверях. Когда в назначенное время люди приходили в суд, двери уже были закрыты. Впоследствии выяснилось, что суд вели тайком за три минуты, держа двери под замком. Вынесен приговор: два года тюрьмы. Куда-то исчез даже адвокат.

Люди неистово кричали, топали ногами в двери. Разрыдалась стойкая 80-летняя мать пастора Пака, которая некогда на суде подбадривала своего сына, говоря: «Сражайся за правду», за что судебный чиновник сделал ей замечание. Она вопила, что эти палачи тайком хотят убить своего сына.

Но спустя два дня пастор Пак вдруг выпущен на поруки. Верующие Южной Кореи думают, что он освобожден под давлением со стороны церкви Юж-

ной Кореи и мира. Видно, они думают, что здесь главную роль все-таки сыграло давление мировой церкви, так как они знают, как беспомощна внутренняя сила. Из-за инцидента Ким Дэ Чжуна на режим Пака оказывалось слишком большое давление извне, поэтому он больше не хочет испортить впечатление о себе еще по какому-то другому делу. Итак люди думают, что как для разрешения инцидента с господином Ким Дэ Чжуном, так и для выправления нынешней политической ситуации в Южной Корее нужно значительное воздействие внешних сил. И в первых демонстрациях факультета гуманитарных и естественных наук Сеульского университета ярко выражены партизанские оттенки. Однажды мне удалось услышать от сыщика ЦРУ рассказ о демонстрации, о которой оно знало.

Несколько раз откладывался день начала демонстрации. Наконец придумали партизанскую тактику. Примерно тридцать зачинщиков сначала выставили в качестве дружинников сынов чиновников правительственных учреждений. И они разбегаясь кричали: «Пожар!». Мол, горит библиотека. И прибежавших к воротам студентов сыны высокопоставленных чиновников выстроили в ряды. Думали, что вряд ли арестуют сынов чиновников. Они не хотели бы, чтобы студенты заклеймили их антинациональными элементами. (И во время выступлений 19 апреля 1960 года студенты применили такой прием. Сынков министров поставили в первые ряды демонстраций.)

Таким образом во всей форме зачитали декларацию и начали демонстрацию. Без подобной тактики студенты не могут изъявлять свою волю, когда внутри университета кишмя кишат агенты ЦРУ. Теперь всякая критика и сопротивление поневоле носят партизанский характер.

Член парламента Чон Ир Хен в своих запросах по поводу внешнеполитической деятельности и обеспечения безопасности предпринял атаку, ссылаясь на инцидент с господином Ким Дэ Чжуном. (После «октябрьской реформы» полагается заранее предъявить председателю парламента основное содержание запросов и получить его разрешение. Господин Чон представил такое содержание запроса, которое, оказалось, не совпадало с его речью. Конечно, это было нарушением закона о парламенте и вызвало скандал.) Предвидя, что ему не дают договориться в парламенте, он напечатал свое выступление. Это были скорее полные гнева обличительные тирады, чем обычные фразы. Говорят, что в тот день утром он, выходя из дому, отдал копию своей речи жене и сказал: «Может быть, это будет моим завещанием». Это напоминает слова бойца, идущего на смерть в партизанских боях.

С таким же духом стойко боролись и студенты Сеульского университета. В заявлении трех факультетов Сеульского университета есть такие строки: «Мы больше не можем сидеть сложа руки»; «Пусть каждый поступает по велению своей совести»; «Мы решительно поднялись». Как же они могут сидеть сложа руки и быть трусливыми, когда опозорена и переживает упадок национальная история. И они поднялись, пренебрегая опасностью своей жизни.

Об их партизанской тактике сыщик ЦРУ продолжал: «Кажется, те, которые стоят впереди — это не вожаки. Хватаем подозрительных, у всех есть алиби. В тот день все они были на горе Сольаксан. Очень странно».

По его мнению, руководитель скрывается за их спиной. Гора Сольаксан, что находится на восточном побережье, славится маленькой алмазной горой.

Движение учащихся, применяя партизанскую

тактику, во многих местах развертывает свою деятельность, оказывая большой толчок. Выпускается подпольная газета, в разных местах вывешиваются листовки «молния». Говорят, наиболее оживленно ведется такая деятельность в университете Корё. Разразился инцидент с научным сотрудником института вопросов труда Ким Рак Чжуном, который за такую деятельность был обвинен как шпион Севера. Но и после этого не прекращается такая подпольная деятельность. Студенты слишком хорошо знают, что этот фарс шпионажа господина Ким Рак Чжуна придуман с целью срыва диалога между Севером и Югом.

Похоже, что под влиянием такого общественного течения и оппозиция как меньшинство в парламенте строит партизанскую тактику. И в дни запросов относительно инцидента Ким Дэ Чжуна правящая партия каждый день плела стратегические приемы, но из-за внезапного налета господина Чон Ир Хена она потерпела полный крах. А в последние дни на улицах продавались номера органа оппозиции с текстом декларации и фотоснимками, показывающими демонстрации студентов. Лидер партии запретил это, но другой руководящий работник не слушался его и организовал эту продажу. Столкновения продолжаются и в комиссии по рассмотрению бюджета. В комиссии по внутренним делам член парламента от оппозиции сделал запрос министру внутренних дел, протестуя против ареста студентов. Член от правящей партии заорал: «Спроси только о бюджете!» Атмосфера была впрямь ужасная, и председатель вынужден был прекратить заседание. В отчетно-бюджетной комиссии депутат от оппозиции два раза атаковал, говоря, что министр финансов должен нести ответственность за исполнение бюджета на 1972 год, который провалился из-за

дефицита. В зале поднялся шум, и председатель два раза прерывал заседание. Подобные грызни, пожалуй, и впредь не прекратятся.

Работа ЦРУ среди студентов будет еще более усиливаться. После инцидента с господином Ким Дэ Чжуном правительство пошло на значительные уступки в отношении оппозиции, печати и христианской церкви. Кажется, оно старается не задеть оппозицию, печать и христианскую церковь, показывая видимость мягкости по отношению к ним. Но на студентов оно все сильнее нажимает.

И в первой декаде октября, когда проходили спортивные состязания между университетом Енсе и университетом Корё, люди насторожились, не произойдет ли что-нибудь. Полицейские наряды были начеку. В последний день на трибуне, где сидели студентки университета Енсе, вдруг по неизвестной причине возник пожар. Человек 30 студенток получили ожоги. Говорят, огонь горел не снизу, а сверху. Ходят слухи, что кто-то хотел окатить холодной водой разволновавшихся студентов. И раньше, когда в университете проходили состязания по рэгби, дважды на трибуне вспыхивал странный пожар.

На этот раз правительство особенно жестоко обращалось со студентами, причастными к демонстрации. Арестовали всех студентов и горожан, которые скрывали студентов у себя на ночь. Поэтому они вынуждены были явиться. Если кто-то из членов семьи и родственников студента был чиновником или военным, то его использовали в розыске, а в случае неудачи угрожали ему снять с должности.

До каких пор это продолжится? Теперь стало модно списывать из иностранных газет и циркулировать. Они не падают духом даже при аресте. Некая газета по-партизански напечатала дерзкую заметку, которая была конфискована. Другая газета,

как-будто сообщая о несправедливых актах японской газеты «Иомиури симбун», специальный корреспондент которой был выслан из Южной Кореи, ухитрилась сообщить почти все содержание заметок, напечатанных в этой газете. Один приятель сказал мне, что один журналист был арестован и убит пытками. В таких случаях обычно сообщается, что человек умер из-за рака. Некоторые сходят с ума. В заключение он сказал: «Пытки применяются, чтобы выяснить факты преступления. А ЦРУ Южной Кореи применяет пытки, чтобы истязать и убивать тех, кто не повинуется ему».

Никто не думает, что таким способом можно править страной. Страна оказалась на грани катастрофы и в экономическом отношении. Разрыв экономических отношений с Японией, говорят, крайне угнетающе действует на психологию людей. Люди шушукают, что страна находится накануне распада. Как быть перед лицом усиливающегося сопротивления? После инцидента с господином Ким Дэ Чжуном быстро нарастают выступления народа. Один молодой участник движения сказал, что если нынешнее сравнительно умеренное подпольное движение будет продолжаться долго, то оно, может, превратится в террор. И он выразил свое опасение, что если инцидент с господином Ким Дэ Чжуном кончится печально, то это, может, вызовет террор против японцев, проживающих в Южной Корее. Инцидент с господином Ким Дэ Чжуном то и дело напоминает бомбу, которая бы оказалась в руках Японии и Южной Кореи.

В кругах интеллигентов часто завязываются такие разговоры: «Массы ищут шанса взрыва. Наверно, и Пак Чжон Хи знает об этом. Он достаточно хитер, чтобы в случае чего спасти свою шкуру. Возможно, он что-то придумает».

В крайнем случае он, может, в какой-то форме попытается связаться с господином Ким Дэ Чжуном. Собственно говоря, те южнокорейцы, которые пережили беспорядки после 19 апреля, надеются, чтобы хотя бы таким путем пришли новые времена. В такие минуты они часто приходят в уныние и задают себе такие вопросы:

«Если так, то разложившиеся жестокие экспроприаторы по-прежнему останутся безнаказанными за содеянные ими коррупции. Этого не терпит национальная совесть. Народ не будет мириться с этим».

Господин Ким Дэ Чжун не согласится. Тогда режим Пака прибегнет к крайним мерам. За это время жертвам не будет конца. С такой тревогой люди Южной Кореи теперь, кажется, ждут какого-то чуда. Люди в течение долгой истории не могли выговорить то, что хранили в сердцах. И ныне мы повторяем в душе. Это такая слабая и жалкая фраза: «Его величество, так нельзя».

СЛУХИ О ГАЗОВОЙ КАМЕРЕ

— Ноябрь 1973 года —

На улицах Сеула много поговаривают насчет «рассказа о жестокостях». Конечно, речь идет о ЦРУ Южной Кореи. В стенах ЦРУ найден труп убитого Цой Чжон Гира, профессора юридического института Сеульского университета. По сообщению ЦРУ, он «бросился вниз с туалета и покончил с собой». Но никто этому не верит. Верят, что его убили пытками.

Дело было так. 17 октября 6 руководящих пре-

подавателей совещались в связи с рядом событий, возникших в юридическом институте, — демонстрации, забастовки и др. На этом совещании профессор Цой настаивал: «В этот раз и профессоры должны стоять на стороне студентов, а не наказывать их». Именно в этот день его увели и убили пытками. Оказывается, кто-то донес. А с трупом распорядилось ЦРУ, не показав даже семье. ЦРУ опасалось, что семья может опознать следы жестоких пыток, так как жена профессора работает врачом.

Такое случилось и в 1969 году, когда производилось изменение конституции для трехкратного президентства. Увели одного руководителя студенческого общества, возглавившего демонстрацию университета Енсе. И сообщалось, что он «бросился вниз с высотного здания», когда его допрашивали в одном отделении ЦРУ в городе (филиал ЦРУ обычно имел название фиктивного акционерного общества. — **Ред.**). Только не говорили, что это акционерное общество является ЦРУ. Сообщалось, что неизвестно, почему он здесь покончил с собой. Нечего и говорить, что и его семья не могла установить это. И смерть профессора Цоя обнаружена только спустя неделю после события. Студенты юридического института чуяли что-то неладное и стали шуметь. О его смерти сообщалось вместе с корреспонденцией под крупным заголовком: «Обнаружена крупная шпионская шайка, имеющая свою базу в Европе». Власти общественной безопасности опасаются: не послужит ли его смерть такой развязкой вроде смерти подростка Ким Чжу Рёра во время событий 19 апреля? (Во время движения против мошеннических выборов 1960 года власти Ли подросток Ким был злодейски убит в Масане полицией и труп его был выброшен в море. Когда был обнаружен его труп, народные массы разъярились

и, наконец, дело дошло до революции учащихся.) И учащиеся говорят так. Бастующие студентки Сеульского университета решили одеться в черное в знак соболезнования по случаю его смерти.

«Рассказ о жестокостях» ЦРУ — богатейший арсенал материалов, говорящих о режиме Пака. Один приятель рассказал мне о трех видах пыток ЦРУ. Один из них — газовая камера. Камера наполнена чем-то вроде табачного дыма. Окажись человек в ней, у него происходит помрачнение сознания. Другой — демонстрация кинокадров со страшными сценами пыток. Так заставляют людей покориться и кричать «ура» режиму Пака.

Третий — увезти человека в район военно-демаркационной линии, разделяющей страну на Юг и Север, и убить. Он, мол, застрелен при попытке «перебежки на Север». Почему так распространяются слухи о пытках ЦРУ? Да это потому, что население ощущает на себе все ужасы устрашающей политики.

В последние дни люди перестали верить в правдивость сообщения о шпионаже. Тем не менее шпионаж состряпается без конца. Особенно часто в шпионаже объявляют замешанными проживающих в Японии южнокорейских граждан. Один приятель поведал мне рассказ, услышанный им у того, кто непосредственно занимается такими делами. Он сказал:

«Они фабрикуют инциденты шпионажа для того, чтобы пропагандировать в стране и за ее рубежом, что Север искренне не желает диалога между Югом и Севером и объединения страны. И в эту политическую инсценировку приплетаются проживающие в Японии южнокорейские граждане. Потому что, находясь в Японии, они часто общались с людьми, имеющими связь с Севером».

Для фабрикации и раздувания того или иного

события они «сподручными» считают южнокорейских граждан в Японии. Южнокорейцам хорошо знакомы соседи, и такой примитивный номер не пройдет. К тому же очень сильна реакция. Но, скажем, если что-то случилось с южнокорейским гражданином в Японии, то люди в стране думают, что такое может случиться. Вопрос состоит в том, чтобы сорвать такие политические заговоры.

КРИК И ЕЩЕ КРИК

Студенты решают устроить забастовку. Когда в школе чувствуется студенческая забастовка, дирекция объявляет школу закрытым.

Одна за другой выходят декларации, без конца разбрасываются листовки. Ниже приведем листовку, которая распространялась во второй декаде октября в университетах Енсе и Соган и женском университете Лихва.

К демократическим учащимся

Опять безошибочно наступил тот день и час, когда мы испили горькую чашу провала. С каким нетерпением мы ждали этого дня, когда поприще свободы и справедливости оказалось растоптанным агентами диктатора, одержимого вожделением к власти. Спавший разум воспрянул духом и высоко поднял факел борьбы. Пламя борьбы сожгло всю землю и там создается новый мир. Угнетение, которому мы подвергались, вот-вот обернется мощным кратером, обещающим новый мир. Экспроприация, которой

мы подвергались, обернется движущей силой, способной построить новый мир.

Превышающее всякое человеческое воображение покушение на жизнь господина Ким Дэ Чжуна, хватающая за горло народа предварительная цензура слова и печати, подавление свободы собраний и организаций, заключение демократических студентов и лиц, возмутительные бесчеловечные деяния агентов (люди полиции и ЦРУ), формальность парламента и суда, жестокая экспроприация народных масс иностранным капиталом и компрадорским бюрократическим капиталом и распад демократической экономики, закабаление деревней и рыбацких поселков у иностранного капитала и компрадорского бюрократического капитала в результате движения за строительство нового селения, замораживание зарплаты трудящимся и варварские репрессии, налоги и благостная пенсия (в счет пособий по старости режим Пака вопреки протесту народа насилу заставляет откладывать деньги) — вот что характеризует антидемократический военно-диктаторский режим и антидемократическую экономическую зависимость от Японии.

Кто может изобличать такую ужасную действительность родины! Кто осмелится заявить, что родина должна идти по этой дороге! Товарищи по университету! Молодая кровь в наших жилах еще не остыла! Нет, она не остынет навсегда! Да разве мы не дали слово друг другу!

Наши друзья вступают в ряды борцов и шагают рука об руку с массами людей труда. Горстка диктаторов бьются в предсмертной агонии. Восстание наших честных народных масс торопит нас к новому демократическому обществу.

Наши университетские деятели должны смотреть в лицо действительности родины и искоренить антидемократический и антинациональный характер нынешнего режима. К чему мы стремимся?! Для демократического общества, для нового демократического общества сперва установим новую демократическую власть. Ведь мы знаем, что новая демократическая власть служит краеугольным камнем нового демократического общества! Эта наша борьба будет нашим первым шагом к новому миру, запишет первые страницы новой истории.

Смотрите! И сегодня наши друзья в лапах диктаторства стреляют последнюю стрелу. Товарищи по университету! Вставайте! За окончательную победу!

1. Пусть весь народ встанет.
2. Распустить ЦРУ.
3. Установим новую демократическую власть.
4. Слово и оппозиция должны выполнить свой священный долг.

Когда начинается демонстрация или забастовка, студенты обращают внимание на газету. Но почти все газеты молчат. В последнее время студенты язвительно говорят, что «в Южной Корее нет своей газеты. Ее заменяет японская газета». Так говорили после инцидента с господином Ким Дэ Чжуном. И голос студентов сообщается не в Южной Корее, а в Японии. То ли заметили этот сарказм, то ли зарубежная печать и информация насмехались над молчаливой южнокорейской газетой, но на днях последняя стала сообщать о движении студентов в маленьких заметках в несколько строчек. Так, например, о проведенном 7 ноября митинге 1500 студентов по-

литехнического института Сеульского университета вместе с корреспонденциями о других университетах сообщалось только так:

> 7-го студенты политехнического и коммерческого институтов Сеульского университета начали забастовку — они требуют: освободить задержанных студентов, выйти из-под зависимости от Японии, обеспечить свободы учебных заведений и слова. А 5-го студенты педагогического института Сеульского университета решили продолжать забастовку на неопределенный срок.

В сообщении газеты указывается только более или менее умеренная часть требований студентов. Вычеркиваются нападки на саму диктатуру, требование роспуска ЦРУ и выяснения инцидента с господином Ким Дэ Чжуном и т. п. Некоторые склонны считать шагом вперед сообщение хоть в такой мере, завоеванием студентов.

Во многих местах студенты арестовываются еще до того, как приступить к делу. 2 октября институт гуманитарных и естественных наук Сеульского университета начал свои действия. У студентов настроение было приподнятое, они были готовы ко всему. Но в последнее время почему-то чувствуется, что дело слишком затягивается. И чудится, что и студенты намерены вести себя терпеливо и действовать по-партизански. Кажется, они скорее сочли за лучшее исподволь ослаблять силы власти в обществе вообще, нежели поспешно разжечь противоборство по-эскалации, терпя большие жертвы. Студенты думают, что дух у следователей, вершащих их дела, явно пошел на убыль. Их начинает одолевать тревога: власть доживает свои дни, так что с тобой станет,

если тебя заклеймят подлым полицейским или агентом. Тогда уж тебе не спасти свою шкуру.

Опубликованная 5 ноября «декларация о текущем моменте» интеллигентов, бесспорно, возымела большое вдохновляющее действие. Оно тоже пахнет партизанской тактикой. Собравшиеся в кафетерие на первом этаже здания христианского молодежного общества на улице Чонро, наклеив на стене плакат, тут же принимались за работу. Спустя минут десять нагрянули сыщики. Там остались только специальные корреспонденты иностранных газет, а журналистов южнокорейских газет выгнали. Участники знали, что все равно их арестуют, и по всей форме объявили «десятиминутное собрание» закрытым трехкратными выкриками «ура».

Говорят, что арестованные Хам Сок Хон, Ким Чжэ Чжун и Чхон Гван У в шестом департаменте ЦРУ не столько подверглись допросу, сколько разоблачили незаконные действия режима Пака. Когда они настойчиво спросили у сотрудников ЦРУ, что они сделали с профессором Цой Чжон Гиром, те еле выдавили из себя, что он «бросился вниз и покончил с собой», когда они повели его в туалет.

На следующий день мне довелось встретиться с одним руководителем, подписавшим «декларацию о текущем моменте». Он говорил, что режим Пака стоит перед дилеммой: он никого не смеет арестовать. Арестует — движение расширится. Не арестует — тогда возникнет более смелое движение. Он с гневом выпалил: «До сих пор мы терпели: как-никак он президент нашей страны. Кто он, этот Пак Чжон Хи? Печать, христианская церковь, интеллигенты и учащиеся — это высший символ патриотизма. При японском империализме они страдали, а он чем занимался? Что он делал в Маньчжурии? При Ли Сын Мане люди боролись за демократию, а он что делал?

Он кричит об антикоммунизме. Но он ведь когда-то состоял в коммунистической организации и предал многих товарищей, когда его жизнь была в опасности. Как человек он слишком низок. Он разрушает этот символ патриотизма...»

Мне не сиделось на месте. Он говорил даже: «Мы хозяева. Мы представители народа». Я сказал себе, что ничем нельзя подавить гнев народных масс, и они кричат и кричат

ВСЕ УХУДШАЕТСЯ ЖИЗНЬ НАРОДА

Действительно серьезен нефтяной кризис. В комнате холодно, трудно терпеть. Туго с угольным брикетом. Поэтому домохозяйки даже устроили демонстрацию. Были случаи, когда не ходили поезда, автобусы, а средние и малые предприятия, работающие не на экспорт, остановились. Правительство запрещает газетам дать такие материалы, которые бы повлияли на нефтяной кризис или цену на товары. Говорят, что где-то может разразиться неожиданное событие еще до наступления весны, причем вовсе не из-за демонстрации учащихся, а из-за ухудшения жизни. В таком случае правительство, может, найдет предлог для более страшных репрессий. А люди шушукают, что если к этому событию присоединится демонстрация учащихся, то не придет ли конец режиму Пака.

Декларация учащихся отмечает, что ныне Южная Корея как во внутреннем, так и в международном отношении переживает величайший кризис. Она вызывает полную симпатию у народных масс. Почему правительство не может обращаться жестоко

с учащимися? Так это из-за проблемы цены на товары, из-за экономической проблемы. Задолженность у иностранного капитала составляет 5,5 миллиардов долларов, или 20 тысяч миллиардов вон. К тому же в стране хозяйничают иностранные предприятия. Газета сообщает о состоянии «работниц иностранных предприятий» в районе свободного экспорта Масана, в южной оконечности Южной Кореи. Здесь преобладают японские предприятия. Введена поденная плата. Месячная зарплата составляет 15 тысяч вон, или примерно 10 тысяч японских иен.

Работницы говорили:

«В первые три месяца в день получили по 200 вон, потом по 250 вон. Работаем ежедневно до 10 часов вечера, и то получаем всего 10 тысяч вон в месяц (примерно 7,5 тысяч японских иен)».

«Мы слышали, что они и наемникам в своей стране платят в среднем 40 — 50 тысяч южнокорейских вон в месяц. Это уж слишком — ведь они не платят пошлины да и пользуются всякими льготами».

Но правительство Южной Кореи закрывает глаза на все это, даже поощряет. И куда уходят заработанные иностранные валюты? Кто-то вложил огромные деньги в американский и швейцарский банки. Построенные иностранными материалами фешенебельные апартаменты берут нарасхват. Несмотря на запрещение критики экономической политики в передовой статье газеты появились такие строки. Она больше не могла терпеть.

...Кто поощрял на 100 процентов употреблять импортную нефть? Кто поощрял использовать телевизор, холодильник и электрическое отопление комнаты, говоря, что на построенных иностранным капиталом тепловых электростан-

циях, работающих на снабжаемой иностранной фирмой нефти, вырабатывается излишек электроэнергии?..

Кто же построил четыре автосборочных завода при такой плотности населения и низком. уровне доходов? Кто разрешил производить новой марки автомобиль, когда еще не прошло и года?..

Кто возбудил бум в спекуляции недвижимым имуществом в районе Ендынпхо города Сеула и кто вздорожил цену на земельные угодья под предлогом туризма и увеселительной промышленности?..

Правительство просит народ содействовать в проведении новой экономической политики, но не хочет «отвечать за неудачу». Разве так можно? Экономика в сговоре с предпринимателями и иностранным капиталом служит только личным интересам и сохранению власти, делающей это возможным. Эта экономика, кажется, оказалась перед лицом всеобщего развала. Тем не менее власть Пака приглашает к себе некоего Германа Кана, которого она превозносит «оптимистическим ученым будущего», и заявляет из его уст, что «экономические чудеса в Корейской республике возможны ввиду квалификации граждан Корейской республики, эффективной экономической системы и стабильной экономической обстановки, исторических условий и пр.». Этот семинар был в середине ноября. Для этого мобилизовали многочисленных ученых, а на его публичную лекцию собрали массу жителей города. Газета сообщает, что Пак Чжон Хи больше часа внимательно слушал «пламенную речь» Германа Кана, посетившего его в Чхонвадэ. По поводу этого сборища один студент бросил мне такую реплику:

«Преподаватели уже не те. Мы сражаемся в крови, а они молчат и охотно слушают брехню такого продажного ученого. Какая нелепость! Какие там экономические чудеса в Корейской республике? Такое жалкое экономическое положение — какие там эффективная система управления, стабильная экономическая обстановка и исторические условия? Это лишь оправдает Пак Чжон Хи. Разве возможна эффективная система управления среди таких коррупций? Разве эта печальная экономическая действительность говорит о стабильности и замечательной исторической ситуации? И говорят, что все дело только в недовольствах интеллигентов. Эти профессоры с серьезным видом слушают этого ученого, а не хотят прислушиваться к нашему голосу. Как вы думаете об этом? Вот это величайшая трагедия».

Я не мог не видеть противоречие между испорченным разумом и чистой совестью. И в это время студенты, участвовавшие в демонстрации, в холодной камере тюрьмы подвергались пыткам. Не найдя скрывавшихся студентов, ЦРУ избивало их матерей, братьев и сестер, подружек и тех, кто жил вместе с ними в пансионе. После того, как стало известно о государственном перевороте в Тайланде, с ними обращаются еще жестче. К тому же этот семинар был правительственным мероприятием, устроенным от имени университета Корё, который стал ареной ожесточенных боев студентов. Оказывается, участники этого семинара все были подкуплены правительством. Поэтому крик студентов был криком отчаявшихся, которые больше не могут терпеть.

В такой обстановке часто поднимаются студенты Южной Кореи. А рабочие как? — часто меня спрашивают. Положение рабочих печально, как мы

уже говорили о работницах. Но профсоюзы перерождаются в продажные.

Это параллизованное общество вызвала к жизни демонстрация учащихся. Зажженное ими пламя перекинулось и на газету, и теперь она с оглядкой осторожно стала давать заметки. В последнее время газета «Чунъан ильбо» и ее радио понемногу набирает силы. Требуя свободы информации, она даже объявила однодневную молниеносную стачку.

ПОСЛЕ РЕФОРМЫ КАБИНЕТА

— Декабрь 1973 года —

И 5 декабря передавалась молниеносная информация. Сообщалось: «Резкий подъем цен на 7 видов товаров, в том числе и нефть».Так без всякого предварительного извещения сообщило правительство, которое до этого заявляло об обязательной стабилизации цен на товары. При этом оно заявило о намерении и в дальнейшем увеличить громадный бюджет и налоги. Тут я думаю, какого принципа придерживается правительство в своем правлении, и не могу не всматриваться в нижеизложенные данные, показывающие рост цен на товары:

Нефть — 30 %; комбинированные корма — 25,5 %; крахмал — 42 %; нейлоновые нитки — 32,6 %; листовое стекло — 25,5 %; молоко — 15 %; сухое молоко — 10,8 %; сахар — 16,7 %; удобрения — 30 %.

Уже люди думают, что вот наступает вместе с политическим кризисом экономический кризис. А правительство прилагает всевозможные усилия для подготовки к предстоящему совещанию министров

Японии и Южной Кореи. Все же Япония легко не даст Южной Корее только деньги. Как было указано в заявлении студентов, никто не желает отрицать тот факт, что Япония глубоко проникает в сферу политики Южной Кореи экономическим проникновением. Не служит ли доказательством тому разрешение инцидента с Ким Дэ Чжуном? Есть и слухи, что именно японское правительство и окружающие его политические деятели выступают против выезда Ким Дэ Чжуна за пределы Южной Кореи. Критика Ким Дэ Чжуном Японии за ее проникновение в Южную Корею считается недопустимой. Конечно, режим Пака страшно боится раскрытия заговора вокруг дела Ким Дэ Чжуна. Мы как-то делились с приятелями различных слоев мнениями о судьбе Ким Дэ Чжуна. Тогда мы в общем пришли к таким мнениям:

1. Не только Япония, но и США желают дальнейшего сохранения нынешнего правительства. Только США, может быть, желают, чтобы какие-то силы держали под контролем режим Пака.

2. Они намереваются в случае, если считают режим Пака совсем негодным, поставить у власти Ким Чжон Пхира, если и он негодный, то более мягкого, чем Ким Дэ Чжун, человека, близкого к нынешней правящей партии, которым легко можно будет дирижировать. На это намекают и Япония, и США. По всей вероятности, Япония настоятельно требует этого от США.

3. Таким образом не может выправлена нынешняя ситуация в Южной Корее. Сейчас в Южной Корее нужен такой человек, который пользовался бы активной поддержкой у населения ради строительства нового государства. Хотя никто не говорит об этом, но Ким Дэ Чжун —

единственный человек, обладающий этими возможностями. А если он завоюет власть, то эти возможности станут более реальными.

Один приятель, ссылаясь на тайное соглашение «Кацура-Тафт» 1905 года, выразил опасение по поводу решения Японией и США вопроса Южной Кореи. Теперь и американский посол заявляет: ничего не поделаешь, поскольку правительство Южной Кореи не разрешает выезда Ким Дэ Чжуна за пределы страны. Ведь США ждут возвращения Ким Дэ Чжуна, предоставив ему стипендию? США этим хотят сказать, что они сделали все от них зависящее. А Япония вместе с южнюкорейским правительством думает, что свобода Кима восстановлена как прежде и что все пойдет на лад как по-прежнему, если будет созвано совещание министров Японии и Южной Кореи.

В ту ночь другой приятель сделал такие предположения. Я искренне хочу, чтобы интеллигенты Японии судили насчет этого. Вот что было:

«Низвергнет режим Пака. Тогда Пак Чжон Хи так не оставит Ким Дэ Чжуна. Может быть, он прикончит его. Ким Дэ Чжун в свою очередь сильно ощущает на себе такую опасность. Пожалуй, Япония и США, прикончив Ким Дэ Чжуна руками Пак Чжон Хи, выберут более нереволюционнного человека. Даже режим Пака может заявить внутри страны и за ее пределами, что он держит Ким Дэ Чжуна заложником».

Ходят слухи, что и США дали согласие режиму Пака по этому поводу. Конечно, им не по душе Ким Дэ Чжун, сближающийся к критически настроенным силам Демократической партии. Воспользовавшись этим случаем, правительство Южной Кореи заявило:

«Как нам быть, когда так упал наш авторитет

внутри и вне страны, да и еще будет освобожден Ким Дэ Чжун? Пожалуйста, думайте и о нашем авторитете, люди восточных стран ставят авторитет выше всего».

Это говорил новый посол Южной Кореи в США, выпускник Гарвардского университета по фамилии Хам, бывший помощник президента. Таким способом они сближаются к Киссинджеру и другим высокопоставленным лицам правительства Никсона. Они настраивают общественное мнение так, что Пак Чжон Хи, конечно, нельзя хвалить, но Ким Дэ Чжун по крайней мере не подходит как президент, так как он слишком радикальный. Итак если замолчат США, потом Япония, то замолчит и Южная Корея. Говорят, что таковой останется политика до открытия вузов в марте будущего года.

Поэтому, Никсон в США и Либерально-демократическая партия в Японии думали, что может продолжаться не только кризис самого Ким Дэ Чжуна, но и кризис Южной Кореи. Мы говорили, что надо вести кампанию за опровержение подобного международного предположения или заговора.

В Южной Корее распространяется легенда о том, что если поднимутся на борьбу учащиеся повышенных школ, то войска окажутся беспомощными и низвергнет правительство. Начатая с Тондокской женской повышенной школы в Сеуле демонстрация учащихся повышенных школ на этот раз грозит распространяться по всей стране. Поэтому, наконец, 2 декабря администрация средних и повышенных школ вынуждена была объявить «преждевременные зимние каникулы» под предлогом нехватки топлива.

3 декабря в пожарном порядке было опубликовано реформирование Кабинета министров. Был смещен с должности начальника ЦРУ Ли Ху Рак.

Это, конечно, было сенсационное известие. Но сразу стало очевидным, что реформирование Кабинета было «самообманом». Занимаясь пустячными делами и то для обмана народа, они на словах шумят, будто они вершат крупные работы. По-прежнему остались сторонники Ким Чжон Пхира. Кабинет пополнился приверженцами Пак Чжон Хи, и лишь укрепилась система правления Пака и его ближайших. Остаются по-прежнему сторонники Ким Чжон Пхира — министр просвещения, министр информации. Это значит, что в отношении студентов и пропаганды и информации сохраняется прежняя позиция. Начальником ЦРУ назначен сторонник Ким Чжон Пхира.

Режим Пака уже расшатывается до основания. Несмотря на это, нет никаких изменений в мечте Пака. А много предположений по поводу «самообмана». Распространяется и версия, что Ким Чжон Пхир слабо затормозил демонстрацию студентов в стремлении использовать сложившуюся ситуацию для изгнания Ли Ху Рака во внутреннем противоборстве между ними. Но факт, что трудно было остановить выступления, и прежде всего студенческую демонстрацию, саму их силу. Ходит и молва, что решено сохранять спокойное состояние для успешного завершения работы совещания министров Японии и Южной Кореи. Конечно, можно сорвать кампанию против Пака при желании, но надо было серьезно относиться к этому. От исхода этого совещания зависит судьба нынешнего режима Пака, так как он будет отражаться в бюджете нового года. Поэтому воздерживаются от всего, что могло бы мешать режиму Пака. Даже не выдают интеллигентам визы на въезд в Японию из-за боязни того, что они могут оказывать влияние на общественное мнение Японии.

Вот другая версия, что Пак Чжон Хи не в силах

справиться со сложившейся ситуацией и потому он решил поручать Ким Чжон Пхиру разрешение всех социальных вопросов, например, вопросов студентов, печати и информации, церкви. Значит, если и таким образом не будет выправлена ситуация, то он начнет массовые репрессии с нового года. И он думает, что теперь он может оправдать себя, начиная репрессии, потому что ему больше нечего делать для народа, или для США и Японии. Или, может быть, они создадут своего рода атмосферу смягчения, дав всем возможность «свободно критиковать», а уж с наступлением нового года будут производить поголовные аресты.

Во всяком случае позиция режима Пака никогда не изменится. В последнее время агенты ЦРУ ни в коем случае не идут в учебные заведения, редакции газет, церкви. Зато они просят соблюдать следующие четыре принципа: не действовать в ущерб Пак Чжон Хи; не развернуть кампанию за изменение системы; не говорить в ущерб безопасности страны перед лицом Севера; не заниматься такими делами, которые повлияли бы на цены товаров. Если так, то спрашивается: о чем можно говорить и что можно делать. Это все равно, что закрыть глаза на нынешнее ужасное положение. Пак Чжон Хи никогда добровольно не уходит со сцены. Он не отступит, даже видя кровь. Все беспокоятся, не разыграется ли кровавая трагедия. О ты, боже мой, не допусти повторения кровавого апреля...

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В последнее время читатели часто сердито

говорят о газетах. Тогда на душе становится больно.

«Такие газеты не стоит читать, их надо ликвидировать до последней».

Раз народные массы реагируют так, то это потому, что печать и информация, служащие средствами открытой информации перед временем и обществом, превратились в казенные. Казенные печать и информация, как правило, изолируются от народных масс. Они служат объектом осуждения и жалобы.

Этот отрывок критической заметки принадлежит преподавателю журналистики, который писал по поводу политики правительства в области печати. Он был помещен в еженедельнике — «органе общества журналистов», предназначенном только для журналистов (за номер от 22 июня 1973 года). Из-за этой заметки ее автор-преподаватель был арестован, а еженедельник «орган общества журналистов» «разжалован» и превратился в ежемесячник. Такая заметка ничего не стоит в зарубежных странах, но в Южной Корее ей суждено хлебнуть горе.

Поэтому студенты не могли не сделать слово и печать объектом своей атаки. В последнее время журналисты сопротивлялись правительству, и вот хотя бы осторожно, но постепенно стали появляться такие статьи и заметки, которых раньше не было. На первой полосе газеты появилась и заметка, посвященная собеседованию о текущем моменте, на котором присутствовали 11 человек, их большинство политики-ветераны, в том числе и бывший президент Юн Бо Сон. Авторы ее настаивают на «восстановлении демократической системы» и в то же время обращается к президенту с просьбой принимать их.

Слово и печать все еще дрожат от страха, но

все же они имеют небольшие колонки, где можно высказать свое мнение. Следующие отрывки, помещенные в постоянном разделе, читались с интересом среди многих людей.

> В последние несколько месяцев, как правило, периодические издания, газеты или еженедельники, поступающие из-за границы, оказываются ужасно израненными, изрезанными. В них входят все газеты и журналы, ежедневные, еженедельные, ежемесячные периодические издания, поступающие от дружественных стран свободы — США, Англии, Японии. Уж слишком мужественно. Некоторые полосы и страницы целиком или местами вычеркивают, или режут ножницами, или зачеркивают тушью. Таких случаев слишком много...
>
> Если закрыть глаза и заткнуть уши людей даже на известный всему миру факт, то это все равно что «ладонью закрыть небо».
>
> Какой резонанс вызывают такие вещи заграницей? Неужели заинтересованные лица не могут использовать для справок иностранные периодические издания, хотя они немножко им не нравятся? Вырезать или зачеркивать тушью все — это пережитки прошловскового мракобесия, каких нельзя даже представить в нынешнем цивилизованном обществе. Такой глупый метод не только ввергает наше общество в регрессивное состояние, но и серьезно ущемляет престиж страны и авторитет нации. Сейчас наш народ стоит на распутье света и мрака.

Не временно ли некоторое смягчение в отношении печати и информации? Ким Чжон Пхир заявляет, что надо выправить нынешнюю ситуацию путем

диалога. Конечно, было бы хорошо, если этим можно надежно удержать режим. Потому что это первоочередная цель. Поэтому он подчеркивает, что он готов принимать некоторые требования, но «недопустимо движение против системы». Режим Пака хочет оставить этот самый режим, только подчинять себе народ под вывеской сотрудничества последнего. Разве можно этим выправить ситуацию в дальнейшем? Я спросил кого-то: о чем в общем говорил он на беседе с премьером? Его ответ был ясен:

«Наверно, всем хочется говорить: пусть Пак Чжон Хи уходит в отставку, отменяет реформированную систему. Но никто не мог говорить это. Все говорят задней мыслью. Говорили, что Пак Чжон Хи всячески старается передать его продолжателю великое наследство. Премьер говорил, что он не знал, что Центральное разведывательное управление контролирует над церквями. Я думал, что тот опять врет. Не он ли начал контроль над учебными заведениями как первый начальник ЦРУ?»

Собеседник продолжал:

«Мне сказали, что, прибыв в Южную Корею, Киссинджер заявил вот о чем: режим Пака устойчив, США оказывают ему помощь, чтобы сохранить эту устойчивость. Мне подсказывали, что режим Пака получает абсолютную поддержку от США. В заключение Ким Чжон Пхир угрожал мне: может быть, будет беда, если поднимется больше шума. Таково содержание беседы Ким Чжон Пхира».

Я спросил его, не лучше ли Ким Чжон Пхир, чем Пак Чжон Хи. Мой собеседник коротко ответил:

«Ким Чжон Пхир сам думает, что он талантливый человек. Поэтому он считает, что ловко обманул народ по поводу инцидента с Ким Дэ Чжуном. И как ни в чем не бывало говорит, что в общем поли-

тика — такая. Но ведь народ умнее его. Люди душой его ненавидят за ложь».

В Сеуле люди перешептываются. И мне невольно приходится слушать это. Они говорят вот о чем: студенты и интеллигенты в последнем сопротивлении снова убедились в своей победе. Они в конечном счете столкнутся с политикой самообмана, проводимой Ким Чжон Пхиром. Тогда снова появится твердая репрессивная политика Пак Чжон Хи. В силу этой политики сам режим Пака будет низвергнут. С такой мыслью люди, кажется, всем своим существом ощущают, что вот уже подходит к концу режим Пака, что скоро наступит весна. Хотя еще многие люди по горло заняты текущими делами...

Интеллигенты Японии выступали с заявлением в связи с инцидентом Ким Дэ Чжуна, а южнокорейская газета вчера (12 декабря) коротко сообщила по этому поводу. Оказывается, газета стала дышать хоть и немного.

Заявление интеллигентов Японии о выдаче визы на выезд Ким Дэ Чжуна — под таким заголовком газета пишет:

«20 известных интеллигентов Японии, в том числе и два лауреата Нобелевской премии, 10-го числа передали в посольство Южной Кореи в Японии заявление, в котором обращаются к президенту Пак Чжон Хи с призывом выдать Ким Дэ Чжуну визу на выезд в США.

Эти японские интеллигенты сказали, что они «желают, чтобы на основе духа декларации человеческих прав скорее осуществилось желание Ким Дэ Чжуна выехать за границу».

Среди них были и Югава Хидэки и Томонага Синитиро, получившие Нобелевскую премию в 1949 и 1965 годах, бывший ректор университе-

та Хосей Таникава Тэцузо и др.» (газета «Чосон ильбо»).

Хотя это небольшая заметка, но интеллигенты Южной Кореи принимают ее как большое событие.

Эта корреспонденция будет последней за 1973 год. В 1974 году мне хотелось бы с наступлением весны передать новость о победе, а не такую дурную весть. В заключение хочу, хоть немного колеблюсь, взять несколько пунктов из тех секретных документов, которые, думаю, можно опубликовать. Это часть обследований и плана молодых людей, стремящихся к революции.

Арестованы и заключены в тюрьму Ким Чжон Тхэ, Цой Иль Чжон, Ким Даль Су и другие молодые демократические деятели, причастные к делу представителя общества молодежи по защите демократии Ли Чжэ О. Пытками принуждают их признаться в шпионаже. Ким Чжон Тхэ оказался в тяжелом состоянии из-за огнестрельной раны.

Декларация интеллигентов от 5 ноября текущего года дала сильный толчок силам, выступающим против Пака. Это способствовало количественному росту движения учащихся и связывало его с движением интеллигентов и религиозных кругов. Движение учащихся находилось в застое после выступлений студентов института гуманитарных и естественных наук 2 октября.

... ... Будут развертываться движение за пересмотр конституции, антияпонское движение, движение за участие всех политических партий, общественных организаций и демократических лиц в работе Координационного комитета Юга и

Севера, их участники будут стремиться получить поддержку и вызвать большие отклики среди народа.

Многие отрасли легкой промышленности и торговли парализуются в силу депрессии капиталовложения иностранцев, вызванной вследствие нефтяных и энергетических потрясений и тяжкого налогообложения, инцидента с Ким Дэ Чжуном и демонстраций.

В результате происходит массовое увольнение рабочих с работы, ухудшается их материальное положение и создается серьезная обстановка.

Эксплуатация японскими капиталистами южнокорейских рабочих достигает предела, но Центральное разведывательное управление и полиция защищают это. Например, Масанская свободная экспортная зона, где 93 % из предприятий принадлежит японским корпорациям, одним словом, превратилась в сущий ад на земле. 50 тысяч работниц без отдыха трудятся по 10 — 12 часов в день и получают в среднем 13 тысяч южнокорейских вон в месяц, или на 3 — 4 тысячи вон больше, чем на предприятиях корейцев, но для них введена система дневного заработка без какого-либо договора о найме. Поэтому всегда им угрожает опасность беспричинного увольнения. Нужно подробное обследование этого района.

В начале ноября 100 с лишним женских рабочих, нанятые в японском обществе, в знак протеста против произвола японцев и несправедливого увольнения работниц с палками в руках совершили налет на японцев. Японцы убежали, а сотрудники ЦРУ и полицейские подавляли выступления работниц. В ближайшее время воз-

никнет событие, так как в этом районе остро ставится вопрос южнокорейско-японских отношений.

В стране очень возможно антияпонское движение в связи с вопросами о продаже Японии острова Чечжудо и о континентальном шельфе и о массовой покупке японцами прибрежного района вблизи Инчхона.

Увеличивается число помещиков, не живущих в деревне. Появляется спекуляция неподвижными имуществами. Началось движение за создание нового поселения в качестве политики, имеющей целью предотвратить уклонение крестьян от земледельческих работ, их уход с земледелия и деградацию сельского хозяйства, но в конечном счете оживляет массовый выкуп городской буржуазией земельных угодий, фактически восстанавливается арендная система. Пахари лишаются более 60 % их суходольных и орошаемых полей в два тамбо (примерно 0,2 га — **Ред.**) и больше. По низкой цене продается японцам большинство земельных угодий в районе, где планируется создание промышленного центра. Но все еще низка сознательность крестьян.

Сейчас в деревне встает особый вопрос. В том случае, если крестьяне не могут собирать планируемый урожай на определенной пахотной площади, уездные начальники согласно пересмотренному закону о земельных угодьях имеют право передать другим право на ее обработку. Распределение удобрений монополизируют сельскохозяйственные кооперативы, ставя крестьян в зависимость от них.

Что касается листового табака, за исключением вопроса земельного налога, усиливают-

ся привилегии и несправедливые акты сотрудников монопольного управления, которые расценивают качество листового табака и решают распределение количества его заготовок. Из-за ограничения бюджета заготовки многие крестьяне терпят большие убытки. В начале ноября в Чхонпхуне провинции северный Чхунчхон свыше 100 крестьян направились к монопольному управлению и коллективно предъявили протест. Один из них, который понес большой ущерб, покончил себя самоубийством.

Что касается закупочных цен на коконы шелкопряда, то они установлены на основе согласия между правительством и закупщиками. Сейчас поднялись закупочные цены на них на международном рынке, но они не сказывались на закупочных ценах в Южной Корее. Закупают их по одной третьей части международных закупочных цен. Закупщики не возражают против повышения закупочных цен на коконы, так как у них много прибылей, но правительство сдерживает это.

В секретных документах перечисляются такие пункты. В такой обстановке речь идет о необходимости и возможности политической деятельности. Мой приятель, который показал мне эти документы, говорил, что сейчас студенты называют президента Пака «генерал-губернатором», а Ким Чжон Пхира «начальником политического управления» (эта должность соответствовала вице-генерал-губернатору Кореи в период колониального господства японского империализма. — **Ред.**), затем спросил меня, знаю ли я об этом. Поэтому, продолжал он, по поводу инцидента с Ким Дэ Чжуном начальник политического управления Ким должен выступать с докладом и про-

сить извинения. И собеседник горько усмехнулся. Он добавил:

«Взимают часть доходов проституток, облагают их налогом. Из вырученных 20 тысяч южнокорейских вон на заработанную приходится 8 тысяч вон. Правительство запрещает получать больше этой суммы».

«Правительство помогало пострадавшим от наводнений крестьянам в строительстве их жилищ в объеме половины расхода на эту постройку. Зато эту работу оно поручило не крестьянам, а своим подрядчикам. На шиферных крышах протекает дождь, так как шиферы не были подбиты глиной. Хотя это крестьянские дома, не думают пристроить к ним сарай и потому крестьяне вынуждены построить новые жилища или приобрести новую квартиру. И это делается по непосредственному распоряжению Чхонвадэ. Президент играет даже роль волостного начальника (сельский староста. —**Ред.**). Он говорит: «Все делаю я, безропотно иди за мной», а таков результат. Думаю, что он злейший тиран после короля Енсангун — жесточайшего тирана династии Ли, который убил даже свою мать».

Мне теснит грудь при мысли, что сопротивление в подобной обстановке — это дальнейшая национальная задача. Сейчас многие люди явно как никогда всецело отрицают нынешнюю систему Пака. Некий преподаватель, который стал свидетелем студенческой демонстрации, говорил вот что:

«Уже изменилось время. Студенты полны твёрдой решимости ценой жизни бороться».

Это не оттого ли, что в единый могучий поток слились сопротивление диктатуре и националистическое сопротивление? Наступление весны — закон природы. А какая история сотворится? Мы должны выработать такую тактику и стратегию, которые

отличаются от таковых злостного режима Пака. У него есть современное оружие, но у нас есть традиционная поддержка народных масс.

ПРИЗНАКИ ПАРАЛИЧА СТРАХОМ

— Январь 1974 года —

Около месяца продолжалось состояние улучшения. Оно кончилось в 5 часов вечера 8 января. Кончилось время замаскированного диалога. Начинается время более жестокого насилия, открытого насилия. Действительно, Сеул находится в чрезвычайном положении. Но правительство не стягивает туда войска. Боится военного переворота. Конечно, все ожидали это, но есть среди них наивные люди, которые возлагали хоть бы небольшую надежду на него. Поэтому горожане только и думают, не начнутся ли опять репрессии, как надо бороться с этим правительством? Даже газеты хранят молчание насчет нынешней ситуации. Они лишь передают информацию без всяких комментариев.

Были арестованы несколько деятелей от оппозиции и многие интеллигенты, но они освобождены спустя не более чем 24 часа. Можно сказать, что это просто «временный арест». Многие люди, особенно ветераны находятся под домашним арестом. Много случаев, когда сотрудники Центрального разведывательного управления по трое или по четверо следуют за ними до их конторы. Таким методом они полностью блокируют их деятельность 24-часовым надзором за ней. Пока режим Пака оказывает давление на них не столько арестом, сколько угрозой.

Разговоры между частными лицами расцениваются как ложные слухи, и их арестовывают. Это совершенная диктатура. Говорят, что деятельность 20 с лишним человек из христианской церкви блокируется 24 часа. О содержании проповеди надлежит заранее доложить. Во время проповеди присутствует несколько стенографистов ЦРУ. Ведь ясно, что сотрудники ЦРУ тайком записывают на ленту проповедь, но стенографируют. Это открытая угроза. Некий журналист говорил: знакомый ему сотрудник ЦРУ сказал ему, что надо быть осторожным, так как можно прикончить его иным способом, хотя сразу не арестовывают. Значит, опасность террора постоянно следует за людьми. Вся страна — тюрьма режима Пака.

Но жители Сеула мужественны. Они повсюду открыто говорят: «Больше нельзя терпеть». Это можно слышать везде: и в такси, и в столовой, и в и в чайной. Как-то водитель такси спокойно спросил: «Где вы работаете? Точно не знаю, но, думаю, уже все кончено. Как Пак может оставаться у власти, занимаясь такими злодейскими делами?»

Уже нельзя заглушить голос критики народных масс. Это можно назвать «признаком паралича страхом». Искусство запугивать, к которому прибегает режим Пака, кажется, достигло апогея. Пожалуй, студенты также думают, что быть арестованными за участие в демонстрации — это их неизбежная участь. Постепенно затухает верность тех, кто призван справиться с этими выступлениями. Говорят, что поэтому Пак Чжон Хи еще более нервничает.

Полагают, что последние срочные меры — продукт его нервозности. Некоторое время были слухи, что он поручил Ким Чжон Пхиру беседу с людьми, а он ведет «движение за новое селение», а сам не мог больше терпеть. 8 января Ким Чжон Пхир должен

был перерезать ленту по случаю спуска на воду танкера в Пусане. Вдруг прекращено это мероприятие, появилась срочная мера. В этом есть две причины. Одна из них заключается в том, что люди выходят из правящей Демократической республиканской партии. Чон Гу Ен, Пак Чжон Тхэ и другие члены выступали с заявлением о выходе из партии. Другая причина — в том, что внутри Чхонвадэ появились две группировки — жесткая и умеренная. Говорят, что поэтому Пак Чжон Хи вынужден был принять срочную меру, а по этому поводу один журналист говорил мне:

«Не в силах терпеть сложившуюся ситуацию Пак Чжон Хи, наконец, принял срочную меру. Вообще Чон Гу Ен был 80-летним стариком, а остальные фактически заняли последние места Демократической республиканской партии, поэтому они оказались в таком состоянии, что стояли вне партии. А Пак Чжон Хи рассердился и разыграл истерию».

Члены парламента от правящей партии и интеллигенты, которые могут пригодиться, — все они сейчас объезжают периферию для ведения пропагандистской работы. Эти члены парламента, каждый, к концу года получили денежную премию в сумме двух миллионов южнокорейских вон (примерно полтора миллиона японских иен). Вдобавок к этому они ежемесячно получают в среднем 750 тысяч вон. Народ насмехается над ними, говоря, что надо же отблагодарить, если получили столько денег.

По последней срочной мере режим Пака, может быть, выдумает какие-то предлоги по поводу выезда Ким Дэ Чжуна за пределы страны. Режим Пака отчаянно пытается не отпустить его, которого держал ценой огромных жертв.

Говорят, что на этот счет он уже достиг согласованности с лидерами лжеоппозиции, играющими

роль агентов правящей партии. Потому что они тоже стараются изо всех сил предотвратить замену Пак Чжон Хи Ким Дэ Чжуном после свержения первого.

Тем более удивительно, что некоторые японские политические деятели высказывают мнения, что дело осложнится в случае выезда Ким Дэ Чжуна за пределы Южной Кореи. Может быть, они озабочены по поводу выборов в палату советников, которые состоятся летом нынешнего года. Говорят, что разговоры японского правительства о Ким Дэ Чжуне через дипломатический канал являются всего лишь политической жестикуляцией или шаблонным заявлением. Если к тому же посмотреть тенденцию монополистических кругов Японии, то нетрудно понять, что в Японии поднимают шумиху против Ким Дэ Чжуна, даже привлекая к этому американцев. Это значит, что если больше не годится Пак Чжон Хи, то по крайней мере надо выставить кого-нибудь из его лагеря. Распространяются слухи, что премьер Танака сказал Ким Чжон Пхиру про Ким Дэ Чжуна, что «непонятно, почему политический деятель намеревается поехать заграницу», хотя и неизвестно, почему правительство пустило такие слухи. Япония протягивает свои руки даже и к политической сфере Южной Кореи, чтобы защищать там свои экономические права и интересы.

Такая действительность ныне требует от народных масс Южной Кореи подняться на борьбу. Поэтому столь большую сенсацию вызвал, например, «литературный вечер, посвященный сопротивлению Японии», который состоялся 28 декабря. На этом вечере ораторы призвали: «Немедленно превратить кровавое сопротивление наших старших в нашу борьбу». Как только зачитаны следующие стихи, пишет газета, «волна восторга сплачивала воедино публику и ораторов».

Земля должна быть наполнена
ликованием и смехом.
А почему ты переполнена
плачем обездоленной жизни...

Разве поэт бросил кисть и стал глухим?
Разве оратор закрыл свои глаза и рот?

На улице должен нестись вдаль до горной вершины веселый марш,
толпы, потеряв свои колонны,
толкаются и мечутся.

Скрылся ли знаменосец под тенью беспечности?
Спит ли трубач полуденным сном?

Это анонимное стихотворение написано в 1935 году. Но описанное в стихах тогдашнее время напоминает настоящее время. В «национальной школе» опорами являются молодые люди, развертывающие «национальное движение». Были арестованы активные участники этого движения Чан Чжун Ха и Пэк Ги Ван. Правительство боится того, что вследствие срочных мер теперешнее петиционное движение за пересмотр конституции переходит к антияпонскому движению. Все же оно не может открыто заявить, что оно будет обуздать антияпонское движение. На этом вечере присутствовали свыше 1000 человек, которыми был до отказа переполнен актовый зал на 200 мест в Тэсонском высотном здании. Как Япония смотрит на антияпонские настроения, которые постепенно углубляются среди южнокорейского населения? Может быть, она думает, что все благополучно, так как Пак Чжон Хи подавляет народ штыками.

В такой обстановке сообщалось, что согласно срочным мерам будет контролироваться даже деятельность специальных корреспондентов иностранных государств, аккредитованных в Южной Корее. Эта мера направлена на то, чтобы остановить деятельность японских газет, которые до сих пор занимались информацией взамен южнокорейских. До сих пор сообщение японских газет немедленно распространялось в Южной Корее. Поэтому студенты-демонстранты проявили больше интереса к японским газетам, чем южнокорейским. При опубликовании заявления, направленного против нынешнего режима, приглашение местных корреспондентов было лишь протокольным, а важное значение придавалось приглашению иностранных корреспондентов. Я думал, что это хорошо. Именно поэтому режим Пака старался остановить зарубежную информацию, особенно японскую.

По тем и другим слухам в Сеуле, американская газета, например, «Нью-Йорк таймс» поместила заметку относительно действительности Южной Кореи, где в такой напряженной обстановке люди арестовываются и подвергаются страданиям. Но утверждают, что японские газеты сообщили только то, что было опубликовано южнокорейским правительством. Говорят, что японские газеты ведут себя скверно. Японские газеты хранят молчание по вине проюжнокорейских политиканов Японии и финансовых кругов, а также из-за сотрудничества режима Пака. Японские газеты, пожалуй, добровольно сотрудничают с ними. Таким образом среди нас снова нарастает чувство разочарования и презрения в отношении деятелей культуры Японии. Отдают ли себе отчет интеллигенты и журналисты Японии в комплексе наших таких ощущений? Если нет, то история трагедий, создаваемая Японией в Азии, никогда не

будет кончена. Здешние народные массы, особенно студентов больше всех, радуют крики, «приветствующие» премьера Танака в Юго-Восточной Азии. А как думают о них японские друзья?

Правительство все чаще употребляет слова «мартовский кризис». Этим оно хочет создать предлог для применения жесткой политики. В эти дни правительство вдруг начинало заявлять об активном проведении политики в интересах масс. С беседой президента на тему «облегчать бремя слоев населения с меньшими доходами» объявлены «срочные меры №3 по стабилизации жизни». Отменен налог жителей. Налогообложение за роскошную квартиру поднялось максимум до 860 %. Относительно месячного дохода 50 тысяч южнокорейских вон отменен налог. Крайне обескураженный народными выступлениями режим Пака вынужден был оказывать такое милосердие, но сумеет ли он смирить чувства народа против него? Многие думают, что слишком уж поздно для этого. Для сохранения режима чересчур много выпускается новых мер без глубокого учета. Это показывает слабость правительства, клонящегося к упадку.

Правительство заискивает перед народом, прося только сохранить режим, что бы ни случилось. Народ желает через посредство диалога с честными силами заменить режим и положить конец неспокойной и удушливой эпохе. Если это возможно, то по подобным мерам, диктуемым «милосердием», естественно, можно обсудить в ходе диалога с народом. Но режим Пака отказывается сделать это. Народ думает, что подобным недобросовестным деянием власть не может прикрыть свое подлинное нутро. Кризис будет еще более усугубляться.

И в сегодняшнем номере газеты опубликовано оказываемое правительством милосердие: — «оно

приступило к расследованию аморальных предпринимателей» или «не будет повышать цены на удобрения». Но сегодня утром молниеносно сообщалось о заявлении, под которым поставили свою подпись 30 молодых пасторов. В своем заявлении они потребовали «отмены срочных мер» и «восстановления демократической системы». Говорили, что их увезли в ЦРУ, но неизвестно, что дальше случилось. В газетах ничего не будет сообщено об этом. Нет сомнения, что, поступая так, они готовы были получить 15-летнее заключение согласно срочным мерам.

Надо обращаться к миру и богу с призывом: «На этой земле началась справедливая борьба за правое дело тех, кто готов на бесчисленные жертвы». Пусть этот призыв остается пустым и гаснет в далеком ясном небе.

ДУША ЖДЕТ БУРЬ

Мне хотелось бы начать с декларации, зачитанной священниками христианской церкви 17 января. Они потребовали отмены срочных мер от 8 января, издевающихся над народом, потребовали свободы обсуждения пересмотра конституции и отмены реформированной системы. Было арестовано 11 человек, а впоследствии 5 из них были освобождены из-за того, что они, видимо, покаялись в своих поступках. Пожалуй, они сдались пыткам.

Когда была опубликована декларация, присутствовали 5 священников. Они хотели, чтобы в этой стране процветали свобода и демократия за счет их жертв, бросились в огонь с надеждой на то, что их поступки станут искрой борьбы и будет расширяться

демократическое сопротивление. Без жертв никогда не наступит буря революции. Это была позиция мученика.

Были увезены в ЦРУ и те, кто не ставил свою подпись под декларацией, и те, кто находился там. Всем им досталось. Увезли в ЦРУ и корреспондентов газет, которые потом прибежали на место происшествия. Журналистам запрещено показываться на таком месте. Они с трудом освободились, дав клятвенное обещание в письменном виде не заниматься в дальнейшем собиранием подобных материалов.

Среди 11 арестованных был и тот, кто должен жениться в феврале месяце. Он участвовал в собрании, не слушая уговоров товарищей. Среди них был и пастор, у которого на следующий день приходился день рождения. Зная, что он не может спокойно отметить день своего рождения, накануне обнародования декларации он купил печенье и заранее вместе с семьей отметил день рождения. Затем он молился вместе с семьей, с которой неизвестно когда встретиться снова. Он, может быть, плакал, думая, как тяжело быть честным пастором в нынешней обстановке Южной Кореи. Затем он, пожалуй, молил бога защищать семью.

Эти пасторы до сих пор проповедовали главным образом для бедняков и рабочих. Они просили своих коллег продолжать их работу.

Среди них был и пастор. Он не раз строил церковь в трущобе, но ее снесли власти под предлогом неполучения разрешения. Напоследок жители трущоб поднялись на борьбу, выступили с протестом против снесения церкви, говоря, что она служит для них местом, отдыха, спасения души и больницей. Итак они продолжали молитву в дощатой церкви под строгим надзором полиции. И пастор, кажется, ощущал предел своей работы под деспотизмом по-

добно тому, как пасторы, проникавшие в гущу рабочих масс, столкнулись с препятствием под насилием ЦРУ и официозного профсоюза. Таким образом была опубликована декларация, которая произвела впечатление взорвавшейся бомбы. Это явно была большая сенсация.

Большинство профсоюзов Южной Кореи стало официозным. Сплачивались воедино профсоюзы, правительство и предприниматели, особенно ЦРУ. Оппозиция сразу арестовывается под предлогом «красной». Участники рабочего движения протестантской и католической церквей еле продолжают свою работу, чтобы к себе не наклеивались ярлыки красных. Их движение подвергается постоянным репрессиям при ужасных условиях труда. В иностранных предприятиях запрещается даже организовать профсоюз. В промышленном районе японских предприятий было решено организовать подпольный профсоюз. Студентки, действовавшие вместе с работницами, из-за доноса чуть ли не были арестованы. Они накануне скрылись. Говорят, что они просят помощи на явке.

Частично были разрушены официозные профсоюзные организатии. Например, на камвольной компании Хангук (находится в районе Ендынпхо города Сеула, работают 300 мужчин и 1200 женщин) был выгнан начальник филиала официозного профсоюза. В таком случае в отношении нового начальника филиала применяется крайнее насилие. И при таких условиях продолжается борьба рабочих. Давайте приведем некоторые места из заявления, опубликованного на днях (5 января) Советом по вопросам труда протестантской и католической церквей:

Примеры: Начальник филиала профсоюза камвольной компании Хангук Чи Дон Чжин (32

года) подвергался групповым побоям со стороны директора компании и других лиц. В связи с этим инцидентом 18 марта 1971 года управляющий фабрикой при Ханенской текстильной компании, подкупив террористскую группу, заставил ее колоть отверткой Ким Чжин Су (23 года), в результате последний был убит. Но пока еще не задержаны директор Ханенской текстильной компании и управляющий ее фабрикой. Возник инцидент избиения руководителей профсоюзов на Юримском коммерческом обществе и промышленной компании Тхэгван (ныне Квандинская текстильная компания) (по медицинскому осмотру требуется трехнедельное лечение). Репрессировали создание профсоюза (на Юримском коммерческом обществе уволнено 5 руководящих работников профсоюза, а на промышленной компании Тхэгван — 32 человек). Сейчас Квандинская текстильная компания с целью дезорганизации профсоюза распространяет слухи, что закроет компанию, вызывая среди рабочих тревогу. Возник инцидент группового побоя японцами-предпринимателями южнокорейских трудящихся в Масанской свободной экспортной зоне, кондукторы автобусов подвергались обыску и побоям. После обыска они вынуждены были пешком возвратиться домой, пройдя 15 километров, так как у них отняли даже деньги на автобус. Наряду с подобными актами нарушения человеческих прав на предприятиях американцев учащается косвенный произвол, возникающий вследствие ослабления зрения и различных глазных заболеваний работниц. По этому поводу настоящий Совет постановил:

1. Правительство должно нести полную от-

ветственность за ту обстановку, при которой предприниматели чинят произвол над рабочими, устранить образ прошловекового феодального мышления предпринимателей и установить порядок демократического конституционного правления с целью поправить подобный порядок.

2. Федерация профсоюзов Южной Кореи и Всенациональный текстильный профсоюз, если они не сумеют обеспечить основные права рабочих, пусть распустятся немедленно и приносят извинения перед 4-миллионными трудящимися и всем народом за то, что они превратились во второй аппарат эксплуатации трудящихся.

3. Обеспечить рабочим право и свободу, прекратить всяческие поступки, нарушающие их, немедленно устранить противоречия общественных установок.

4. Наши католическая и христианская церкви в дальнейшем будут предпринимать конкретные шаги по вопросу нарушения человеческих прав, возникающему в обществе труда, прилагать все усилия к установлению справедливого промышленного общества путем мобилизации всяких потенциалов.

Эта организация поддерживает честные силы рабочих. Из-за этого она часто сталкивается с руководящими работниками официозных профсоюзов, действующими по указке ЦРУ. 21 января на страницах газет появилось опровержение Федерации профсоюзов Южной Кореи, этой официозной профсоюзной организации. Оно начинается так:

Строго предупреждая о посягательствах по-

забывших свой долг некоторых верующих на профсоюзную организацию, Федерация выражает перед страной и миром свою решимость сорвать, мобилизовав свою организацию, их безрассудные действия, если они не прекратятся. Из следующей части явствует подлинное намерение этой федерации. В ней говорится:

Мы требуем от несознательных некоторых верующих серьезной самокритики за то, что они, проникая в нашу профсоюзную организацию и подстрекая честных рабочих, запутывают направления здорового рабочего движения, вызывают раскол организации и конфликты между рабочими и предпринимателями. Мы, мобилизуя все силы своей организации, покараем их, если они до конца продолжат подобные акты. Это мы предупреждаем именем 600 тысяч рабочих всех наших организаций всей страны.

Итак и здесь продолжается борьба между волками и овцами. Хотя овцы дрожат в страхе и требуют свободы от страха. Но мы надеемся на то, что где-то таится совесть нации. Давайте приведем помещенные в одном из последних номеров газеты стихи «Молчаливая молитва» (18 января). Народные массы выражают им сочувствие, хотя автор применяет аллегорический прием и пишет мягкотелым, нежным тоном.

О, ты, боже мой,
ниспошли нам теплый дождь!
Озари землю радостью возрождения!

Среди зимней ночи
мы оказались без крова.
Дрожим мы от холода,

в одних рубашках.
Но как нам быть!
На холодном полу мы дрожим,
холод пронизывает тело.
Как нам быть, как быть!
Нам даже негде спать,
без одеяла нет защиты от ветра.
Как быть нам, заболевшим неизлечимым недугом?
Угас даже тлеющий уголек в эту длинную ночь,
остались мы одни.
Как нам быть!
Спаси нас, боже мой!
Как нам быть, как быть!

Пожалуй, сейчас могут говорить только поэты. Режим Пака пока не придирается к аллегории. Но в нынешние времена лишь сопротивление приносит нации славу. Мы могли читать такую «славу среди народных масс» в диалогах молодых, помещенных в одной газете 30 декабря 1973 года, когда все было спокойно. Это был диалог между студентом юридического факультета Сеульского университета и студенткой Лихваского женского университета. Эти вузы наиболее сильно противились режиму Пака. Их диалог начался так:

Студент — В последнее время наши студенты говорят, что они будут делать предложение первой встречной студентке Е на улице сопротивления (EWHA значит Лихва. — **Ред.**). Растет число таких студентов. Действительно, мы считали студенток вроде как «животными, отказавшимися мыслить». Если спрашивают загадку: «Что это?», то они обычно, не задумываясь,

отвечают: «Не знаем». Если учесть это, студенты «устали от размышлений».

Студентка — Я не вполне согласна с вами. Но, по моему удивлению, те простые жалкие студентки, которые гуляли, слушая модную песенку, сплотились воедино и молились всю ночь, а затем выступали до здания городского муниципалитета. Это показывает, что они обычно были молчаливы, но в душе «все думают об одном и том же вопросе».

Сейчас только те, кто сопротивляется режиму Пака, могут пользоваться уважением народных масс и жить вместе с ними. Можно сказать, что в такой обстановке нарастает гнев народных масс, которые ждут только момента взрыва. В Сеульском университете собирают студентов для дополнительных занятий. Среди них царит грозное молчание. Это, наоборот, раздражает правительство. Поэтому оно усиливает контроль над студентами, в то же время подряд предоставляет им привилегии. Сообщают, что вводятся выпускные государственные экзамены в виде «системы защиты диссертации». Оно предоставляет отличникам и привилегию на досрочное окончание вуза. Студенты считают неприятным поведение режима Пака, который на все готов ради сохранения власти. Это откровенные отклики студентов. Разве это не режим, умудренный более чем 12-летним опытом? Разве это не политика одного правителя? Все выражается в словах: «уже надоели».

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

— Февраль 1974 года —

С каждым днем все больше страдают товарищи. А правительство встревоженно прибегает ко всем средствам, чтобы привлечь на свою сторону антиправительственные лица. В ход пускаются все способы: угроза, арест, пытка, домашний арест, подслушивание. В течение с 8 января по 6 февраля Управлением охраны общественного порядка или Центральным разведуправлением примерно на 3 — 4 дня задержаны: 8 человек, в том числе и председатель студенческого общества Сеульского университета, организатор прошлогодней демонстрации, 14 председателей студенческих обществ вузов Сеула, в том числе и председатель общего студенческого общества университета Енсе, и 5 выпускников-ветеранов студенческого движения. Они подвергались допросу по поводу студенческой демонстрации 2 октября: кто стоит за спиной ее организаторов, каковы настроения студентов после демонстрации, каковы организация и финансы ?

Увезенные обязаны высказать свои мнения насчет реформированной системы, срочных мер от 8 января и реформированной конституции. И они обязаны давать присягу — дальше не заниматься никакой политической деятельностью и оставлять письменное обязательство — принимать любые наказания в случае развертывания новой политической деятельности. К этому, как правило, прилагается клятва их родителей и руководителей-преподавателей нести общую ответственность за них. После

освобождения их местожительство ограничивается их собственной квартирой, за каждым закрепляется три сыщика для надзора. Студентам из периферии, участвовавшим в студенческом движении, запрещается въезд в Сеул.

Подобный способ контроля без исключения применяется и для религиозной организации и видных деятелей. Возможна поездка людей из периферии в Сеул для участия в демонстрации, и потому усиливается контроль и на периферии. 20 января трое студентов медицинского факультета Сеульского университета настаивали на пересмотре реформированной конституции и выступили с заявлением против срочных мер от 8 января. По этому поводу они были задержаны и обвинены. Студентам вузов строго запрещается посещение родной повышенной средней школы, где они учились, так как правительство боится распространения антиправительственного движения среди ее учащихся. В Управлении охраны общественного порядка учрежден новый «5-й отдел», который специально занимается вопросами учебных заведений. Прибавлю следующий доклад по вопросу студентов:

> Репрессии над инициаторами и руководителями-студентами демонстрации совершаются через их родителей и родственников. Например, в случае, когда их родители или родственники — должностные лица, руководители данных учреждений прямо угрожают им наказанием, а в случае, когда они — сотрудники компании, директора или другие руководящие работники компании репрессируют их. В случае преподавателей нажим на них оказывается через начальника комитета по образованию или старшего инспектора Министерства просвещения. Вот

каков способ надзора за поступками студентов.

Был увезен в Управление охраны общественного порядка редактор какого-то еженедельника христианства, и он там два дня подвергался жестоким пыткам. Причиной было печатание в журнале карикатуры. Карикатура изображала: отец спрашивает сына: «Почему ты не знаешь волю народа?..» Сын отвечает: «Если ты знаешь волю нашего народа, то прошу скорее дать мне теплую комнату». Во время пыток палачи положили на стол яблоки и воду и не дали их редактору, все издевались над ним. После двух-трехнедельного стационарного лечения он явился в редакцию. Его левая нога была загипсирована, он опирался на костыли. По-видимому, смертельными были его головная рана и перелом костей ноги. Этим была возмущена церковь, а сторона Управления охраны общественного порядка принесла извинение, но тайком обрадовалась бы, думая: «Пожалуй, теперь церковь дрожит от страха». На вопрос о том, «не намеревается ли правительство подорвать церковь изнутри», некий священник ответил следующее:

«Оно пытается расколоть церковь. Для этого оно всегда думает использовать тех, которых можно подкупить деньгами. Но мы заявили, что мы лишь становимся более боевыми, если оно поступает так. Тогда правительство находится в нерешительности. Такие типы, притаившиеся внутри церкви, в этот раз колеблются так поступать, ибо их пугают последствия. Тем не менее группировка, настаивающая на созыве в Южной Корее всемирного христианского конгресса „Вспышка — 74“ летом нынешнего года, растрачивает деньги, источник которых весьма сомнителен. Организатор этого конгресса, священник по

фамилии Ким неизменно поддерживал Пака, пусть последний ревизует конституцию для трехкратного президентства, пусть он проводит мошеннические выборы, пусть он, взяв в руки законодательную, исполнительную и судебную власть с помощью чрезвычайного положения, старается навсегда оставаться у власти, пусть он принимает срочные меры от 8 января. Говоря, что правление — это не наше дело, он разглагольствует, что-де нужно уважать политический авторитет, или, мол, нельзя бороться с коммунизмом, если не нынешний режим. Он твердит, что христианское вероисповедание не должно быть причастным к политике, но он сам пачкает свою честь в горячке политики. Против этого выступают все религиозные организации, он пропагандирует иностранным государствам, что, мол, ихний план получает полную поддержку всех религиозных организаций, всех христианских организаций Южной Кореи. По этому плану предусматривается организациия „шествия — Иисус" на шумной улице перед центральным правительственным зданием в эти дни, когда запрещается коллективное действие хотя бы двух или трех человек на улице. Эта шумная игра лишь дискредитирует христианство. Составители этого плана, гордясь перед иностранцами свободой вероисповедания при режиме Пака, пытаются расколоть христианскую организацию изнутри и дискредитировать ее. Но такой план обречен на полный провал».

Через несколько дней я встретился с неким интеллигентом, который до этого был увезен в ЦРУ. Это он поставил свою подпись под заявлением с требованием ревизии конституции. Он говорил мне, что Центральное разведуправление прежде всего допрашивало его по поводу связи с Чан Чжун Ха, находящимся в тюрьме. Затем оно оказывало нажим

на него, добиваясь того, чтобы тот написал ему присягу со следующим содержанием:

1. В дальнейшем вовсе отказываюсь от всякого высказывания политического характера и не веду политическую деятельность;

2. Я хочу, чтобы мои слова и действия не использовались коммунистами Севера, и воздерживаюсь от таких поступков;

3. Больше не интересуюсь кампанией за ревизию конституции и стараюсь не быть причастным к ней;

4. Признаю срочные меры президента от 8 января неизбежными;

5. Поддерживаю октябрьскую реформу.

В общем увезенных в ЦРУ принуждают к присяге с подобным содержанием, хотя и с небольшой разницей. Если не признаешь этого, то останешься задержанным на неопределенный срок. Тот приятель, с которым я встретился, говорил мне, что он признал первые четыре пункта и поставил подпись под ними, но выступал против пятого пункта. Он остро испытывал угрызения совести за их признание, особенно признание четвертого пункта. Но он не забыл прибавить следующие слова:

«Все же я нахожусь почти в состоянии домашнего ареста. Хотя я и сказал так перед ЦРУ в нынешних условиях Южной Кореи, но снова начну прежнюю работу, если наступит время, чтобы искупить свою вину».

Все те, кто поставил свою подпись под заявлением о ревизии конституции, без исключения говорят, что подвергались тщательному допросу по поводу связи с Чан Чжун Ха. Чан пользовался уважением как честный журналист, как борец-патриот с перио-

да японского господства. В этот раз он настоятельно требовал изменения конституции. Его утверждение нашло поддержку у народа. Тот неутомимо боролся за достижение своей цели и без колебания пошел в тюрьму. Он отличается от многих других, которые поставили подпись. Они, поддавшись давлению, отказывались от своих прежних утверждений, говоря, что не будут заниматься таким делом. Они беспокоятся за свои проступки, с горечью думая: «Я не могу. Я не могу быть патриотом. Я гонюсь за личным благополучием».

В чрезвычайном военном трибунале он сказал:

«Я намерен вести движение за ревизию конституции в любом месте, а если это невозможно на воле, то лучше бы оставаться в тюрьме».

Исследователь Ким Гу (президента временного правительства корейцев-эмигрантов, находившегося в Китае в период японского владычества. — **Ред.**) молодой участник антияпонского движения Пэк Ги Ван тоже действовал вместе с ним. Вот что он говорил:

«С наступлением весны растаивает лед и возвращаются ласточки с юга. Тогда я буду садиться в вашем кресле, а вы (судья), сидя на этой скамье, где я сейчас сижу, будете осужденными, как я».

Кроме семьи обвиняемого запрещается присутствовать на судебном процессе. Слушая через приятелей о судебном процессе, мы все ощущали, словно наши сердца разрываются на части. В последнее время Чан харкал кровью два раза. Он когда-то болел циррозом печени. А сейчас, говорят, болеет спиной. Но запрещена передача лекарств. Пожалуй, он, окидывая мышленным взором пройденную им поистине многострадальную жизнь, молится с ожиданием смерти. Ему нужна какая-то срочная

помощь.

Не считает ли сейчас Пак Чжон Хи почти всех людей страны врагами или красными? Он не верит даже военным, которых сам считал преданными ему. Он объявил осадное положение и устраивает военный суд, но он не стягивает войска. Потому что он боится свержения своего режима своими «преданными» солдатами. До каких пор, может быть, продлится осадное положение без военных? Говорят, что Пак Чжон Хи применяет всякие способы в отношении учащихся, которые должны будут заниматься учебой с наступлением весны.

Но сопротивление народных масс ведется втихомолку в различных формах.

И в феврале месяце сообщалось о своего рода небольшом сопротивлении литератора. В 19-ом конкурсе на «современную литературу» для новичков-литераторов Ли Чжэ Ха был избран лауреатом премии в области прозы, но он отказался от премии. В литературном мире Южной Кореи не было такого случая. О причине отказа от премии он говорил: «Обычно я думал, что премия за литературные произведения в Южной Корее порой выдается несправедливо, и меня терзают страдания, которым подвергаются литераторы в последнее время». Пожалуй, поднятый вокруг литературной премии шум воздействовал и на самого писателя, начавшего творческую работу как поэта, прибегающего к чисто сюрреалистическому приему творчества. Нет, на него больше всего воздействовало сочувствие и гнев, вызванные вследствие «страданий, которым подвергаются литераторы в последнее время».

Нет слов, что это относится к 5 арестованным старшим и коллегам-писателям и критикам. Говорят, что они разоблачены 26 января, что они попали в руки находящихся в Японии агентов Севера и за-

нимались шпионажем. Этому никто не верит. Один из арестованных, прозаик Ли Хо Чхоль поставил свою подпись под декларацией интеллигентов о текущем моменте в ноябре месяце. 7 января литераторы в числе 61 человек сделали заявление с требованием ревизии конституции и восстановления демократического порядка, а они были организаторами этой кампании. После обнародования срочных мер от 8 января они приняли серьезную позицию, поэтому режим Пака намеревался заранее устранить свое завтрашнее горе, изображая их деятельность как шпионаж.

7 февраля к 10 — 15 годам тюрьмы и лишению прав с тем же сроком были приговорены 6 служителей культа по делу нарушения срочных мер. Такие суровые приговоры вынесены только из-за упоминания слов о реставрации демократической системы. Говорят, что это более жестокие приговоры, чем были в период господства японского империализма. По такому делу были бы приговорены самое большее к 5 — 6 месяцам тюрьмы и во времена японского владычества. Кто именно так правит нашими соотечественниками? «Нельзя считать Пак Чжон Хи нормальным человеком» — говорил один приятель и продолжал: «Про него ходит слух. Он вырос под кровом строгих брата и его жены. Он хотел сопротивляться их чрезмерной строгости, проявляя зловредный характер. С такой натурой он поступил в казенное педагогическое училище, но он не довольствовался учительством и поэтому поступил в Маньчжурское военное училище. Иногда страдание взращивает в людях благородный дух, но во многом случае оно делает человека таким мерзким. С той зловредной натурой Пак Чжон Хи после освобождения страны мечтал стать коммунистом, но сразу изменил товарищам. Не достиг ли сейчас апогея

комплекс его ощущений? Такому типу поручена судьба нации, и все охвачены тревогой». Вот что сказал приятель и сам вздохнул.

Действительно чрезвычайный военный трибунал — это свистопляска марионеток. Это был день, когда должен был быть вынесен приговор 6 священникам. Председатель суда задавал им вопрос: «Почему в условиях чрезвычайного положения занимались не миссионерской, а политической деятельностью?» Некий Ким по фамилии, проповедник, занимавшийся миссионерской деятельностью в трущобе, наоборот, переспросил:

«Почему вы, военные, в обстановке чрезвычайного положения судите гражданское население в таком помещении, отрываясь от работы по государственной обороне? К тому же на улице сотни молодых и жители трущобы полны были решимости осадить суд. Заперта дверь суда. Арестовали одного священника, обвиняя его в мобилизации народных масс. Жена проповедника Кима за сутки подвергалась допросу в ЦРУ за то, что она дала интервью иностранному корреспонденту. Публикуем отрывок из решения суда, помещенного в газете:

> В целях защищать большинство честных служителей культа, ведущих настоящую религиозную жизнь, суд не может не наказать подсудимых служителей культа, которые призваны впереди других соблюдать реформированную конституцию, утвержденную по общей воле народа, носителей власти, но нарушили порядок конституционного правления... отходя от своей первоначальной миссии, ввели в заблуждение общественное мнение.

Пятеро священников были наказаны только за

упоминание о восстановлении демократии. Я взял в руки вечерний выпуск газеты от 8 числа, где помещено сообщение о результате этого суда, проведенного 7 февраля, встретился с одним иностранным корреспондентом. Глядя в мое угрюмое лицо, он сказал, что, прибыв на этот раз в Сеул, он удивился тем, что сверх ожидания высок боевой дух людей. По его словам, он возрастал более, чем в период до обнародования срочных мер от 8 января. Я тоже сказал ему, что, встретив весть о результате чрезвычайного военного суда, я был восхищен видом осуждаемых смельчаков. Пожалуй, они поступают так потому, что никто из них не думает, что продлится режим Пака 15 лет, хотя и приговорены они к 15 годам тюрьмы, но им дороже любовь к Родине, стремление добиться процветания демократии ценой жизни. В подлинном смысле слова судятся именно те судьи, приспешники режима Пака со звездами на плечах.

Тот иностранный корреспондент говорил, что ему показалась странной последняя встреча с чиновниками и верхушкой правящей партии. По его словам, они единодушно повторяли те же слова правительства и в то же время серьезным тоном подтвердили, что сами-то они не думают так и их позиция иная. Это был их уклончивый ответ. И премьер Ким Чжон Пхир, говорил корреспондент, показался переутомленным, а по его лицу пробежала судорога. Корреспондент, наоборот, утешал меня, говоря, что скоро весна. Он как спец. корреспондент, аккредитованный в Токио, питает привязанность и уважение к людям Южной Кореи. Он рассказывал такой эпизод:

«Это было, когда я собирался встретиться с неким господином. Я назвал его имя, а тут водитель такси любезно позвонил и уточнил его местонахождение. Некий господин — символ сопротивления.

Вот почему народные массы уважают его и возлагают надежду на такого иностранного корреспондента, как я. Есть ли такое чувство у японского водителя такси?»

Затем он встревоженно сказал, в каком состоянии находится Ким Дэ Чжун в последнее время. Не охватила ли его слишком большая душевная тревога? По мнению корреспондента Киму стоило бы побольше действовать, пока находятся товарищи в тюрьме. Поэтому я говорил о том, как люди уважают господина Чан Чжун Ха и других, которые томятся в тюрьме. Когда человек становится мучеником в ходе противоборства с властями, он является народным героем в Южной Корее. Сейчас Центральное разведывательное управление распространяет лживую пропаганду о том, что на высадочном пункте на пути следования после похищения Ким Дэ Чжун получил медицинскую помощь от врача, а тогда ему впрыснули морфий. Когда я говорил так, тот собеседник-корреспондент высказывал свое мнение, что так не может быть, судя по тому факту, что впоследствии Ким Дэ Чжун столь ясно рассказал о пережитом им. И добавил он, что последнему, возможно, нанесена душевная рана в теперешней жизни.

На следующий день я встретился с приятелями, которые больше меня заинтересованы в нынешней политике. Большинство из них высказывали мнения, что высок дух Ким Дэ Чжуна, но ему надо держать себя более серьезно. Сейчас ему самому важно противостоять режиму Пака и сохранять свою позицию, приведя его в раздражение — таковы были их мнения. Они также делились мнениями, что за рубежом должны предприниматься усилия, чтобы он мог подышать свежим воздухом за пределами Южной Кореи. По нашей вине может порождаться мученик, чего нам не избежать. Но мы должны прилагать

усилия, чтобы Ким Дэ Чжун один не стал героем мученической трагедии, не имея сил для сопротивления. Сейчас мы не должны быть сентиментальными по отношению к нему. Мы пришли к выводу, что необходимо с прозорливостью всматриваться в нутро режима Пака и наиболее политически и реально думать о положении вещей. Мы не должны потерять его на полпути боя.

КРОВАВЫЙ ДЕНЬ

В Сеуле развертывается кампания за амнистию, а участники ее всегда попадают под арест, шумно устраиваемый ЦРУ. Газетные карикатуристы также не исключение. Итак в ходе борьбы выбились из сил и противники, и наша сторона. Кажется, это факт. В такой обстановке ободряющие слова, доносящиеся из-за границы, дают нам утешение. Пользуясь случаем, выражаем проживающим в западногерманском городе Кёльн Пэ Дон Ину и Цой Сун Тхэку признательность за то, что они от имени организации движения за амнистию прислали брошюру «Во имя свободы народа Южной Кореи». В своей 26-страничной брошюре они настоятельно требовали пересмотра конституции, политического нейтралитета армии, уважения основных прав народа, обеспечения человеческих прав и призвали вести совместную борьбу. Отсюда ясно, что мы, люди Южной Кореи отнюдь не изолированы. Просим и впредь оказывать нам поддержку и солидарность.

В эти дни я думаю, что поэт — это действительно хорошая профессия. Поэты пишут метафорическими приемами дифирамбы о свободе (на днях

очень много стихотворений страстно призывает к свободе). Эти дифирамбы пока печатаются в газетах, не затрагивая настроения режима Пака, и звучат в сердцах народных масс. В эпилоге стихов «Мемориальная запись», помещенных в вчерашней газете, пишется:

Мне страшна та ночь,
когда ты не вернешься.
Мне страшна та земля,
куда ты не вернешься.
Я сам страшен на земле,
где я живу, куда ты не вернешься.
Но я никогда не забуду.
О, всегда помни,
свободу, мою любовь,
которую называем своим именем.

Теперь надо бы рассказать об аресте студентов университета Енсе и их приговоре. Сначала доложу о тексте решения суда:

> В настоящий момент, когда требуется сохранение права нации на существование и безотказное достижение наивысшей государственной цели — стабилизация, процветание и мирное объединение, студенты должны увлекаться учебой на основе последовательного государственного воззрения. Несмотря на это, они забыли свою миссию, нарушили срочные меры, заразившись бесполезной иностранной идеологией и ссылаясь на участие в действительности. Можно сказать, что подобные поступки этих обвиняемых намеренно воспрепятствовали усилению организованности государственных сил. Следовательно они должны быть строго наказаны во

имя великого дела и не заслуживают великодушия ради личной пользы.

Итак они приговорены к 5 — 10 годам тюрьмы. Причина-то была такая — когда начались дополнительные занятия, эти студенты думали, что невозможно продолжать занятия в таких обстоятельствах, и воздержались от них большинством голосов за это мнение. В начале были арестованы свыше 100 человек, почти все студенты стоматологического факультета университета Енсе. Из них только упрямцев власти предали суду. Нет никакого расследования. После ареста не более чем за неделю справляются с арестованными. Заседание суда завершается только требованием прокурором наказания и вынесением приговора. Нет судебного следствия. Чем скорее военные занимают вражеские позиции или громят противника, тем лучше. Вроде так получается. Мера наказания заранее установлена — суд лишь украшение. Режиму Пака хорошо, если только будет эффект для угрозы.

Но есть еще другой вопрос в связи с суровым и беспочвенным приговором в отношении этих студентов. Объявлено так: «военный трибунал вынес приговоры 7 студентам университета Енсе», но есть молва, что на суде присутствовали только 6 человек. Куда попал один человек? С другой стороны, по весьма достоверным сообщениям, через неделю после ареста некоего студента университета Енсе доставлен его труп в дом. Арестовывают на месте студентов, которые, пожалуй, начнут действовать с наступлением весны, а не является ли тот самый жестоко убитый студентом, получившим заочный суд? Сейчас члены его семьи находятся под домашним арестом. Полиция поставила круглосуточное наблюдение за ними. Говорят, что он единственный сын в

этой семье, но родители, лишившись его, не имеют даже свободы плакать. Есть слухи, что он умерщвлен электрическими пытками, но режим Пака решил объяснить его смерть сердечным параличем. Но до каких пор может длиться такой строгий приказ? Передал это мой приятель и добавил:

«Может быть, неумышленно убили его или он умер из-за чересчур жестоких пыток. Может быть, ЦРУ подобно делу профессора юридического института при Сеульском университете Цоя, именно таким образом умышленно убило и профессора, и студента. Оно старается внушить страх народу, чтобы утихомирить его. ЦРУ — это не новички, которые неуклюже убивают людей».

Как это страшно! Южная Корея трепещет из-за этих умалишенных, этих палачей. А кто именно говорит, что надо уважать правительство, поскольку оно свое правительство? Кто именно считает его правительством, стремящимся к демократии? Я с жгучим гневом не могу не сочувствовать родителям убитого студента. Режим Пака несомненно свалится, и непременно наступит весна. Но они будут причитать: «Что за новое демократическое государство, а ведь любимый сын-то умер». Если они увидят светлые и сияющие лица парней после возрождения демократического государства, то они все громче заплачут. Не таковыми ли были обстоятельства после 19 апреля 1960 года? О, боже мой, нет ли выхода из этой трагедии?

В заключение сегодняшней корреспонденции я хочу описать еще один факт. Вчера сообщалось: «Артиллерийский обстрел северокорейской стороной южнокорейских рыболовных судов в открытых водах Западного моря. Один корабль потонул, а другой выведен из строя. В этом сомневаются многие интеллигенты. Потому, говорят, что столкновение с

Севером — это высшее желание режима Пака. Вообще режим Пака приветствовал события мирового значения ради продления своего существования. Он преувеличивал факт для пропаганды о кризисе с Севером, подавлял население и нажимал на верхушку военщины. Поэтому возникновение какого-то инцидента с Севером — это для режима Пака самый последний способ для его сохранения. В настоящее время правительство повсюду устраивает многолюдный митинг в знак осуждения «произвола Севера». Этим оно пытается отвлечь внимание населения, создать напряженность в стране, создать реформированную систему, скорее единоличный деспотизм. Почему вопрос Севера и Юга Кореи идет только по пути реакции после опубликования Совместного заявления Севера и Юга 4 июля? Просто отвратительно. Я хочу, чтобы никакая страна и никто в мире дальше не втянулись в злодеяния обреченного на гибель режима Пака. А также прошу по мере возможности оказывать поддержку одинокой, но гордой борьбе южнокорейского населения за завоевание демократического общества ценой жизни.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ

— Март 1974 года —

2 марта чрезвычайный военный трибунал вынес приговоры Чан Чжун Ха и Пэк Ги Вану соответственно к 15 годам и 10 месяцам и 12 годам тюремного заключения, а 7 студентам университета Енсе — к 5 — 7 годам тюрьмы. С другой стороны общий военный трибунал вынес приговоры 3 студен-

там мединститута при Сеульском университете к 7 — 10 годам тюрьмы. К Чан Чжун Ха прибавилось наказание по обвинению за нарушение закона о выборах президента. Говорят, что в этом сказывался и личный гнев президента Пака против него. Так как он прямо на месте подвергал президента Пака нападкам и выступал против «реформированной системы». Он когда-то служил секретарем президента временного правительства корейцев-эмигрантов в Чунцине Ким Гу. А затем, будучи издателем ежемесячного журнала «Сасанге», он критиковал Ли Сын Мана, за что получил премию Магсайсая. Раз он был арестован и заключен в тюрьму за то, что он осуждал Пак Чжон Хи как «главаря головорезов».

За исключением Чана, меры наказания Пэка и студентов университета Енсе немного облегчились, нежели в суде первой инстанции. Срок тюремного заключения Пэка уменьшился от 15 лет до 12 лет. Но 15 и 12 — это разница лишь в цифрах, а по существу нет никакой разницы. Потому что все открыто говорят, что пробудешь в тюрьме максимум года три, и дело с концом. А на самом деле в душе думают, что скоро наступит их победа. Они хорошо знают, что немедленно отпустят их, если они в крайнем случае заявляют о поддержке Пак Чжон Хи. В конце концов, это всего лишь фарс.

Режим Пака даже не намерен созвать парламент. Ему нужно как-нибудь перескочить через опасные апрель и май, а все остальное ни к чему. Поэтому министры почти ежедневно проводят закулисные переговоры. Жители Сеула думают, что первый акт фарса «Похищение Севером рыболовных судов» — своего рода продукт их продуманной тактики. Конечно, до сих пор были подобные случаи, но в этот раз режим Пака устраивает в масштабе страны мас-

совые митинги, поднимая чрезмерно шумную кампанию. При этом он лезет из кожи вон, чтобы мобилизовать даже христианство, которое считает он настроенным против реформированной системы. Вместе с тем он всячески пытается оторвать от народных масс христианские церкви, подпольные группы и студентов.

Вот очередная тактика, принятая режимом Пака. В этом, может быть, есть своя причина.

Это случилось к концу прошлого года во время демонстрации студенток н-ского женского института. Примерно 500 студенток, объявляя голодовку, запрудили актовый зал. Они приступили к сидячей борьбе. В случае, если это было бы во время борьбы против южнокорейско-японских переговоров в 1964 году, то родители учащихся толпой направились бы в учебное заведение, чтобы, беспокоясь о них, уговаривать их и увезти домой. Но в этот раз не явились почти все их родители. Это, кажется, потому, что они не только одобряют действие своих детей, но и возлагают на них какую-то надежду.

Какой это жалкий народ, который молится и надеется только на деятельность учащихся под деспотизмом, при котором лишь за распространение слухов люди приговариваются к 15 годам тюрьмы! В Южной Корее новый учебный год начинается с марта месяца, занятия постепенно начинаются с середины марта. Как история может вписать в свою страницу деяния бессильных людей, которые, вглядываясь в этот период, вверяют судьбы родины этим молодым учащимся? Люди многих стран мира, интересующиеся нашей страной, наверно, таким же взором следят за ходом развития в ней.

Говорят, что командование гарнизона столицы усиливает подготовку для подавления демонстрации. Продолжаются аресты и пытки в отношении студен-

тов. Не прекращаются рассказы о том, что «сломан позвоночный столб», «ушиблись ноги». Насилие лишь еще более усиливает молчание народных масс. Ради существования нет иного пути, кроме как подчиняться насилию, и многие сами испытывают отвращение к своей подлости. Поэтому некий приятель говорил так:

«Поднимается винный налог, но многие пьют. Даже сильно пьяные, они не говорят о политике, словно совсем замерзли».

Поэтому можно сказать, что нынешний год — необычайный год. Ни в чем невинные люди так страдают, а деспот взмахивает мечом. Так не перевернется ли мир вверх дном? В такое время люди Южной Кореи часто говорят, что «и небо не будет безучастным». Возникает одно бедствие за другим, каких до сих пор не было. Вот февраль месяц, а на дворе 10 градусов мороза и много снега. Говорят, такого явления не было после 1925 года. Очень больно на душе, когда думаешь о товарищах, которые страдают в тюрьме. Некий товарищ, явившийся в зал суда, очень похудел и лицо его было бледным. Казалось, что он вот-вот свалится на землю. Не портит ли его здоровье взрыв накопленного в нем гнева? Подлец судит честного человека, предатель преследует патриота. Мы же думали, чтобы такого не было на независимой родине...

Но молодые хорошо терпят. В тюрьму брошена одна студентка. ЦРУ заявляет, что отпустит ее, если ее родители дадут гарантию, что она никогда не участвует в политических делах, а та отказывается от этого, говоря, что не может мириться с такой сделкой с совестью. Иных молодых арестовало ЦРУ за то, что у них были вырезки иностранных газет.

Есть такая молва. Увезенные в ЦРУ студенты протестовали против ЦРУ, выражая свою решимо-

сть ценой жизни бороться против него, если оно грубо обратится со студентками. Поэтому Центральное разведуправление вынуждено было мягко обращаться со студентками. Говорят, между студенткой и ЦРУ завязался такой диалог:

«Скажи, что ты поддерживаешь всецело президента Пака!»

«Кто такой Пак?» Переспросила студентка.

Видимо, она не могла терпеть. У нее сердце разрывается от досады. Таковы чувства у людей Южной Кореи. Поэтому их язык всегда носит политический характер. В простых словах таится политический смысл. Можно сказать, что все литературные произведения изобличают действительность. Некий писатель пишет, что один известный ученый переселился в США. Признанный и в США, он с большой надеждой возвращается на родину, в Южную Корею, но, не вытерпев всякие невзгоды на родине, он опять уезжает в Америку. При отъезде он говорит, что снова вернется, если улучшатся условия жизни. Тут писатель хотел говорить, что надо жить в муках, а не в успокоенном обществе. Может быть, не заслуживает любви та родина, где деспотизм делает людей окровавленными и обрушивает на интеллигентов шквал репрессий. Но все же ее надо любить. Писатель хочет кричать, что нельзя же одному тебе найти удобный приют, когда родина хиреет и мечется. Поэтому он пишет, что скорее такую родину нельзя не любить. Тут литература должна молиться за освобождение. Язык художника обладает глубоким политическим символизмом. Так было и при японцах. Поэтому тогдашний символизм и поныне применяется во многом. Это давнишняя традиция этой нации.

Умные отправляются на суд,

Умные направляются на кладбище.
Выросшие девушки становятся проститутками,
Силачи, что могут перенести тяжелый груз,
Отправляются на трудовую повинность.
Вдали на востоке брезжит рассвет.
Сумасшедшие проснулись ото сна.

Это один из куплетов народной песни «Ариран тхарен», распространенной при господстве японского империализма. Вот какова действительность освобожденной Южной Кореи. Но люди верят в рассвет. Поэтому «сумасшедшие» приговариваются к 15 годам тюрьмы из-за случайной оговорки. И в мучениях люди верят в победу. Эта вера сильно звучит с глубоким символическим выражением в каждом слове людей, порой даже в болтовне пьяниц.

В нынешнем году мы отметили 55-ю годовщину со дня движения за независимость 1 марта 1919 года. В этот день президент Пак, касаясь инцидента похищения рыболовных судов на западном побережье, снова «торжественно» «предупредил», что не простит, если повторится «провокация». Затем он подчеркнул: нельзя превращать в дух сопротивления Первомартовский дух, проявленный ради возрождения родины, а надо превратить его в дух строительства и созидания, чтобы активно содействовать нынешнему развитию страны и внести вклад в это дело». Поработители Южной Кореи, все без исключения, боятся «Первого марта». Они запрещают даже массовые торжества по случаю «Первомартовского дня». В этот раз многие известные деятели запланировали оглашать антияпонскую декларацию по случаю этого дня. План провалился. Ибо одетые в черные кожанки сотрудники ЦРУ окружили назначенное место — парк Пагода, где в прошлом зачитали Декларацию о независимости Первого марта.

ЗРЕЛОСТЬ

Томительно и лениво наступает весна. Пока холодно. Необычный такой холод. В учебных заведениях начались занятия, но вокруг царит грозное молчание. Режим Пака намеревается принять самые крупные меры, но пока неизвестно, что это. Есть слухи, что учебные заведения покрыты сетью агентов, подкупленных деньгами. Но такие мероприятия ни к чему, если назреет время революции. Президент Пак, по-видимому, также сильно страдает неврастенией. Пожалуй, он не может успокоиться, если он не восхваляет реформированную систему и не проповедует о подчинении, где бы он ни был. В выпускной церемонии Сеульского университета 26 февраля он полностью обнажил свою встревоженность. Тут он распространялся о «реформированной системе», неловко «восхваляя самого себя», и наконец даже говорил так:

> «Мне говорили, что в последнее время все падает успеваемость выпускников вузов нашей страны и что главная причина этого кроется в ненормальном проведении лекций... Если есть такие выпускники, которые под предлогом участия в действительности уклонились от добросовестных занятий и зря провели ценные студенческие годы демонстрацией, то сегодняшний выпускной акт должен стать поворотным моментом».

Свыше 2000 выпускников должны были сдержи-

вать скорбное чувство, безмолвно слушая подобные наставления президента. Этот президент прибрал к своим рукам даже право свободно справляться со всеми государственными делами и народом, то есть право «убивать или оставлять в живых». Так обстоит дело с Южной Кореей. Но я ощущал что-то ценное в словах одной работницы, чего не услышишь у правителей. Ниже я перепишу полный текст анонимного письма этой работницы, отправленного в адрес редакции газеты:

«Я работница текстильной компании в Кванчжу, получаю 12 тысяч с лишним южнокорейских вон в месяц. Новоназначенный заместитель директора компании не дает нам покоя, нам надоело работать. Просто меня берет злоба. Он заменил начальников отделений и секций, надзирателей на местах подлецами. По прибытии на место назначения он сразу заставил работниц ежедневно носить белые спортивные тапочки вместо рабочих тапочек на рабочих местах, насыщенных маслом, пылью и сыростью. Говорят, что это делается, чтобы прививать работницам трудолюбие. У них всегда не хватает сна, а тут еще прибавили лишние хлопоты. Он грубо обращается с работницами, сыпает проклятиями, держа нас в тревоге. В случае малейшей оплошности работниц на работе он засыпает их невероятными бранными словами. Может быть, взорвется негодование работниц против него. Сняли подручных с работы, поэтому нам приходится явиться на работу на час раньше, чтобы убирать. Конечно, не дают надбавки. Мы выходим на работу в 5 часов утра и убираем после работы за час, получаем воспитание за час. Я как смазчица раньше обслуживала

30 — 40 станков, а сейчас заставили меня брать 100, угрожая, пусть уходит, если это не нравится. Нет ли таких людей, которые могли бы заботиться о 3000 бессильных работницах и рабочих нашей компании?

Кажется, это Южная Корея в миниатюре. В последнее время правительство вроде опасается того, не угрожает ли сохранению властей проблема рабочих, особенно проблема рабочих, занятых на японских предприятиях. Поэтому Управление труда произвело обследование по масанскому свободному экспортному району и опубликовало промежуточный доклад об этом. Газета сообщила под заголовком: «Ужасные условия труда на предприятиях иностранцев». Конечно, речь идет о японских предприятиях в Масане.

«Говорят, что почти 40 рабочих ежедневно посещают больницу из-за «бедствий в области промышленности — сотрясения, шума, ядовитого газа, свинцовой пыли, освещения, лучистого тепла, сырости и др.». Только за февраль месяц свыше 1000 человек лечились в больнице. Среди японских предприятий есть такие, где не обеспечиваются теплоизоляционные спецовки и тапочки рабочим, обращающимся с горячим металлом, превышающим 400 градусов по Цельсию. Поэтому рабочие выражают надежду, чтобы скорее прибыла из Японии группа по обследованию загрязнения атмосферы или профсоюз Японии принял соответствующие меры».

Везде ли так? Когда-то американская газета «Нью-Йорк таймс» писала, что мрачны перспективы капиталовложения США и Японии в Южную Корею. Она также сообщила, что, например, Япония прекратила даже строительство гостиницы и другие планы. По словам приятеля-американца, аме-

риканцы-предприниматели в Южной Корее, прочитав это сообщение, рассердились. Пожалуй, они беспокоились об ухудшении отношений с режимом Пака. Любой предприниматель стремится выкачать максимум прибылей и набить себе карман, что бы ни случилось с южнокорейцами. Видно, что это общее явление. Насилие предпринимательства, сговорившись с деспотизмом режима Пака, подавляет население Южной Кореи, а когда же разорвется эта мощная цепь?

Как надо жить в подобной обстановке? Хотя делается осторожно обвинение со стороны народных масс, но оно продолжается. Некий писатель писал о редакции газеты, которая насильственно положила под сукно заметку. Чтобы обвинять нынешнее состояние печати, он использовал фикцию. В условиях строгого контроля газета разоблачила неряшливую работу правительства по поднятию солончаков. Газета пишет, что колосальные финансы и труд крестьян лопнули как мыльный пузырь из-за срыва работы по поднятию земель в 4314 тысяч пхен в 36 районах только на побережье Южного моря. Говорят, что из поднятых земельных угодий есть такие солончаки, которые снова превратились в море из-за того, что волнорез был неустойчивым или не ремонтирован. Крестьяне слезятся при виде превращающихся в море земельных угодий или хиреющего из-за сольной воды риса. Правительство, ведя таким способом поднятие новых земель, разглагольствует о движении за новое селение и даже заявило о поднятии бассейна реки Рактонган путем ассигнования 91,5 млрд. южнокорейских вон. Народ не может скрывать свое сомнение на этот счет. По этому поводу один корреспондент писал:

«Для освоения бассейна реки Рактонган требуется 54,2 млрд. южнокорейских вон в виде иност-

ранного капитала. Это намного превышает внутренний капитал. Так же обстоит дело с движением за новое селение. Разрабатывают план строительства. Только тогда можно заполучить деньги у иностранцев. Что дальше будет, это их не касается. Не знаю, куда пропали деньги, приобретенные из Японии под видом движения за новое селение. Но проверить нет метода. Потому что вынуждены молчать под насилием властей».

Как можно жить в подобной действительности? Для искренних людей этот вопрос означает спросить, как терпеть пытки со стороны ЦРУ, полиции, командования гарнизона столицы. Однажды этот вопрос действительно стал серьезной темой дискуссии среди молодых людей. Говорят, что некий христианин, подвергаясь пыткам, вытерпел боль, повторяя молитву самого Иисуса. Другой человек говорил, что во время пыток не надо сильно сопротивляться, а показать вид, будто он вот-вот падает или впадет в обморок. Есть и такие мнения, что лучше ломать руку, подняв ее, когда палкой бьют. Я от смущения не мог больше сидеть на месте. Все выдумывают «тактику противоборства» с деспотизмом.

Когда я вышел на улицу, остро ощутил, как Сеул тихо засыпает под ночным небом, с мерцанием звезд. На дне скрываются такие муки, а на вид Южная Корея так спокойна. Да скоро там наступит прекрасная весна. Весна еще больше засияет — зима была слишком долгая.

ДВИЖЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

— Апрель 1974 года —

И сегодня приходится писать о скорбной вести. У меня нет охоты взяться за перо, но это моя обязанность. Я утешаю себя, что это тоже своего рода сопротивление, и пересиливаю душевную боль.

Страной управляют военные, и может быть, поэтому в Южной Корее жители всегда оказываются застигнутыми врасплох внезапным налетом. 4 апреля я встаю утром, и передо мной лежит газета. Мне бросаются в глаза зловещие жирные шрифты, какими печатаются обычно экстренный выпуск или объявление. Такие заголовки: «Студенческая демонстрация. Суровое наказание вплоть до смертной казни», «За демонстрацию вузы будут закрыты». Под заголовками: «Вскрытие антигосударственной подпольной организации, неопровержимое доказательство», «За спиной стоят коммунисты, попытка ввести в заблуждение общественное мнение», дана пространная беседа президента Пака. Вся газета выглядела угрожающе. Особенно неистовствовала правительственная газета «Сеул синмун». Продольно стоит заголовок: «Студенты-демонстранты приговорены от 5 лет тюремного заключения до смертной казни», а рядом горизонтально виден броский заголовок: «Первая подпольная организация единого фронта с целью объединения страны путем ее большевизации, полное запрещение дея-

тельности, связанной с Общенациональной демократической федерацией учащейся молодежи». А беседа представителя Чхонвадэ озаглавлена: «Попытки совершения пролетарской революции».

В своей беседе президент недвусмысленно определил нынешнее студенческое движение движением красных. «Учитывая появление признаков незаконной деятельности ранней стадии единого фронта с целью объединения страны путем большевизации, которую в эти дни, как правило, развертывают коммунисты в том или ином уголке нашего общества...» — говорил он. Про осеннее студенческое движение прошлого года они так не говорили. Значит, во мнениях правительства произошла резкая перемена. За сплетню—15 лет тюремного заключения. В такой обстановке, естественно, всякое движение уходит в подполье. Конечно, и осеннее движение прошлого года прорвалось из-под подполья. Оно не работало открыто и свободно. Но его рассматривали как «безрассудные поступки», «поступки, угрожающие охране государственной безопасности», а о нынешнем движении говорят, что его начала «подпольная организация, стремящаяся к объединению страны путем большевизации». Это значит, что фашизм употребляет более грубые выражения для самосохранения.

Что случилось 3-го числа? Почему ночью того дня вдруг издали суматошные срочные меры №4? О сути дела ни слова, а только шумят об уничтожении попыток «народной революции». Следственные органы всегда придумывают просто невероятное преступление, чтобы репрессировать и арестовать людей, критикующих правительство. И часто бывают случаи, когда они сами заходят в тупик, так как, оказывается, их обвинение слишком далеко от истины. Поэтому народ не верит сообщению следствен-

ных органов. А на этот раз к такому приему прибегает правительство, особенно сам президент. Это говорит о том, что они пришли в крайнее замешательство. Режим Пака категорически заявляет, что это «власть против режима Пака», то есть «народная революция». Критиковать режим Пака — это попытка свергнуть саму Корейскую республику. Они всегда угрожают этому несчастному народу словами «красный» или «Север». И применяют этот способ для подавления народа, но это уж слишком. Подавляющее большинство населения не верят таким россказням.

Что такое Общенациональная демократическая федерация учащейся молодежи? Чем она занималась и с каким манифестом выступила? На эти вопросы я получил ответ через 2 — 3 дня. Прежде всего я достал текст этого манифеста. Он озаглавлен: «Манифест народных масс, нации и демократии», написан с высоким пафосом и логично. Он начинается так:

> Светает новый день победы в борьбе за народные права. Массы задыхались в страхе и эксплуатации, недостатке и нищите, а теперь, разорвав цепи отчаяния и насилия, снова вышли на улицы.

В конце манифеста дана резолюция из шести пунктов:

> 1. Исправить коррупцию и экономическую политику, проводимую для обогащения своры привилегированных лиц, немедленно казнить главаря коррупции и привилегии.
> 2. Резко снизить налоги жителей города и обеспечить прожиточный минимум трудящимся

массам, что является основой народного хозяйства.

3. Отменить различные драконовские законы о труде и обеспечить свободу рабочего движения.

4. Немедленно освободить всех патриотов, заключенных в тюрьму согласно чрезвычайному положению и срочным мерам от 8 января, отменить реформированную систему и установить подлинную демократическую систему.

5. Немедленно распустить ЦРУ — источник всей разведывательно-деспотической политики.

6. Ликвидировать антинациональную экономику, опирающуюся на внешние силы, и установить самостоятельную экономическую систему.

Манифест в общем изложен в решительном тоне, но по сравнению с манифестом, опубликованным прошлой осенью, он написан сдержанно и хладнокровно. В конце манифеста пишется: «Мы перед историей и нацией торжественно заявляем, что будем бороться до последнего, до последнего вздоха за осуществление наших требований». Это очень напоминает Декларацию о независимости I марта 1919 года. Думаю, что авторы манифеста, называя его «Манифестом народных масс, нации и демократии», несомненно имели в виду национальную декларацию во время первомартовского движения. Это дает нам возможность понять, как участники движения воспринимают действительность или историю.

Спрашивается, где этот манифест пахнет единым фронтом для «народной революции»? В манифесте излагается то, о чем ныне думают и мечтают в душе почти все жители Южной Кореи, за исклю-

чением горстки власть имущих. Он проникнут только патриотизмом пламенным и вполне созревшим.

Студент, который принес мне текст манифеста, тоже скрывается от властей. «Если кто-то мешает им разбойничать, то они его называют „красным“. Это их излюбленный метод» — настаивал он.

Молодой человек рассказывал мне, как все это было, и добавил:

«Власть Пака с прошлого года еще более усиливает разведывательную организацию и репрессии, приводят, бросают все больше людей в тюрьму и пытает. И она уверена в том, что приняты безупречные меры для охраны власти. Но это провалилось. Народ способен подняться под любым давлением. Это сильно обескуражило ее. Особенно в этот раз выступления были довольно организованными. Поэтому-то власть Пака, без оглядки, пренебрегая реакцией международной общественности, кричала, что это дело рук красных, что это народная революция, что она накажет виновников смертной казнью. Это говорит о том, что у Пак Чжон Хи помрачнение ума. Впредь она будет все больше прибегать к таким крайним мерам».

Студент говорил об организованности этого выступления. Я попытаюсь подкрепить его слова еще некоторыми доводами. В середине марта пламя сперва вспыхнуло в богословском институте Южной Кореи. Ниже приведу начало заявления богословского института Южной Кореи, опубликованного от имени студенческого общества.

> Сейчас, в этот момент в принужденном молчании наши любимые два братья, Пак Сан Хи и Пак Чжу Хван, ждут приговора на суде. В этой напряженной обстановке мы, коллектив богос-

ловского института Южной Кореи, прежде чем осудить ошибочный политический порядок, считаем нужным известить власти о нашей решимости и требованиях, преисполненные чувства соболезнования нашим братьям, которые подвергаются бесчеловечным истязаниям.

Эти два студента были арестованы за то, что когда 27 января были схвачены 11 служителей культа, они письменно осведомили об этом церкви и верующих всей страны и призвали их бороться за их освобождение. Это был призыв минимальной человеческой морали и совести, проявление товарищества по религии.

Заявление подписано всеми 190 студентами богословского института Южной Кореи. Они потребовали у властей ответить не позднее второй половины дня 18 марта. В конце заявления они поклялись, что в случае неудовлетворения их требований они не отступят от «веры, что смерть — это жизнь», несмотря ни на какие «угрозу и предостережение», «будут молиться богу, чтобы они могли показать пример как ученики Иисуса, не жалеющие своей жизни ради ближнего». Из восьми человек, которые попытались письменно известить все церкви в стране о пасторах, которые брошены в тюрьму за опубликование заявления в знак протеста против срочных мер от 8 января, два были студенты богословского института. Из-за этого заявления арестованы еще семь студентов, а председатель студенческого общества скрылся.

В центре тлел огонь, на периферии уже разгоралось пламя. В первую очередь пламя возгоралось в университете Кенбук в Тэгу провинции Северный Кенсан. В провинции Северный Кенсан родился Пак Чжон Хи, и она называется оплотом сил Пака. Ког-

да здесь поднимается пламя, Пак Чжон Хи выходит из себя и дрожит от страха. Была разбросана «демократическая декларация за спасение родины, против диктаторства» в количестве около 5000 листовок. Декларация начинается весьма эмоционально: «В горах и на полях пришла весна, растаял лед. Но почему наше южнокорейское общество так крепко сковано льдом и не хочет растаять?» Но она резче и обстоятельнее, чем другие декларации, обвиняет власть Пака и Японию. Эта декларация, опубликованная от имени комитета борьбы за демократию и спасение родины против диктаторства в университете Кенбук, заканчивается следующими словами:

> «Мы будем бороться до конца, пока не будут удовлетворены наши требования. Мы предлагаем образовать всегосударственную организацию борьбы демократических студентов и общенациональную объединенную организацию борьбы».

Впоследствии правительство, видимо, решило, что этот призыв и явился предвестником «так называемой общенациональной демократической федерации учащейся молодежи». Пламя этого движения сразу перекинулось на Ченнамский университет в Кванчжу провинции Южный Чолла. Распространяясь на север, это пламя 29 марта добралось до католического университета Соган. 12 студентов, в том числе 3 студентки, предъявили декларацию дирекции университета и примерно 300 студентов устроили демонстрацию. Это была первая студенческая демонстрация после принятия срочных мер от 8 января. Приведу начало декларации университета Соган:

«Достоинство человека зависит от устройства общества. Свобода и равенство — это основной принцип общественной жизни. Поэтому свобода и равенство является основным правом человека и единственным средством реализации правды и справедливости. Наши предки в прошлом в революции первого марта, а недавно в революции 19 апреля хотели объявить свободу и демократию основным правом народа. Это им обошлось дорого. Однако сегодня правительство под предлогом так называемой реформы подавляет свободу и право всех простых людей и всеми средствами держит население в страхе для продления своей власти».

И резолюция почти не отличается от других. Она тоже выражает сокровенные чаяния народа. В ней пишется:

Отменить реформированную конституцию. Ликвидировать компрадорский капитал. Освободить заключенных студентов. Обеспечить свободу слова. Обеспечить экономическую равномерность. Снять срочные меры.

Крайне настороженное правительство продолжало предварительные аресты. Говорят, что режим Пака старается пытками заставить арестованных молодых людей признать себя шпионами Севера или даже сознаться, что они занимались изготовлением оружия. Многие студенты, особенно студенческие вожаки, заключены были в горе Намсан, где находится ЦРУ. По словам человека, который заглянул туда 1 апреля, в одной камере, съежившись, сидели свыше 30 молодых людей. 1 апреля вихрем поднялись даже учащиеся повышенных школ, в том числе

повышенной школы Кенги, но они сразу были подавлены.

И наконец настало 3 апреля. Пламя вспыхнуло среди 500 студентов медицинского института Сеульского университета. 100 студентов института гуманитарных и естественных наук, распространяя декларацию, выкрикивали лозунги против Пака. К ним присоединились 400 студентов университета Сонгюнгван. Как передают, это было всеобщее восстание. Устраивалась демонстрация или распространялась декларация и в университете Корё, и в Сеульском женском университете, и в методистском духовном училище и в университете Менчжи. Кричали: «Долой фашистский диктаторский режим!». Зачитали и распространили «Манифест народных масс, нации и демократии». Были и чисто напечатанные на машинке экземпляры и накатанные как попало на гектографе. В некоторых экземплярах только указан: «апрель» без числа. Видимо, еще не решили, когда начать действие.

В коммерческий институт Сеульского университета ворвались полицейские наряды и нападали на готовившихся к демонстрации студентов. Потекла кровь из голов нескольких человек. Пошел форменный погром. Во всех университетах расквартировались большие контингенты военных и полицейских. У входных ворот университетов тщательно проверяли каждого проходящего. Начались массовые аресты. Говорят, что арестовано свыше 300 студентов. Но больше студентов скрывается.

3-го днем возле речки Чхонгечхон собралось свыше 40 студенток женского университета Лихва. Место людное, давка, и это, пожалуй, привлекло их сюда. Здесь кто-то попытался положить на себя руку, но подробности не известны. Студенток женского университета Лихва увели в полицейский участок,

но потом выпустили. В конце «Манифеста народных масс, нации и демократии» дается «руководство к действию»:

> Все учащиеся и жители города Сеула сегодня в два часа дня собираются на площади перед зданием городского муниципалитета и на перекрестке пятого квартала Чхонгечхона.

Когда настало назначенное время, площадь перед зданием городского муниципалитета пикетировало несколько тысяч человек. То были не полные решимости молодые люди, а полицейские, сотрудники ЦРУ, налетчики, бойцы армии местной обороны, которые скрежещут зубами и свирепо сверкают глазами. Они прикрывались в вооруженных транспортерах. Появилось человек 10 студенток женского университета Лихва. Они несколько раз проходили взявшись под руку перед зданием городского муниципалитета, но скоро исчезли.

Крупная демонстрация на площади перед зданием городского муниципалитета дала осечку. Всеобщее выступление с охватом 10 университетов и 3 повышенных школ на этом закончилось. И потянулись тяжелые дни мести при помощи насилия. Говорят, что правительство превратило это движение в «коммунистическое» и под видом охоты за красными чинят жестокие пытки. Беседовавший со мной молодой человек в заключение сказал следующее:

«Общенациональная демократическая федерация учащейся молодежи — это временное название, которое мы придумали для манифеста. Нет такой постоянной организации. Правда, в дни апрельской революции связывались друг с другом, чтобы что-то предпринять. Для студентов христианства это страстная неделя, то есть неделя страсти господи и

предшествует пасхе. Апрель — это желанный месяц. Мы не надеялись на удачу в такой суровой обстановке. Но как бы обстановка ни была жестока, нам хотелось показать, что живы справедливость и совесть, которые когда-нибудь непременно покончат с насилием. Вот как было дело, а сам Пак Чжон Хи вопит, что это дело рук антигосударственной подпольной организации, имеющей целью добиться объединения страны путем большевизации и совершить народную революцию по указке Севера, утверждая, что у него в руках неопровержимое доказательство о наличии такой организации. Интересно, как они поправят дела, занимаясь такой ложью, сквозной брехней, в какие никто не верит».

Ныне правительство да и сам Пак Чжон Хи с пеной у рта разъясняют и оправдывают срочные меры №4. президента, дающие полномочия вынести даже смертный приговор и закрыть учебные заведения. При первой возможности Пак подчеркивает законность и целесообразность этих мер. На объединенном заседании правительства и правящей партии 4 апреля Пак сказал следующее:

> «До сих пор я в частном или неофициальном порядке слушал от многих учителей и руководителей учебных заведений, что уже давно в учебные заведения проникают коммунистические элементы... И, может быть, находятся люди, которые ошибочно рассматривают так называемые срочные меры №4 как меры, вызванные общим положением в учебных заведениях, но люди, которые знают о так называемой стратегии единого фронта коммунистов после освобождения 15 августа, сразу поняли бы, что такие взгляды совсем беспочвенные, что эти меры не продукт галлюцинации».

Затем он читал длинную тираду насчет стратегии единого фронта коммунистов. Люди с усмешкой думают, что он хорошо осведомлен по этой части, потому что он сам был когда-то красным, а потом выродился. А 6-го числа он дал наказ в адрес армии местной обороны: «Беспорядок и раскол — это влечет за собой агрессию с Севера. В таком случае расправлюсь с вами». Но этим он не успокоился, пригласил в Чхонвадэ 30 человек представителей армии местной обороны и сказал: «Коммунисты в Северной Корее только и ждут шанса, чтобы совершить вооруженную провокацию. Так как правительство повторяло эти слова, то некоторые люди относятся к этому как к нечто привычному», и подчеркнул: «Вы должны быть предупреждены насчет этого».

Пытаясь запугивать народ, он сказал: «Идет шакал». Но он стал сомневаться в эффективности своей лжи. Может, он верит в практицизм о том, что «Сто раз лги — верят»? И 10-го числа в своей речи на выпускной церемонии военного училища военно-морских сил он говорил, что Север все откровеннее обнажает свое вожделение на вооруженную агрессию», поэтому «необходимо иметь мощную боевую силу, способную одним ударом сразить противника, если он совершит вооруженное нападение». Это уже пахнет порохом войны.

Когда слушаешь радио, просто становится скверно на душе. «Радио для Севера» с иронией говорит, что это впрямь ребячество создать подпольную организацию для того, чтобы совершить «народную революцию». Само собой, это скорее обращено к армии и населению Юга, чем к Северу.

ТЕРЗАЕМАЯ СОВЕСТЬ

Люди считают, что не в характере президента Пака отступить от своего деспотического режима. К чему приведет дальнейшее усиление политики устрашения? Никто не думает, что можно сохранить такое положение путем вынесения приговора сотням молодых людей 10 и 15 лет тюремного заключения и угрозой смертной казни. Употребляет слишком много сильно действующего средства. Пак Чжон Хи еще больше обнажит симптомы мании предубеждения. И болезнь правящих кругов еще прогрессирует.

США предостерегают режим Пака от того, что он изображает дело, будто вот-вот разразиться война между Югом и Севером. Пак ничем не брезгует, чтобы удержаться у власти. Если он сочтет нужным, затеет и конфликт с Севером. Тогда как поступит Север? Нельзя же ожидать благонамеренной сдержанности у обоих сторон. Пак Чжон Хи только занят управлением страной и укреплением власти, как будто не замечает, что происходит в мире.

В такое время совесть народа страдает, а честные люди прониклись бы мученическими чувствами. И в период японского господства, когда не было никакой возможности вернуть родину, эмигрировавшие участники движения за независимость прониклись суровой решимостью «умереть». И на этой почве рождался террор, рождалось самоубийство. Если в Южной Корее массовое движение действительно не найдет себе выхода, то останутся только две возможности — террор и мученичество. И правитель-

ство нервничает по этому поводу. В нынешней демонстрации студенты не надеялись на легкую удачу. Для успеха надо, чтобы мобилизованные войска перешли на сторону народных масс, порвавши с правительством, как это было во время восстания 19 апреля. Власть Пака всячески избегает вовлечения войск, только наращивает маневренные отряды для подавления демонстраций, модернизирует их оружие и боеспособность. Если армия не примет участия в революции, то, пожалуй, сопротивление неизбежно носит террористский характер. Можно сказать, что и партизанский прием достиг своего предела.

3 апреля в женском университете Лихва во время богослужения показывали кино. Воспользовавшись темнотой, раздавали декларацию. Когда зажегся свет, хотели читать ее, но запретили. Подобного рода партизанский прием применялся и 1-го апреля в университете Енсе. Это случилось на собрании для новеньких. Поднявшись на трибуну, один студент начал читать декларацию. Сидевшие рядом хотели остановить его, но он, вытащив нож, грозил зарезаться. Осажденный со всех сторон, он в конце концов вынужден был остановить свое чтение. Тогда он было ударил ножом себе в грудь, но нож отскочил в сторону и ранил руку. Увели его с брызгающей из ран кровью. Не знаю, как лучше выразить — то ли это переход от партизанского приема к мученическому, то ли сочетание их обоих, но как-то у меня такое ощущение, что мы все глубже вступаем в чудовищное время.

Южнокорейский посол в США Хам, который хотя и выдает себя за христианина, но все время клевещет на христианство, в эти дни в спешке стал объяснять высокопоставленным лицам администрации Никсона США насчет страшного решения власти

Пака, кризиса между Югом и Севером и причины существования режима Пака. Он подчеркивает, что нынешнее сопротивление масс вызвано по наущению кучки «недовольных» и «коммунистических элементов», в особенности критически настроенные люди из христианства подбадриваются сочувствием со стороны США и их церкви. И он открыто говорит, что власть Пака была снисходительна к пастору Пак Хен Гю в прошлом году (инцидент с распространением антиправительственных листовок во время пасхальной службы в апреле 1973 года) и к студентам, арестованным во время демонстрации прошлой осенью, но теперь она такой снисходительности проявить не может. То есть, он категорически заявляет, что власть Пака больше не сделает такой уступки, так как народные массы приняли эту уступку за ее слабость.

Американец, поведавший это моему другу, наверное, хотел предостеречь христиан в Южной Корее. На это мой друг только ответил: «Поэтому, говорят, время мученичества». Может быть, теперь христианство, так же как во время японского господства, выберет путь мученичества. Конечно, надо полагать, что этой дорогой пойдут немногие люди. Но они получили бы искреннюю поддержку со стороны многих людей, у которых не хватило бы смелости решиться на это. Мы уже вступаем в такие времена. Говорят, среди томящихся в тюрьмах людей абсолютное большинство составляют христиане. Поэтому -то нельзя ставить знак равенства между «антиправительственным» и «красным». В таком случае правительство отделывается оговоркой, что-де тот или иной оказался «бессознательным сочувствующим».

И в день Первомартовского движения за независимость все другие массовые митинги провалились, но юбилейный молебен верующей молодежи сос-

тоялся. Представителей верующей молодежи увели в полицию. А с другой стороны правительством был навязан объединенный молебен, осуждающий Север. Кто-то сокрушался, что в столетней истории церкви в Корее первый раз вижу казенный молебен, хотя о казенной демонстрации слыхал. Но церкви в знак протеста почти не раздали своим прихожанам «пригласительные билеты», которые им всучило ЦРУ, изображая из себя доброжелательного помощника. В эти дни пасторы и христиане часто подвергаются домашнему обыску или прогоняются с работы. Конечно, есть и такие группы людей, которые пользуются особым покровительством, как группа «вспышка — 74». Эта свора намеревается в августе нынешнего года открыть в Сеуле конгресс, именуемый «Вспышкой святого духа». Уже назначен в качестве советника этого конгресса нынешний председатель парламента, который прежде был премьер-министром. В годы корейской войны он как начальник генштаба сухопутных войск нажил себе дурную репутацию как шулер и вызвал скандал. В 1970 году стряслось загадочное событие — убийство женщины Чон Ин Сук, «чародейки Южной Кореи». Бывший тогда премьер-министром, он взбаломутил мир, почему-то заявив, что ребенок этой женщины — это его ребенок. Слывший как мужчина ветреного поведения, он, взяв всю ответственность на себя, просил у народа прошения. Разумеется, и ныне он является опорой для режима Пака. Рассказавший это мне один христианин, обращаясь к японским христианам, сказал следующее:

«Говорят, что на этот конгресс приезжают честные христиане и из Японии и из США. Мол, хотя церковь в Южной Корее так страдает, но власть Па ка не мешала богослужению. Она безразлична к тем, кто попал в тюрьму за политическую деятельность,

нацеленную к восстановлению демократии. Ведь власть Пака помогает церкви.

Ходят слухи, что обширный земельный участок по особой протекции предоставило правительство Ким Чжун Гону под его клуб для „вспышки — 74“ и в строительстве этого 12-этажного здания оказало ему помощь».

«Пастор Ким говорит, что у южнокорейского правительства есть и плохая сторона, и хорошая. Он говорит, что нехорошо превратить религию в политику. Критиковать неправильную политику, сопротивляться попиранию совести — это, по его мнению, не религиозно. Он, наверно, закрывает глаза на ветхий завет, который полон рассказами о религии, дошедшей до политического сопротивления».

Я не могу забыть полный гнева рассказ этого христианина. Будь это былое время, господин Ким, наверно, восхвалил бы господство Японии или режим Гитлера, говоря, что у того или другого есть «и плохое и хорошее». Действительно, в то время было немало таких христиан. Немногие люди боролись против погрома евреев Гитлером и навязывания Японией посещения храма. Но ведь был правилен тот путь, по которому шло это меньшинство. Сегодня честные христиане США и Японии одобряют «милостивую власть Пака, дарящую свободу вероисповедания», намереваются оказывать ей косвенную помощь в ее попытке внести раскол в церковь. И Гитлер и японские правители тоже были милостивыми начальствами, которые не мешали в службе «нерелигиозным людям», которые веровали в придуманную ими религию... Говоривший это мой друг — христианин тоже человек времен мученичества, идущий по пути одиночества и религии? В заключение он тихим голосом говорил:

«Я не считаю себя „зернышком ячменя“. Мне

бы быть хоть горстью удобрения. Может, наша борьба с дьяволом закончится неудачей. Но я стану удобрением, хоть незаметным глазу, и буду удобрять историю».

Я не мог сдержаться от слез. Да начинаются времена мученичества. Всему народу обходится дорого. Иной человек даже отдает жизнь. Срочными мерами №4 отнюдь не кончилось угнетение. Все больше нестерпимо, что в тюрьмах томятся товарищи и друзья по университету. 11 апреля опять восстал университет Чоннам в городе Кванчжу провинции Южный Чолла и арестовано 12 студентов. И в Сеульском университете предпринималась попытка устроить демонстрацию, производились аресты, но трудно узнать о подробностях. Страшная слежка. Чудовищные пытки. Ходят слухи, что некая студентка умерла от пыток.

Без увеличения можно сказать, что времена мученичества уже начинаются с этого. 22 января нынешнего года в городе Тэгу один рабочий покончил себя самоубийством. Это было сопротивлением. В апреле прошлого года он потерял три пальца на кузнице, где он работал. За это увечье он получил всего 50 тысяч вон. Чтобы вылечить свою руку, он продал еще домашний скарб за 150 тысяч вон. Дело не кончилось этим — его выгнали с работы. Он подал жалобу, и его приняли обратно на работу, но он видел, как он надоедает другим. Так, ему ничего не оставалось, как покончить себя самоубийством. Это был единственный путь сопротивления.

Правительство, которое сквозь пальцы смотрит на положение, иногда мобилизует свою «добрую» власть. В сегодняшней газете появилась заметка об аресте директора и начальника цеха какой-то трикотажной фабрики. Заголовок гласит: «Месячная зарплата — 2000 вон за 11-часовой труд в день»

Эта сумма после вычисления платы за питание и проч. Примечательно, что 47% рабочих этой фабрики получает такую зарплату. Если ты честный верующий, если ты молодой человек с чувством справедливости и патриотизма, как же не восстать против этого? А у власти околачиваются такие люди, которые живут в домах с движущейся лестницей (эскалатор).

Расскажу о событии, которое произошло 9-го этого месяца. Утром в церкви Енрак, одной из крупнейших церквей в Сеуле, во время молебна один верующий облил себя цинной и покончил себя самосожжением. Полиция, ссылаясь на слова его друга, сообщила, будто поводом его самоубийства служила «измена любимой женщины». В результате расследования установлено, что он перед смертью громким голосом выкрикнул: «Уходи Пак Чжон Хи ! Долой реформированную систему!» Полиция и ЦРУ тут же оцепили церковь и заткнули рты находившимся там. Боясь какого-либо акта церкви, они расставили густые кордоны. Появился сотрудник налогового управления и стал проверять приходно-расходную книгу церкви. Это их обыкновенный прием шантажирования предприятий, редакций газет или организаций. Расследуют и что-то изобретают. Заручившись обещанием подчиняться, снисходительно относятся к провинившимся. Говорят, что это в первый раз они применили такой метод по отношению к церкви.

Непрерывно ходят слухи о «самоубийстве по политическому мотиву». Собралось человек с 30, справили скромные похороны, поминали покойного. Его брат — пастор. На похоронах он говорил, что «покойник был патриотичным и национальным», хотя ему не совсем ясно, почему он пошел на самосожжение. И добавил: «Верю, что и тело и душа его воск-

реснут. Впредь выяснится причина его смерти. И сейчас серьезные люди понимают, что к чему». Говорят, что он наверняка оставил завещание. А церковь Енрак по указке властей заявила, что покойник не был христианином, что не ясна причина смерти и нет завещания. Это богатая церковь. Все ее критикуют за то, что она всегда на стороне властей и не готовы пойти на смелые поступки.

Один мой приятель из США подтвердил мою информацию о «самоубийстве по политическому мотиву». Он передал мне, что те молодые люди, с которыми он встречался, говорят, что «наверно долго тянется борьба с режимом Пака». Говорят: «Почти 40 лет боролись с японским господством. Срочные меры, по меньшей мере, будут выходить до №10». Нельзя быть слишком оптимистичными, а нужно идти вперед осмотрительно, с терпением и умом. Одно верно: никто не думает, что арестами и пытками дело не кончится согласно срочным мерам, дающим всякие полномочия до «смертной казни». Наоборот, все думают, что «борьба народных масс» или «развал власти» только начались, живут с смешанными чувствами беспокойства и надежды. Абсолютно невозможна перестройка режима Пака. Насилие, обрастая насилием, тоже пойдет к точке взрыва.

МАСТЕР «ТВОРЧЕСТВА»

— Май 1974 года —

Ежедневно молодые люди уводятся в ЦРУ или в полицию, да и еще без ордера, как «предусмотрено» в срочных мерах президента. Одни возвращают-

ся домой, а другие нет. И первые подвергаются шантажу и пыткам, принуждаются дать клятву — впредь не участвовать в движении сопротивления. Разумеется, они в то же время обещают не проболтать то, что было в стенах ЦРУ. Поэтому они страдают от позора за самого себя.

Из-за такого чувства поражения в иных университетах весенний день университетов окрестили «поминками болванов». И были случаи, когда на этих поминках дискуссировали об «Иисусе и сатане». Каждый раз, когда доходят вести об арестованных коллегах, студенты на воле испытывают чувство самоистязания.

«Одного спросили, как тот думает насчет сообщения о том, что они пытались построить рабоче-крестьянскую власть. Тот односложно ответил, что это ложь, за что ему и попало». «Отгораживают друг друга, каждый беря всю ответственность на себя». «Некий руководитель твердо стоит на своем, говоря, что сильный станет еще сильнее, а слабый — еще слабее». «Профессор Н, когда его просили не дать студентам участвовать в политике, ответил, что они совершеннолетние, так пусть сами решают для себя. И добавил, что его заботит только то, как бы лучше воспитывать их как человек, житель Южной Кореи».

Вместе с такими вестями слышны и чудовищные слухи.

«Смертная казнь будто уже приведена в исполнение. Кардинал Ким Су Хван, говоря о пасхальном послании, напоследок на английском языке спросил: „Что вы скажете насчет убитой 25-летней женщины?“ Это он о любимой девушке разыскиваемого полицией студента Сеульского университета. Когда ее допрашивали, где этот студент, она не могла дать удовлетворительный ответ, так как в самом деле не

знала, где он. За это и убили ее жестокими пытками».

«Нет. Говорят, что ее раздели и глумились над ней, а потом убили. Хоть изнасилуй, но с радетельного следователя ничего не спрашивают. Потому что это тоже считается процессом следствия».

«Где камера пыток, там врач. И не для предотвращения смерти, а для того, чтобы не осталось следов пыток. Для того чтобы производить пытки так, чтобы в теле сохранились последствия от пыток и после освобождения из тюрьмы тот когда-нибудь непременно помер от этого. Помрут через год-два, но это их не касается».

«В ЦРУ десятков студентов сажают на стулья лицом к стене, подогнув под себя ноги. Винтовками угрожают, чтобы не оглянулись. Не дают дремать. Ночью не разрешают спать. В конце концов они повалятся».

«Входишь в камеру пыток. Нет человека. Но со всех сторон вылетают дубины и бьют тебя».

Режим Пака, пожалуй, представляет собой самый последний образец пыток и террористской политики. Об этом мне хочется воззвать ко всему миру. Случается, что люди, подвергшись электрическим пыткам, сдаются по человеческой слабости. Но разве можно называть их просто «изменниками»? Тем более о тех, кто ни в чем не провинился. В «век техники пыток» особенно надо проявить великодушие к таким людям. Когда люди сдаются из-за слабости, им ничего не остается, как просить прощения, потом снова набирать силы и вернуться к делу. Конечно, были бы и такие, которые выдерживают пытки и не сдаются.

На это массы реагируют как-то странно. Так, например, в автобусах люди из-за пустяка громко ссорятся, сердятся. Кричат: «Ох, проклятый мир!»

Это натерпевшиеся массы выказывают свой протест. И любят ехидничать — «Он знает все ходы и выходы и берет все на себя, чего тебе тут тревожиться». Теперь вошли в моду слова «смертная казнь». К примеру приведем фразы из газетных заметок. Это ученики средней школы разговаривают об одном учителе, окончившем Сеульский университет.

> «Не буйствовать?! Вот тоже называется выпускником Сеульского университета». «А Сеульский университет всемогущ, что ли? Опять буйствуешь, тогда и тебе смертная казнь». «Смертная казны? Ладно». «Ни черта не понимаю».

Так наблюдается наводнение слов «смертная казнь». Ничего удивительного. Если ты хоть в малейшей мере критикуешь политику или распространяешь слухи, то тебе грозит смертная казнь. По меньшей мере 90% населения обмениваются такими слухами, пожалуй, зная, что это им может стоить жизнь. Чем дольше продолжится режим Пака, тем больше стало бы таких «чудовищных преступников». И эти преступления приобрели бы все более зловещий характер. Не только военные тюрьмы, где сидят «преступники», подлежащие военному трибуналу. Все южнокорейское общество является военной тюрьмой со смертниками.

Для военного трибунала и военной тюрьмы нет никакого закона. Это «творческая» мастерская. Здесь фабрикуют преступления. Прежде всего нужно фабриковать коммунистов. Подавляющее большинство арестованных составляют люди, связанные с христианством. И средства для этого движения, видно, главным образом поступают от христианской церкви. Если даже кто-то предлага-

ет свои деньги, люди не могут взять их, так как их могут обвинять в получении «средств с Севера». Тогда как им удастся увязывать людей из христианства с «красными»? В самом деле среди студентов идут даже такие разговоры.

«Эй, сначала сходим в церковь, потом устроим демонстрацию».

«Не ходишь в церковь, то тебя могут назвать красным».

Если ты не христианин, к тебе сразу прикрепляют ярлык красного. Но в последнее время нельзя сказать, что и христианство наделено талисманом от «красных».Потому что и пасторы бывают коммунистами и бессознательно могут быть ввергнуты в стратегию и тактику красных. До сих пор можно было сопротивляться, засевшись в крепости христианства, но теперь и это стало совсем невозможно. И остается в силе только одна единственная схема: «Тот, кто против Пака», «шпион Севера», «заговорщик, по указке с Севера пытающийся свергнуть Корейскую республику».

Хоть таковой представляется христианская церковь в глазах режима Пака, но в глазах масс она не представляется в таком виде. И массы не перестали бы надеяться на церковь. Когда в католическом университете Соган были арестованы студенты, американец-священник объявил голодовку. И 15 апреля в протестантском университете Енсе было разбросано около 400 листовок от имени председателя общего студенческого общества. Листовка гласила: «Уходи Пак Чжон Хи!» А на следующий день произошла небольшая демонстрация. Студентов хватали прямо на занятиях и уводили. Было арестовано человек 50 студентов. Профессоры негодуют на такой погром в лекционном зале.

Режим Пака пригласил из США 12 — 13 конгрессменов из группировки «Сокол». Пригласил их с надеждой, что они поймут нынешнюю позицию режима Пака и окажут ему помощь. Перед ними преподнесли единственное оружие режима Пака, то есть «проникновение коммунизма», «шпионаж» и «военная угроза с Севера». И говорили, что им нельзя не прибегнуть к демократии, соответствующей такой обстановке, и уверяли, что они горят страстным желанием после создания спокойной обстановки ввести более широкую демократию. Но это не удалось. Американцы, где бы ни бывали, без стеснения высказывали свое мнение, ставя в неловкое положение командиров режима Пака. Один из них заявил, что американские граждане-христиане не терпят, что христиане Южной Кореи подвергаются гонениям. Так режим Пака счел нужным продемонстрировать за границей свободу христианства и его развитие в Южной Корее. Планируя странный фарс «вспышка — 74», он всячески старается пригласить из США и Японии «верующих людей». Предполагают пригласить из США 6000 человек, а из Японии 3000 человек. Насчет перспективы политики власти Пака в отношении христианства один руководитель церкви сказал следующее: «Они добиваются раскола церкви, усилят подкуп видных людей. И изолируют людей, требующих участия религии в политике. В конце концов они постараются разорвать связи между южнокорейской церковью и мировой церковью».

Вспоминаются слова некоего иностранца, которого просил один правительственный чиновник понять позицию Корейской республики. Он ответил тому чиновнику только: «Когда буду на родине, расскажу только сущую правду». И перебрал он в уме слова, сказанные кардиналом Кимом: «Молитесь богу. И

приобретайте объективные сведения о Корейской республике». Режим Пака думает, что надо покончить именно с этой моральной поддержкой извне. Моральный суд — вот чего пуще всего боится режим Пака как во внутреннем, так и внешнем отношениях. Потому что сам Пак Чжон Хи хорошо знает, какой это аппарат насилия его режим, сложенный из стольких преступлений.

Под этим-то углом зрения нужно понимать и арест двух японцев-студентов. Этот арест произведен прежде всего для того, чтобы нанести удар по еще не совсем угомонившейся японской журналистике, критикующей режим Пака, чтобы отомстить тем авторам и массовой пропаганде, которые выступали против Пака, чтобы отбить у них охоту к таким действиям. Откровенно говоря, до сих пор ЦРУ и министерство культуры и информации прилагали отчаянные усилия для того, чтобы накрыть и подавить источник этой «корреспонденции из Южной Кореи». Через друзей нет, нет да и доходит до меня известие об их маневрах (факт, что теперь возросла опасность быть разоблаченным). Они считают, что им в некоторой степени удалось оказать нажим на японскую массовую пропаганду в результате нанесения удара по газете «Асахи симбун». Тут есть некоторые основания. Но режим Пака по сей день сильно раздражается по поводу того, что японская массовая пропаганда не совсем утихомирилась.

У режима Пака и в мыслях нет исправить свой порок. Только они обвиняют тех, кто осмеливается критиковать его. Они думают, что если им удастся угомонить критику и осуждение внутри страны и за ее рубежом, то все пойдет хорошо. Они говорят даже, что «красная армия» Японии в сговоре с южнокорейскими студентами хочет свергнуть режим Пака. Этого не может быть, но они это говорят для

того, чтобы изолировать арестованных двух студентов от гражданских чувств японцев. С другой стороны, японское правительство считало бы обузой дело вышеупомянутых двух японцев. Ставя превыше всего экономические интересы, оно продолжало бы утверждать, что японо-южнокорейские отношения ничем не должны быть омрачены. Не думает ли оно, что те «глупые» японцы, которые хоть сколько-нибудь выражают сочувствие демократическим силам Южной Кореи, изменяют ему? Нет сомнения, что по крайней мере так думают политические силы Японии, которые вершат дела, держа по различным каналам контакт с южнокорейским правительством, особенно с ЦРУ. Один человек из ЦРУ поведал мне следующее:

«Насчет нынешнего события, может быть, официально не сообщили японскому правительству. Но между своими людьми все договорено и переговорено. Такова японская политика».

Можно сказать, что ход нынешнего события с арестом японцев дал южнокорейским жителям повод всеми фибрами души презирать Японию. Представление об Японии, сложившееся при виде склейки японского и южнокорейского правительств и безволия японского правительства во время инцидента с Ким Дэ Чжуном, еще более углубилось. Неужели они не считаются ни с человеческими правами, ни с народом? Неужели они знают только интересы предпринимательства?

Если те двое подарили бы студентам какие-нибудь деньги и вещи, то можно полагать, что они это сделали, попавшись на чью-нибудь удочку. Мы между собой говорим, что если студенты не колеблясь приняли бы их, то наверняка они подкуплены ЦРУ. ЦРУ тщательно готовилось, для того чтобы если весной этого года студенты поднимутся, то выдать их

за «красных». Приблизительно догадывались об этом студенты, и потому они ни за что не хотели принять сомнительные деньги, особенно из Японии. ЦРУ сообщило, что приготовлено 100 тысяч экземпляров листовок. На это студенты ответили, что у них только гектограф, на котором можно отпечатать лишь листов 300. Листовки с радикальными, так называемыми «красными» лозунгами были распространены неизвестными людьми. Говорят, что листовки распространялись в повышенных средних школах. Если так, то это сделали, конечно, те же неизвестные люди. Держишь связи, сидя в подполье, и то тебя накроют. Где тебе так открыто действовать? Многие учащиеся повышенных средних школ растерялись от листовок, всученных им на глазах у полицейских или перед полицейской будкой.

Вот и «шумиха о красных», поднятая режимом Пака. Двоих японских студентов приплели в этот план, а внутри страны всех людей, которые когда-то находились под арестом за неблагонадежную идеологию, впутали в это событие. И двоих японцев сделали революционерами «против Пака», действовавшими согласно международной коммунистической линии. Все это заранее тайком состряпанный план. А в эти дни фабрикуют многочисленные сомнительные шпионажи и утверждают, что движение против Пака проводится по указке Севера, пытающегося свергнуть Корейскую республику. Еще не предались гласности результаты расследования инцидента 3 апреля. Конечно, требуется время для «творчества», чтобы придумать какие-то ярлыки и многочисленные «шпионажи». При таких односторонних манипуляциях власти Пака как особенно иностранцам приобрести объективные сведения, не говоря уж о жителях Южной Кореи? Все, что говорят люди кроме режима Пака, начисто уничтожают-

ся под угрозой смертной казни. Одному богу только известно.

В такой обстановке власть Пака блефует, что студентам никак нельзя свергнуть ее, из-за них нечего больше трепать себе нервы, покончено с подавлением студентов. Она цинично разглагольствует, что хотя трудно управиться с христианами, так как у них мученические настроения, но когда она заставит молчать большинство церквей, то такие поступки только будут смешить людей. Говорят, что их заботит только критика, доносящаяся из-за границы. Но все же они так спокойно себя чувствуют? Ведь говорят же, что конь и о четырех ногах, да спотыкается. Тем более это для Пак Чжон Хи, который не доверяет даже своим приближенным. И при нервозности недалекого деспота продолжается мученическое состояние.

Многие люди секретно арестовываются. Многие студенты пока еще скрываются. Студентку женского университета Лихва разыскивают, назначив за ее голову премию. Ночью совершен внезапный налет на общежитие, где жила она, но не нашли ее. Начали обыскивать и дома иностранцев. Дело было однажды ранним утром. Разношерстные сыщики, в том числе вояки армии местной обороны, оцепили трущобу на берегу речки Чхонгечхон радиусом в одну миль, чтоб разыскать одного студента. Но, к счастью, ничего не произошло.

Есть и такой эпизод. Один студент наконец вместе с профессором, он же начальник отдела по делам студентов, сел в такси, чтобы явиться с повинной. По дороге такси окружали сотрудники из ЦРУ, штаба государственной безопасности и полиции. И между ними шли горячие споры: кому зачесть эту «добычу» в заслуги. Какая низость! Одурманивать население — вот цель режима Пака. Не одурмань население,

ему не властвовать над ним. Высокий дух, протестующий против этого режима, блуждает по тревolненному житейскому морю. Один профессор сказал мне: «Допустим, что студент пришел ко мне за советом и сказал, что ему больше не удержаться от сопротивления. И я должен не только отговорить его, но и донести на него властям. Иначе мне грозит смертная казнь. Потому что кто может поручиться, что он не агент ЦРУ. Мы больше не педагоги».

НА ДНЕ МОЛЧАНИЯ

Иные утверждают, что выступление 3 апреля имело своей целью установление рабоче-крестьянской власти. Это явное преувеличение. Существует 600-тысячная армия да еще американские войска. Тем не менее говорят, что студенты голыми руками хотели установить рабоче-крестьянскую власть. Разве у нас такое тряпичное государство?

Кто, как не дурак, может думать, что силами студентов да некоторых слоев населения можно захватить власть. У студентов приподнятое настроение.

Если они на что-то надеялись, так это всего-навсего введение осадного положения. И надеялись, чтобы к счастливому стечению обстоятельств тут объявились честные военные и, не направив дуло винтовки на масс, прогнали Пак Чжон Хи, как было во время событий 19 апреля. Южнокорейское население думает, что это почти единственная возможность. Режим Пака как никто хорошо знает это. Поэтому он, не говоря уже о самой президентской резиденции, превращает весь участок от передовой позиции до Сеула в крепость, чтобы защищаться от

своих же войск. Режим Пака как огня боится введения осадного положения со стягиванием войск и всячески ухитряется выправить создавшуюся ситуацию одними только т. н. срочными мерами президента.

В последней фальсификации нет даже намека на «желание» народа свергнуть режим Пака с помощью армии. Наверное, у студентов была такая тактика, но об этом не сказано ни слова. Только повторяются россказни о «рабоче-крестьянской власти». Усиливается воспитание в духе антикоммунизма, все шире практикуется метод — подавлять население путем усиления антикоммунистического воспитания. Один мой приятель-американец рассказал мне интересный эпизод, который хорошо объясняет этот вопрос. Южнокорейский посол в США в своей публичной лекции говорил, что режим Пака находится под угрозой коммунизма, поэтому у него ничего не остается, кроме как быть таким, каким он есть сегодня, и нет другого выхода. Это, надо полагать, действует на американцев с наивным антикоммунистическим сознанием. Но тут неожиданно речь зашла об армии. Посол, пытаясь оправдать срочные меры, проболтал: «Срочные меры приняли, имея в виду также армию. Неизвестно, какая беда случится, если, вводя осадное положение, стягиваешь войска. США требуют, чтобы мы сократили 100 тысяч солдат армии, но военные власти не слушаются».

Один американец бросил ему следующую реплику: «Вы, посол, говорили о спокойствии, основанном на законе и порядке, но оказывается, что вы даже не можете управиться со студентами и массами, не угрожая при помощи срочных мер смертной казнью тем, кто хоть немного критикует правительство. Мы думали, что режим Пака надежно держит в своих руках армию, а, оказывается, он с ней ничего не может сделать — от нее впрямь покоя нет.

Так, как режим Пака будет поддерживать закон и порядок в случае возникновения чрезвычайных событий? Может быть, он хочет пригласить японскую армию и поручить ей это задание?»

Обалдевший посол просто не знал, что предпринять, и только повторял: «Нет-нет, это не так». Именно это замешательство лежит на дне насилия режима Пака. Это иногда находит свое выражение в чрезмерной шумихе о шпионаже. «Антикоммунизм» означает «поддержку Пака». Поэтому если кто-то говорит антикоммунистические слова, то говорят, что он «обработан правительством». 14-го числа широко сообщалось о «шпионе, явившемся с повинной». Устроив интервью этого «шпиона, явившегося с повинной» с журналистом газеты, ЦРУ заставило его говорить:

> «Север изменил курс борьбы: возбудить антияпонское настроение с целью формирования единого фронта, развить его в организованное общенациональное движение, вызвать сумятицу в обществе, а потом свергнуть правительство. Север рассматривает борьбу «Общенациональной демократической федерации учащейся молодежи» как революционную борьбу, следующую по значению после борьбы 19 апреля, но ее провал сильно огорчил его. Она потерпела неудачу потому, что не сумела привлечь учащихся, рабочих, крестьян, национальных капиталистов и что выдвинула политические лозунги: «Долой власть!», «Долой реформированную систему!» Север отдал директивы: отныне потребовать «освобождения заключенных студентов» и «автономии и демократизации учебных заведений».

И здесь ни слова об армии. Устами «шпиона Севера» говорят, что не только все выступления студентов,которые произошли до сих пор, но и антияпонское движение тоже проводилось по указке Севера. Требование «освобождения заключенных студентов» и «демократизации учебных заведений» — эти умеренные требования даже согласно срочным мерам нельзя рассматривать как акты, подлежащие смертной казни. Утверждают, что они тоже исходят из Севера. Все поступки режим Пака норовит связывать с Севером, за исключением тех, кто действует по его команде. Таково истинное намерение режима Пака.

Это обстоятельство, видимо, побудило христианскую церковь стоять в авангарде антияпонского движения. На таком фоне верующие женщины выступили против дискриминации японской компании Хитаци в наеме рабочих. Это было движение, имевшее целью показать материнскую любовь к корейской молодежи в Японии, которая не может найти работы. Это движение сразу подхватили Общество молодых женщин-христианок, Лига верующих женщин и Лига женщин-избирателей. Пламя перекинулось в Пусан, Кванчжу и другие города. Поэтому ЦРУ устами «шпиона Севера» утверждает, что Север пытается «возбудить антияпонское настроение с целью формирования единого фронта», развернуть «общенациональное движение», вызвать сумятицу в обществе и свергнуть правительство. Но даже ЦРУ не хватало духа сказать прямо в глаза верующим женщинам, что они действуют по указке Севера. И попросило их, если у них такие требования, то предъявить их через правительство. Я впрямь ошеломлен, когда я услышал разные вещи от людей ЦРУ и руководящего работника общества Кымсон, свя-

занного с компанией Хитаци. Их рассказы можно резюмировать так:

«Христиане Японии поместили объявление против Пак Чжон Хи в газете «Нью-Йорк таймс». Это потрясающее событие. Плату за объявление несомненно платили красные. Так в Японии красные развертывают активную деятельность. Так в Южной Корее не должно развертываться антияпонское движение, чтобы в выборах депутатов в палату советников Японии победила Либерально-демократическая партия. После долгих переговоров с компанией Хитаци обе стороны договорились о строительстве крупного литейного завода на обширной территории и его совместной эксплуатации, так что желательно уступить друг другу и не оскандалить. Но если говорить личное мнение, то очень опасаются проникновения японских корпораций. Даже в случае, когда четко написано, что южнокорейский капитал составляет свыше 50%, фактически он занимает всего лишь 10 или 20%. Каждый работник знает, что хотя директор южнокореец, но фактически всеми делами вершит японский управляющий. При импорте товаров из Японии они прикарманивают себе самое меньшее 30% иностранной валюты. Японское правительство всячески добивается сохранения такого порядка. Так естественно, что студенты протестуют».

Наконец в газетах сообщалось: «компания Хитаци за допущенную ей национальную дискриминацию приносит глубокое извинение южнокорейским гражданам в Японии. Она примет ответственные конкретные меры для предотвращения такой национальной дискриминации. Что это за конкретные ме-

ры? Хотят ли нанимать корейских граждан, как в США, где действует определенное правило: негры должны занимать столько-то процентов общего числа личного состава предприятия? Несколько дней назад начальник сеульской конторы компании Хитаци явился в редакцию газеты и оправдался, что разговоры о национальной дискриминации — это недоразумение. Как объяснить такую «внезапную перемену»? Это сразу стало притчей во языцех. Они обладают такой ловкостью — в невыгодной обстановке сразу меняются. Доводы и искренность тут ни к чему. Нужно силой сопротивляться, чтобы они почувствовали свою беспомощность. Так, массы Южной Кореи приобрели еще один урок в борьбе с японским предпринимательством. Теперь японское предпринимательство вместе с режимом Пака искало бы более хитроумный выход. Между тем, и режим Пака со времени инцидента с господином Ким Дэ Чжуном, наверное, многому научился, как обращаться с японским правительством и массовой пропагандой Японии. И дело вышеупомянутого «шпиона Севера», который, мол, явился с повинной, стало достоянием гласности после того, как японскому посольству сделано предупреждение о том, что по указке Севера могут быть совершены террористские акты против японцев, чтобы придать этому предупреждению правдивость. Зачем им внушать страх даже японцам? Без политических соображений не скажешь такие вещи. 7 — 8 лет тому назад летом распространялась холера. На газеты оказывалось давление широко не сообщать об этом. Потому что это привело бы к сокращению числа туристов. Тогда уменьшится поступление иностранной валюты. Что побудило бы режим Пака запугивать японских туристов возможным террором? Ведь он поощрял даже туризм, обслуживаемый куртизанками-кисэнами.

Тут есть несколько причин. И прежде всего чтобы подавлять движение против Пака в стране, именуемое антияпонским. И чтобы еще больше изолировать двух японских студентов от японского народа. Этих двух студентов власть Пака арестовала и до сих пор держит в заточении с учетом всех плюсов и минусов в отношениях с Японией. Если их выпустят, кто может поручиться, что они по прибытии в Японию не разоблачат все это через печать. Поэтому режим Пака и впредь будет играть с ними. Он, наверно, думает, что для предотвращения утекающей в Японию информации и опубликования ее там нужно не ограничиться арестом японских студентов, а внушать японцам еще больший страх. Говорят, что совсем недавно для обсуждения ответной меры в отношении общественного мнения в США и Японии вызваны были из Вашингтона и Токио в Сеул ответственные работники на местах и в течение 20 дней получили головомойку. Не исключено, что ЦРУ в худшем случае прибегнет к террору в отношении японцев и свалит вину на шпиона Севера или на противника Пак Чжон Хи, будто действующего по указке Севера. Если он сочтет это необходимым для продления своего господства, то охотно пойдет и на это. Такая их повадка уже нам хорошо знакома в инциденте с господином Ким Дэ Чжуном. Ныне он в отчаянии. Лишь бы удержать свою власть, пусть сократится число туристов, уменьшатся поступления иностранной валюты, колеблется японское предпринимательство, пусть издевается Север — наплевать.

Хочу сказать пару слов про господина Ким Дэ Чжуна. Однажды ночью в его дом подбросили записку с планом военного переворота. Нечего и сказать, что это дело рук властей. Рассчитывали, что когда найдут у него эту записку, поднимется боль-

шой скандал. Господин Ким сдал эту записку в полицию. Тогда они, ссылаясь на расследование дела, все время глумились над членами его семьи. Поведавший это мне мой приятель говорил: «Это психологические пытки. Это делается по плану, чтобы испортить его нервы. Пока жив виновник, который затащил господина Кима в море и хотел убить, этот план не прекращается, видоизменяясь. Пока еще мы надеемся на поддержку иностранцев господину Ким Дэ Чжуну. А дальше что будет?

И поэт Ким Чжи Ха и писатель Нам Чжон Хен находятся в тюрьме втайне от всех. Директор богословского института университета Енсе и женщина-пастор, работавшая среди работниц, также сидят в тюрьме. А господин Чан Чжун Ха, арестованный за нарушение срочных мер №1 от 8 января, находится под стражей в больнице. Из тюрьмы его перевели сюда. У него неважно с печенью, и режим Пака побоялся, что народ обвинит его в убийстве Чана, если с ним случится несчастье.

Прекрасно раннее лето в Южной Корее. Но вокруг царит тяжелое молчание. Люди охвачены страхом и тревогой. И мы хорошо знаем, что это отражение страха и тревоги, которыми объят режим Пака или верховная особа.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ

— Июнь 1974 года —

Почему в эти дни режим Пака так придирчив к Японии? Многие южнокорейцы в недоумении, чувствуют себя опозоренными. Ведь показалось, что меж-

ду правительствами Японии и Южной Кореи все идет как по маслу. Сколько ни думай, арест двух японцев перечит резону. Теперь режим Пака наверняка ломает голову, как бы разделаться с этим делом. Еще один опрометчивый акт с отчаяния, не так ли?

Отношения между Японией и Южной Кореей главным образом экономические, коммерческие. Правительство Японии старается не очень перечить южнокорейскому правительству. В душе населения всегда оставляет горький осадок заявление японского правительства о том, что хотя поведения южнокорейского правительства оставляют сожалеть, но в отношениях между Японией и Южной Кореей не должны возникнуть трещины. Или может, есть другая причина? Не правда ли слухи о том, что влиятельные политические деятели Японии через своих приказчиков скупили много земли на острове Чечжудо и в районах Пусан и Инчхон? Таким догадкам нет конца. Нет, они думают, что японские предприятия, обосновавшиеся где-то возле Масана, должны действовать без всяких препятствий. Ныне режим Пака как «бешеная собака» набрасывается на каждого встречного. Поэтому люди, заходя далеко в догадках, утверждают, что все действия режима Пака заранее тщательно согласованы с определенным кругом Японии. Если японское правительство не примет твердую позицию, то это смертельно обидело бы южнокорейское население.

Позиция правительства Западной Германии в «деле шпионажа в Восточном Берлине» (в 1967 году ЦРУ Корейской республики выманил в Южную Корею обучавшихся в Западной Германии 17 человек южнокорейцев — профессоров, студентов, музыкантов и др., и предали их суду по обвинению в шпионаже. Когда всплыло наружу это событие, прави-

тельство Западной Германии приняло твердую позицию: выслало из страны сотрудника ЦРУ, прекратило экономическую помощь и пр. Это дело уладилось тем, что эти южнокорейцы снова вернулись в Западную Германию.) вызвала у южнокорейского населения чувство уважения к немцам. И в последнем деле с корреспонденткой газеты «Крисчен сайенс монитор» (22 мая 1974 года специальная корреспондентка этой газеты в Токио Елизавет фонд написала заметку, остро критикующую Пак Чжон Хи. За что ей отказали в въезде в Южную Корею.) правительство США заняло четкую позицию. Не то что правительство Японии, которое на вид протестует, но фактически замазывает дело, оговариваясь, что «в отношениях между Японией и Южной Кореей не должны возникать трещины».

Признаться, южнокорейские жители довольно недоверчивы и в отношении американцев. Американцев интересует Южная Корея главным образом в военном отношении. Южнокорейское население думает, что США ради своих государственных интересов приносили в жертву Южную Корею. Например, США всячески поощряли режим Пака послать свои войска на вьетнамскую войну. В то время для поддержки власти Пака США замолчали мошеннические выборы и даже, по слухам, США соучаствовали в них. В то время власти США без стеснения расточали самые высокие похвалы в адрес режима Пака. Иные говорят, что такое прошлое висит над совестью у США и потому не могут поступать твердо в отношении Пак Чжон Хи. Но справедливости ради надо сказать, что США своей позицией по поводу дела с газетой «Крисчен сайенс монитор» и инцидента с господином Ким Дэ Чжуном сразу восстановили свою репутацию. Но власти Японии, хорошо видя такой шанс, не пользуются им. Это только испортит

представление о ней. Один мой приятель, хорошо знающий Японию, выразился так:

«Нет, злоба берет и японские власти. Но им неохота опозорить себя из-за режима Пака. Так, не держатся ли они выжидательной позиции, не втягиваясь глубоко в дело? Как будто взрослый обращается с непослушным ребенком. Это и раздражает власть Пака. Она думает, что без денег ему нечего делать и никак не удастся сохранить власть».

На самом деле нас не покидают мысли, что в отношении режима Пака теперь Япония очутилась в таком же каверзном положении, в каком были США. К тому же Япония не может занять такую твердую позицию, как США. Власть Пака вроде голодной собаки. Подашь еды и поласкаешь — она улыбается. Дашь по морде — извиняется. Но чуточку прозевай, она уже оскаливает клыки. Люди Южной Кореи достаточно испытали это. Не дождешься искренности от режима Пака. В эти дни все политическая фальсификация.

Режим Пака по своему усмотрению управляет министерством юстиции, а твердит, что Корейская республика есть демократическое государство, где министерство юстиции ни от кого не зависит. Утверждают, что суд производится беспристрастно, по закону, в то время как в военные трибуналы не имеют доступа семьи подсудимых, процветает фальсификация. Хотя Корейская республика демократическое государство, но, мол, она немного отличается от других стран, потому что она подвергается угрозе коммунизма. Это такая демократия, которая признает вечное единоличное диктаторство Пак Чжон Хи, которая без ордера хватает всех, кто критикует это диктаторство, и карает на военных трибуналах вплоть до смертной казни. Обычно называли ее демократией южнокорейского образца, но в последнее

время словно об этом начисто забыли и стали называть «либеральной демократией». Видимо, не удалось дать «философскую формулировку» демократии южнокорейского образца.

Режим Пака — это предательская власть как внутри страны, так и за ее пределами. Может быть, она сделает вид, что на время снимет срочные меры президента. Может, он это сделает так, как будто это рассматривают в парламенте. Но продолжатся и деятельность ЦРУ, и несусветное судилище. Нельзя дать себя обмануть таким трюкачеством. Что он намерен делать с теми заключенными, которые получили 15 лет тюрьмы?

Сообщая об этом, один журналист сказал:

«Кажется, режим Пака без срочных мер не обойдется. Возможно, что учредят тайную полицию и исподтишка расправятся с ними. Но сделать это было бы трудно. И раньше они могли бы сделать это, но не решались и ограничивались только угрозой смертной казни. Во всяком случае власть Пака зайдет в тупик».

И среди журналистов ощущается необычная атмосфера. В редакции газеты часто слышится раздраженный голос: «И такую заметку нельзя?» Поэтому больше пишут таких заметок, которые прямо не относятся к политике, скажем, хроники, которая прямо не противоречит срочным мерам. Два-три дня назад широко сообщалось о том, что 13 рабочих некоей фабрики спортивных тапочек, не получившей разрешение правительства, парализованы профессиональной болезнью — сплошным параличом. Чиновник управления труда, явившийся на фабрику для обследования, угрожал больным: «Вы думали, что если скажут журналисту, все будет в порядке?» Остро вскрывают печаль мальчика-чистильщика сапог и произвол такси и пр. И заголовки вызываю-

щие: «Страшные преступления в уличном движении» и т. д. и т. п.

Чудится, что увертки режима Пака достигли предела. Режим Пака что ни день пропагандирует, что вот-вот нападет Север. Но в то же время он уверяет, что все спокойно, и зазывает больше туристов и требует от иностранцев огромных инвестиций. Сказали, что господин Ким Дэ Чжун на свободе и может совершать поездку за границу. Сказали также, что скоро будут опубликованы все подробности инцидента с господином Ким Дэ Чжуном. Никто не знает, где находится Ким Дон Ун из ЦРУ — виновник этого инцидента. А на этот раз говорят, что господин Ким Дэ Чжун должен явиться на суд, так как он нарушил правила о выборах. Нельзя, мол, дать ему особые привилегии ездить за границу, рассмотрение его дела займет много времени. Что побудило их возбудить дело о господине Ким Дэ Чжуне в настоящий момент? Правительство говорит, что надо поставить точку на затянувшемся деле, но народ уже давно дал зарок не верить словам режима Пака. Поэтому все строят разные догадки, любопытствуя, что скрывается за этими словами.

В первую очередь правительство хочет принудить его отказаться от поездки за границу. Но и это обстоятельство не может служить веским основанием возбудить в данный момент его дело. Режим Пака часто делает пакости, когда в США происходят политические неполадки или проводятся выборы. Поэтому есть и такая версия, что это связано с выборами в палату советников в Японии. Видимо, режим Пака хочет провернуть какое-то дело, когда японское правительство с головой уходит в выборы в палату советников, когда оно боится, что если оно придает не в меру большое значение этому вопросу, то это влияет на предстоящие выборы. По этой вер-

сии режим Пака выбрал такой момент, когда властям Японии некогда совать нос в это дело. Впрочем, режим Пака, затеяв это, хочет подставить ножку либерально-демократической партии Японии перед выборами.

Но все-таки, что более важное, это политическая ситуация в стране. За последнее время господин Ким Дэ Чжун как политический деятель внутри страны более или менее имел возможность высказывать свои мнения. Особенно перед иностранными корреспондентами. И в ходе расследования дела с Общенациональной демократической федерацией учащейся молодежи выяснилось, что большинство учащихся в глубине души уважают господина Ким Дэ Чжуна как своего руководителя. Потому-то режим Пака решил связывать господина Ким Дэ Чжуна с последним делом «Ассоциации корейских граждан в Японии». Говоря насчет «правил о выборах», режим Пака прощупал международную общественность. И он думает взвалить на него по возможности тяжкую вину. Пак Чжон Хи, пока Япония и США заняты другими делами, хочет действовать, как ему вздумается. Если не общественное мнение, ему хотелось бы лишить господина Ким Дэ Чжуна жизни, как он запланировал вначале.

Нет сомнения, что господина Ким Дэ Чжуна вызвали на суд по специальной указке президента. Можно полагать, что в нынешней ситуации более, чем когда-либо, нужно заткнуть рот господину Ким Дэ Чжуну. В частности, в августе состоится съезд новой демократической партии, которую называют партией-прихвостней режима Пака, и избирается лидер этой партии. И возможно, что на этом съезде честные люди этой партии остановят свой выбор на господине Ким Дэ Чжуне. Во всяком случае некоторыми людьми в экстренном порядке выставится кан-

дидатура господина Ким Дэ Чжуна. И вот вызвали его на суд и учинили новые психологические пытки над ним.

Должна быть основательная причина, чтобы режим Пака затеял явку господина Ким Дэ Чжуна на суд, потому что это весьма невыгодно в международном аспекте. Не было бы ошибкой, если я скажу, что эта причина кроется в переплетении вышесказанного. Имея за своими плечами беспрецедентные в истории мошеннические выборы, Пак Чжон Хи раньше не смел возбудить дело господина Ким Дэ Чжуна за «нарушение правил о выборах», но теперь в царстве мрака он совсем распоясался и хочет разделаться с этим делом.

Несомненно для господина Ким Дэ Чжуна это новый кризис. В 1971 году он говорил ,что имеется возможность введения Пак Чжон Хи канцлерской системы. Теперь он упирается, что он ничего плохого не говорил. Он стоит на своем, говоря, что это подтвердилось жизнью. У меня такое ощущение, что суд после длительного перерыва снова стал ареной его политической борьбы в стране. Дело господина Ким Дэ Чжуна, так же как дело двух японцев, выдвигает новый вопрос, решить который режиму Пака не по плечу. То ли затеял это дело ЦРУ, мобилизовав умы многих людей, то ли возбудил его Пак Чжон Хи в припадке гнева, но во всяком случае это дело не из легких.

Нельзя забывать, что люди из квартала господина Ким Дэ Чжуна, которые на суде аплодисментами его приветствовали и. провожали, а также те, которые окружали здания суда, — это представители населения Южной Кореи, оказывающего поддержку его политической борьбе на суде. Господин Ким Дэ Чжун отнюдь не безрассудный радикал. И жители Южной Кореи будут вместе с ним реалистично

защищать то ценное, что они вернули себе. Закованные в цепях, мы будем всей душой взывать к миру, что это наша искренняя надежда, пусть даже наш голос не дойдет до вас.

НАРОДНЫЙ СУД

Хотя мы чувствуем себя виноватыми перед японскими друзьями, но жители Южной Кореи позволяют себе резко отозваться о Японии. О Масанском промышленном районе с преобладанием японских предприятий вчера газета поместила такую саркастическую заметку:

> В свободном экспортном районе Масана — сокращение штатов и увольнение.

Гость дал хозяину пощечину. Гость помыкает хозяином.

У южнокорейцев дурная привычка — вышучивать Японию. Тому есть своя причина, но это печально. А когда-то фигурировала такая фраза:

> Десятки человек, ехавших зайцами, задержаны японским патрульным судном.

Всякому есть куда идти и где ютиться.

Если хотите, таких фраз хоть отбавляй. Порой даже кажется, не потеряла ли та или другая газета здравый смысл, приличествующий ей. Я об этом пишу здесь потому, что у меня такое ощущение, что это закоренелое криводушие между обеими странами не только не слабеет, а в последнее время еще бо-

лее усугубляется. Правда, японцы часто бередят старые раны и причиняют боль. Но инцидент с господином Ким Дэ Чжуном и арест двух японских студентов омрачили представление японцев о южнокорейцах. Но сейчас мы даже заикнуться не можем про эту свою погрешность.

Я думаю иногда об этой неприятности, которая неизбежно возникла между двумя странами. Как открыть новую эпоху на основе этого рока? Этого мы не должны да и не можем избежать. Поэтому я, думая о далеком будущем, приветствую тот факт, что в Японии постепенно возрастает в последние годы интерес к Корейской республике, хотя он начал проявляться после несчастного события. Просим до конца, начисто выяснить и инцидент с господином Ким Дэ Чжуном и дело двух японцев — Хаякава и Татикава. Надо взяться за дело с такой же настойчивостью, с какой выяснили «уотергейтское дело». Я слышал, что когда американской публике уже надоедало «уотергейтское дело», газеты США писали, что они до конца разоблачат коррупцию и аморальность высокопоставленных лиц, потому что это вопрос жизни для американской демократии. Ради новых отношений в Азии, между Корейской республикой и Японией сердечно просим японскую печать и информацию поступать таким же образом. Япония не должна замазывать эти оба события и игнорировать права личности. Ныне честные люди Южной Кореи сражаются не на жизнь, а на смерть за то, чтобы она не стала такой страной. Нам дозарезу нужна поддержка честных людей мира, особенно Японии. Режим Пака боится общественного мнения мира потому, что оно сильно вдохновляет борьбу за демократию.

Просим обратить внимание на сообщение насчет обвинения против «Общенациональной демок-

ратической федерации учащейся молодежи», над которой сейчас ведется военно-полевой суд.

Оно озаглавлено: «Попытка создания базы для большевизации учебных заведений». Определить ее деятельность как движение за большевизацию — это сплошная ложь. Для этой фальсификации выдумали два «канала большевизации». Это народная революционная партия, Коммунистическая партия Японии и Ассоциация корейских граждан в Японии.

Народной революционной партии уже не существует на Юге. Не может быть речи о какой-нибудь директиве или подстрекательстве. После расследования дела со студентами наверху витает своеобразный призрак — народная революционная партия, а сбоку не по адресу прикрепили не имеющую никакого отношения коммунистическую организацию Японии — такова истинная картина этого дела.

В общем учащиеся Южной Кореи на суде ведут себя с достоинством, дают веские показания. Если кто-то дает туманное показание, то считают его холуем. Желательно, чтобы и оба японца вели себя более достойно. Они должны гордиться тем, что симпатизировали демократическому движению в Южной Корее и хотели рассказать о нем перед миром. Неужто они повесили голову перед бессилием японского правительства? Почему они по праву не спрашивают, на каком основании предали их, иностранцев, суду, который по своей жестокости не имеет себе равного в мире? Мы надеялись, что они не прекратят свою борьбу на суде. Может быть, я требую слишком многого от иностранцев, которые нам сочувствуют. Но ведь так можно победить южнокорейское правительство. Видимо, они не знают, что если скромничаешь, режим Пака сядет на тебя верхом. Такова его природа. Или, может, когда правительство сильно, тогда и народ силен.

В расследовании был сделан главный упор на источник денежных средств. Потому что принято думать: откуда деньги, оттуда и директива. Однако, по сообщению режима Пака, у «народной революционной партии» не найдено ни копейки, два японца тоже не дали деньги. Только употреблялось туманное выражение: выданы «средства на деятельность». Это для того, чтобы как-нибудь замазать то, что выдавалось около 7500 вон на питание. А в случае с поэтом Ким Чжи Ха четко указано, кому и как вручено «один миллион 80 тысяч вон». Отдали только директиву, а денег не дали ни копейки — что за странность!

Когда студенты устраивают собрание в чайной, ЦРУ докапывается, кто заплатил за стол. Таким путем оно выясняет, откуда деньги. Потом оно ломает голову над фабрикацией «дел красных». Как-то один сотрудник ЦРУ проболтал мне, что ничего не поделаешь, так как все делается по сценарии, заранее придуманной начальством. Тот же сотрудник рассказал мне также, что и на собрание, которое устроили проживающие в Японии христиане, послано два сотрудника ЦРУ Южной Кореи. Много людей еще не предали суду. ЦРУ очень затрудняется приписывать их к красным.

Вскрылось несколько источников денежных средств. Скажем, средствами католической церкви пользовались господин Ким Чжи Ха и другие. Протестантская церковь снабжала деньгами общенациональную федерацию студентов-христиан. Видно, это была крупная сумма. Была также денежная помощь бывшего президента Юн Бо Сона. Ее раздал пастор Пак Хен Гю. Было и несколько случаев, когда люди от оппозиции или критических сил отдали небольшую сумму денег для платы за обед. А студенты истратили все деньги, предназначенные для

«взноса за регистрацию» в университете, где начинается новый семестр с апреля. Вот вся перечень средств. И с этими средствами они вели смертельную схватку. А режим Пака врет, что они получали средства от красных, действовали по указке красных. И людей, которых режим Пака называет членами народной революционной партии, и двух японских студентов он судит отдельно на разных судах. Просто возмутительно.

И про это событие ползут небезынтересные сплетни. Мол, какой-то студенческий вожак был агентом ЦРУ. Да и не один он. И один из них, по слухам, надел петлю на этих двух японцев. И судя по показаниям двух японцев на суде, напрашивается мысль, вряд ли они были «подателями директивы». Они наверно были бы только доброжелательными сочувствующими. А Режим Пака обрушил на них страшное преступление. Так, что он собирается сделать с ними? Многих людей одолевает сомнение: не были ли агенты ЦРУ и среди корейских граждан в Японии, с которыми они встречались в Японии. Спрашивается, кому можно доверять в нашем обществе. Студенты, участвовавшие в этом движении, теперь твердо убеждены в том, что активно действовали агенты ЦРУ, а не то ЦРУ не знало бы так хорошо о всех подробностях этого движения.

В прошлом месяце в католическом университете Соган разразилось еще одно событие. Студенты заменили передовицу газеты, которую уже проверила дирекция университета, другой, более радикального тона, передовицей. И напечатали эту газету, которую сразу сконфисковали. И ее нет у меня. Увели трех студентов и руководящего профессора. Еще не известно, что дальше было.

Еще в моих ушах звучат слова, сказанные одним человеком, которого я встретил вчера на улице.

Кстати, он христианин, мой старший друг по университету.

«Старшие должны отвечать. Они должны помогать молодежи. Говорят, один старый человек сбежал, которого шантажировали по поводу имущества. Пора жить мучеником. И старые должны первыми подавать пример. При глупом деспоте неизбежно мученичество. Ведь так было и при Неро, и при нацизме. А японец спрашивал, кто выше — император или Иисус. Неужели нам умереть красными под пятой сумасшедшего или идиота?»

Я упрекаю себя, почему я так боюсь мучений, с которыми сопряжена борьба. Может быть, тот, кто не ведет борьбы, воображает себе смерть, тюрьму, пытки более страшными, чем они есть на самом деле. Говорят же, что товарищи в тюрьме чувствуют себя очень бодро и полны решимости бороться, где бы то ни было. Сознавая свое бессилие, я не мог не задавать себе такой вопрос: до каких пор ты будешь жить так? Вдруг я взираю на небо и вижу: по нему спокойно плывут летние белые облака.

Наконец взорвалось переполнившее чашу терпения недовольство и гнев южнокорейских учащихся.

Южнокорейские учащиеся борются против фашистской «реформированной системы диктатуры клики Пак Чжон Хи.

Студенты университета Корё.

Студентки женского университета Лихва.

Студенты университета Енсе.

Верующие выступают против фашизма, за демократизацию.

Журналисты требуют свободы слова.

Арестовывают католического священника за участие в демонстрации против фашистского насилия.

Антиправительственные демонстрации студентов Сеульского университета.

Члены Ассоциации журналистов Южной Кореи борются против подавления слова со стороны фашиствующей шайки Пак Чжон Хи.

Корейцы, проживающие в Западной Германии, проводят демонстрации с требованием демократизации южнокорейского общества.

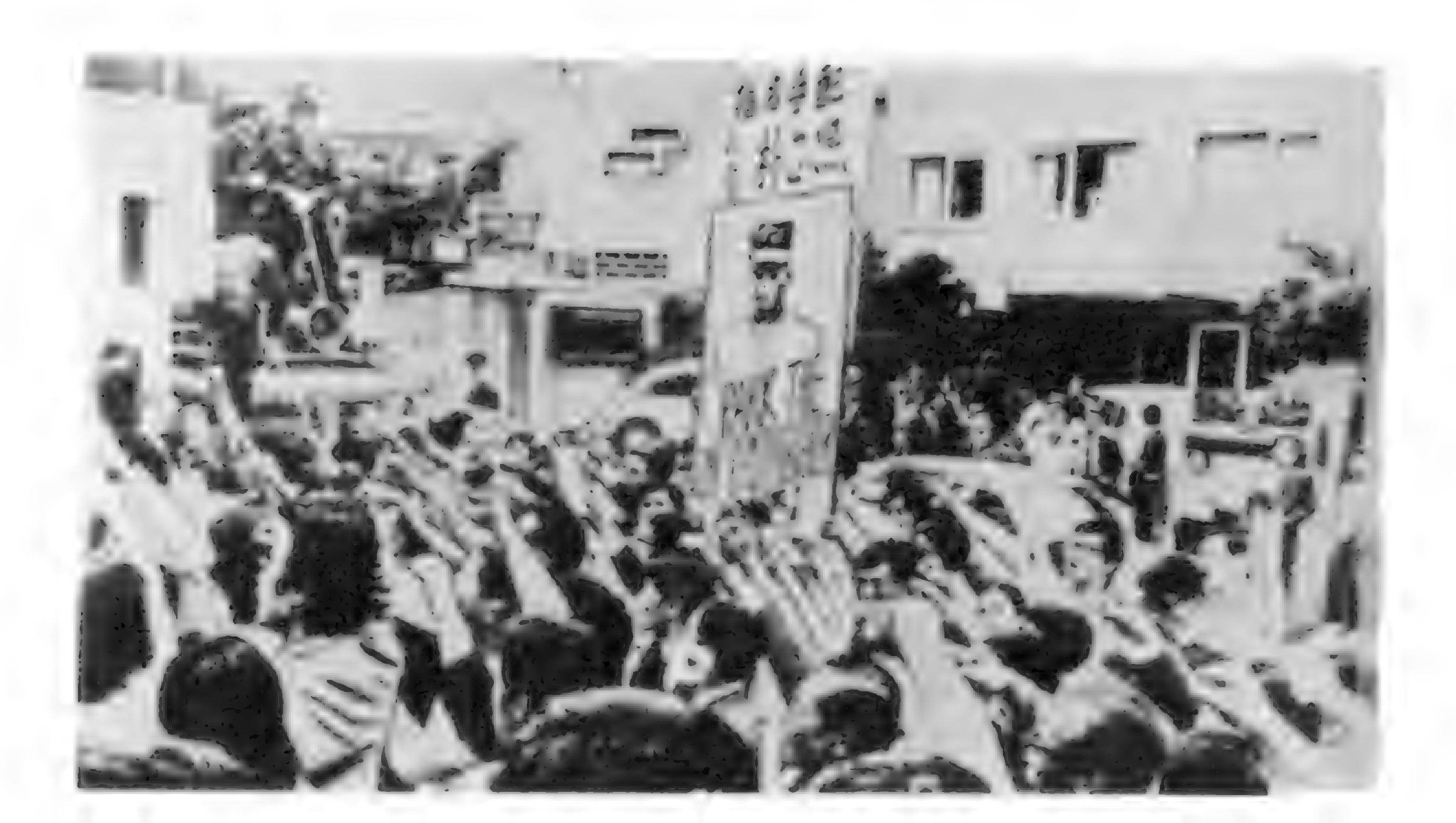

Студенты Сеула, борющиеся за свободу и демократизацию учебных заведений.

Марионеточные полицейские чинят злодеяние над членами семей заключенных в тюрьму студентов и других лиц, требующими их освобождения перед посольством США в Сеуле.

Проживающие в Японии корейские соотечественники осуждают убийства и злодеяния, совершаемые кликой Пак Чжон Хи.

Учащиеся Южной Кореи ведут мужественную борьбу против насилия полицейских. Они больше не могут мириться с военно-фашистской диктатурой.

Корейские соотечественники, объединенные в организации Ассоциации корейских граждан в Японии (Чхонрён), проводят демонстрации, неся транспаранты с лозунгами: «Агрессивные войска американского империализма, немедленно убирайтесь из Южной Кореи!», «Долой диктаторскую власть Пак Чжон Хи!»

Корейцы, объединенные в «Общество южнокорейских граждан в Японии», осуждают невиданное подавление населения со стороны клики Пак Чжон Хи.

Борьба студентов университета Корё против «военного обучения в учебных заведениях».

Проживающие за границей корейцы демонстрируют с лозунгами: «Долой сеульское центральное разведуправление!», «Мы поддерживаем политику одной Кореи!»

Корейцы, проживающие в США, демонстрируют, неся транспаранты с лозунгом: «Долой диктатуру Пак Чжон Хи!»

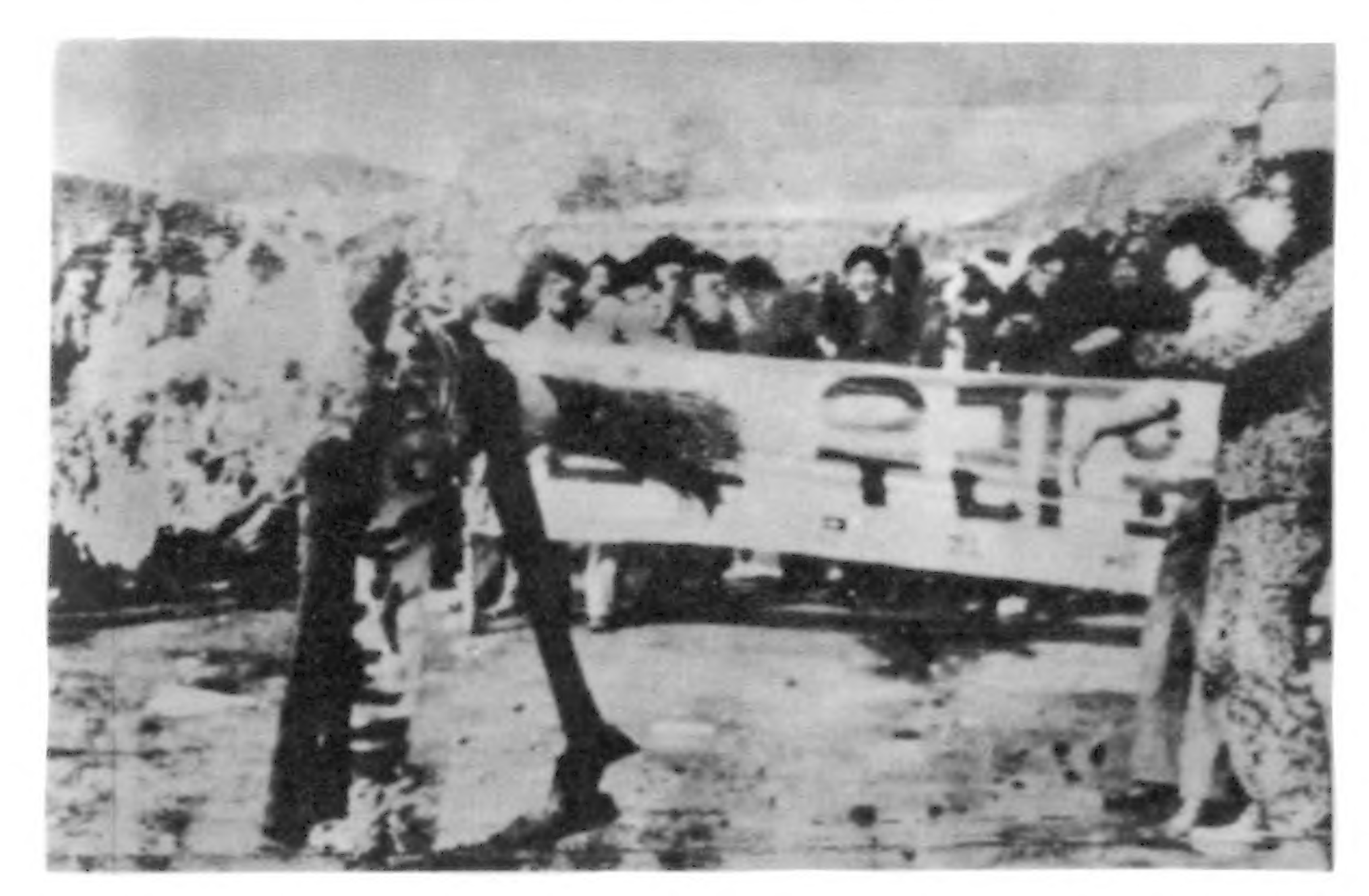

Учащаяся молодежь поднялась на решительный бой за разрыв цепей фашизма.

Японский народ клеймит позором убийства и злодеяния Пак Чжон Хи, неся транспаранты с лозунгом: «Народы всего мира никогда не допустят фашистского деспотизма».

Сеульские студенты устраивают церемонию сожжения чучел фашистских палачей.

Учащиеся Южной Кореи укрепляют решимость со всем упорством бороться за окончательную победу, не покоряясь ни перед какими угрозой и репрессиями.

Напечатано в Корейской Народно-
Демократической Республике

№ 59193